

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра общего и исторического языкознания

На правах рукописи

Пушкарева Ирина Александровна

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОСИСТЕМА КАК МЕТАЯЗЫК
ОПИСАНИЯ МИР-СИСТЕМЫ
(на материале английского и русского языков)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Халина Наталья Васильевна

Барнаул - 2006

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ЭКСПЛИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ В СИТУАЦИИ МИР-СИСТЕМЫ	
1.1. Понимание термина как элемента системы языка	14
1.2. Терминосистема как единица герменевтической техники восстановления мыследеятельности общества	27
1.3. Экономическая терминосистема английского языка в ситуации мир-системы	34
1.4. Экономическая терминосистема русского языка в ситуации мир-системы	56
Выводы по первой главе	76
Глава 2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОСИСТЕМА КАК СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ОПЫТА В СИТУАЦИИ МИР-СИСТЕМЫ	
2.1. Герменевтический опыт в ситуации мир-системы	79
2.2. Накопление герменевтического опыта в ситуации мир-системы	91
Выводы по второй главе	113
Глава 3. МАТЕРИАЛЬНО-СТРУКТУРНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ МИР-СИСТЕМЫ	
3.1. Выражение герменевтического опыта в мир-системе (текст, стиль, пресса)	116
3.2. Мир-ситуативная рефлексия над процессуальностью языка (метаязык)	137
3.3. Модусы жизни в мир-системе (экономическая картина мира, экономическая модель мира)	152
Выводы по третьей главе	171

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	173
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	177
СПИСОК СЛОВАРЕЙ	197

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Настоящая работа посвящена изучению английской и русской экономических терминосистем как метаязыка описания мир-системы с позиций экономической герменевтики.

Проблема термина и терминологии привлекает внимание лингвистов в результате интенсивного развития науки, в связи с проблемой языка и мышления, а также с проблемой кодирования, фиксации, хранения и передачи научно-профессионального знания, т.е. с проблемой человеческого познания.

Экономическая терминология как составляющая часть экономики, ставшей отдельной областью знания, неизменно привлекает внимание исследователей. Изучению современной экономической терминологии посвящены работы М.В. Китайгородской, Е.А. Коноваловой, В.В. Никитиной, Р.С. Цаговой, Т.И. Панько.

Проблемы термина и терминообразования, а также определения термина и терминологии находят отражение у Б.Н. Головина, Р.Ю. Кобрин, Л.М. Алексеевой, А.В. Суперанской, З.И. Комаровой, Н.В. Подольской, Н.В. Васильевой, Е.А. Коноваловой, Н.Б. Гвишиани и т.д. В современных работах по терминологии внимание уделялось структуре составных терминов [Егоршина, 1995; Лесничая, 1998; Глумов, 1980], исследовались семантические и номинативные особенности терминологических единиц [Головин, Кобрин, 1987; Кучерова, 1986; Коновалова, 1998], выявлялись основные и продуктивные средства терминологической номинации, а также структурные модели терминов [Никитина, 1995; Коновалова, 1998; Лесничая, 1998; Алексеева, 1998; Суперанская, 1989]. Закономерности формирования терминологических систем рассматривались в работах В.Н. Прохоровой, Т.Н. Кучеровой, В.В. Никитиной, Е.А., Коноваловой, Н.С. Будько. Проблема симметрии знака и означаемого понятия в терминологии нашла отражение у Е.А. Коноваловой, В.В. Никитиной. Функционированию научного термина и

терминологической дефиниции в тексте посвящены работы А.В. Лемова, Е.В. Шиловой, И.С. Квитко, В.М. Лейчика, З.И. Комаровой, Б.А. Глухова и др. Термин как носитель профессионально-научного знания подробно анализировался М.Н. Володиной. Свойства и функции терминологии рассматривали Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин, В.М. Лейчик, М.В. Антонова.

Актуальность темы исследования заключается в рассмотрении экономической терминологии как средства выражения и фиксации профессионально-научного знания данной области исследования, рассмотрении терминологии с прагматической точки зрения, исследовании специфики экономической терминосистемы как метаязыка описания мир-системы.

Язык экономики является средством, позволяющим человеку ориентироваться и осуществлять коммуникацию в современных условиях экономической жизни общества, в результате чего в настоящее время все больший интерес приобретают исследования терминосистем как языковых структур, функционирующих в динамике, т.е. в конкретных коммуникативных ситуациях. Введение в повседневное общение терминов формирует систему представлений об экономических взаимоотношениях в современном мире, так как несет в себе информацию, полученную путем восприятия окружающей действительности.

Мир-система – это новое состояние системы обществ, характеризующееся единством процессов внешней (экономические, политические, социальные связи) и внутренней (информационные, этические, духовные стандарты) детерминации.

Как отмечает американский социолог-теоретик Т. Парсонс, для эпохи современности комплекс территориальных государств и культурных образцов, называемых национальными и пришедших на смену единому обществу – средневековому западному христианскому миру, может рассматриваться только как система обществ [Парсонс, 1998].

Система обществ рассматривается через призму более общей системы действия, в которой в качестве составляющих выделяются социальные подсистемы, культурные подсистемы, личностные подсистемы и поведенческие организмы – абстракции, вычлняющие из реального потока социального взаимодействия. Причем, культурные, личностные подсистемы, поведенческие организмы трактуются по отношению к социальной подсистеме как компоненты ее окружающей среды [Парсонс, 1998:15].

Особо значимыми при исследовании экономической терминосистемы следует признать культурные подсистемы общей системы действий, которые, по утверждению Т. Парсонса, «складываются вокруг комплексов символических значений – кодов, на основе которых они структурируются, особых сочетаний символов, в них используемых, условий их использования, сохранения и изменения как частей систем действия» [Парсонс, 1998:16].

Средой системы действия полагаются две системы реальности: физическая среда и «высшая реальность», отождествляемая с тем, что М. Вебер называл «проблемой смысла» человеческих действий [Вебер, 1994]. Проблема смысла человеческих действий связана с системой действия посредством структурирования в культурной системе смысловых ориентаций, которые включают в себя познавательные «ответы».

Смысловые ориентации в мир-системе определяются через обращение к экономической терминосистеме, выявление особенностей которой позволяет произвести историческую реконструкцию ситуации ее использования, охарактеризовать субъективность эпохи (исторической ситуации), воспроизвести особенности творческой мысли.

Отсюда анализ экономической терминосистемы возможно рассматривать как герменевтическую технику реконструкции экономического термина, целью которой является через процедуры фиксации грамматического (морфологического и словообразовательного) и содержательного планов создать (в соответствии с требованиями к технике герменевтического анализа

Ф. Шлейермахера) условия для эмпатии – вчувствования в особенности мир-системы и воспроизведения характерных черт мыследеятельности в ее контексте.

Привлечение герменевтических техник, как считает П. Рикер, обусловлено новой проблематикой существования. «Но субъект, который интерпретирует знаки, интерпретирует себя, больше не является Cogito: это – существующий, который через истолкование своей жизни открывает, что он находится в бытии до того, как полагает себя и располагает собой. Так герменевтика открывает способ существования, который остается от начала и до конца интерпретированным бытием. Одна только рефлексия, уничтожая себя как рефлексию, может привести к онтологическим корням понимания. Но как раз это и происходит в языке и в движении рефлексии» [Рикер, 1995:16].

Цель экономической герменевтики – воспроизведение (реконструкция) ситуации возникновения смысла, обусловившей выбор той или иной системы организации деятельности с целью создания личного и общественного блага. Задачи экономической герменевтики:

- показать, что интерпретация экономических терминов, рождаемых в системе современных обществ, позволяет достичь смысла современного существования, или интерпретированного бытия «мир-система»;

- показать, что присвоение смысла, содержащегося «вовне» - в деловой экономической прессе, позволяет определить то, каким образом объективируется жизнь духа в системе современных обществ;

- обосновать, что экономические термины, функционирующие в деловом дискурсе, обретают в современных условиях статус «объективных заголовков» [Шпет, 1980:196].

Одним из вариантов интерпретированного бытия является способ существования в мир-системе: возможность существования в мир-системном дискурсе обусловлена знанием и пониманием механизмов формирования опыта. Цель работы герменевта в таком случае сводится к выявлению

подобных механизмов через практику работы с текстами, соотнесение их содержания с опытом «современности» [Рикер, 1995: 13].

Онтология понимания, включает П. Рикер, включена в методологию интерпретации: любая герменевтика открывает определенный аспект существования, который и обосновывает герменевтику как метод.

Применение герменевтических техник истолкования в экономике, в частности, в сегменте «экономическая терминология», открывает аспект существования системы обществ – актуализацию общей системы действия, в современных исторических условиях детерминированной, по мнению И. Рамоне, двумя парадигмами – общением и рынком [Рамоне И, 2001:157]. «Эти две новые парадигмы – общение и рынок – представляют собой несущие опоры, на которых зиждется система современного мира, в котором интенсивно развиваются лишь виды деятельности, имеющие четыре основные характеристики: планетарная, постоянная, непосредственная и нематериальная. Эта «четверка» – ведущая сила глобализации, главного и определяющего явления нашей эпохи» [Рамоне, 2001:55]. Для современной системы обществ видами деятельности, обладающими этими качествами, считает И. Рамоне, является финансовый, коммерческий, культурный, информационный.

В данном исследовании особое внимание уделяется финансовой деятельности, раскрываемой в качестве аспекта существования в «мир-системе» системы современных обществ.

Объектом исследования являются биржевая и банковская терминосистемы, а также терминосистемы бизнеса, менеджмента и маркетинга английского и русского языков. Выбор данных терминосистем обусловлен их относительной новизной исследования, активностью их формирования и функционирования на современном этапе экономического развития общества, а также практической необходимостью изучения данных терминосистем.

Предметом исследования является процесс функционирования термина в динамике, а именно в научном тексте, что позволяет показать «по-новому

реальные взаимосвязи термина как средства фиксации знания (с его стереотипностью, устойчивостью) и как средства выражения результатов познания (с его вариантностью, субституциями, изменением формы и содержания)» [В.М. Лейчик]. Исследование текста является актуальным на современном этапе развития научных дисциплин в результате появления огромного разнообразия научной литературы, а текстовая деятельность, согласно Т.М. Дридзе, вливается в «общий поток практической деятельности человека в обществе» [Т.М. Дридзе].

Цель – выявить механизмы функционирования экономической терминосистемы английского и русского языков как метаязыка описания мир-системы.

В соответствии с целью исследования в данной работе ставятся следующие **задачи**:

1. выявить характерные черты, присущие экономической терминосистеме английского и русского языков;
2. охарактеризовать терминосистему как особый принцип кодирования, хранения и передачи коллективного научного знания;
3. рассмотреть текст как средство реализации экономического знания;
4. охарактеризовать терминосистему как метаязык описания экономических отношений;
5. рассмотреть экономическую терминосистему как способ описания современного общества (мир-системы).

Материал исследования составляет около 4000 экономических терминов и терминологических словосочетаний английского и русского языков. Преимущественно отбирались термины, обладающие высокой частотностью употребления в деловой прессе, а, следовательно, большим экспланаторным потенциалом при толковании экономического аспекта существования современных обществ, т.е. интерпретированного бытия, маркированного как «мир-система».

Источниками языкового материала являются теоретические, научно-практические и профессиональные журналы «Финансы и кредит», «Маркетолог», «Деньги и кредит», «Консультант», «Рынок ценных бумаг», «The Economist», «Deutschland», «Management Today» и газеты «The Times», «Moscow News» а также специализированные одноязычные и двуязычные, толковые, энциклопедические словари и словари иностранных слов. Общий объем исследованных текстов составил около 5000 страниц.

Методы исследования. В ходе работы использовались: метод синхронного лингвистического описания, включающий операции сравнения и обобщения, метод компонентного анализа (при описании семантической структуры терминов), герменевтический и объяснительный методы, анализ по непосредственно составляющим (при выявлении моделей терминов – словосочетаний), а также привлекался сопоставительный анализ.

Научная новизна исследования заключается в применении при изучении экономической терминосистемы герменевтической техники истолкования экономического аспекта существования социума, для чего термины рассматриваются в качестве единиц, фиксирующих результаты познания мира с экономической точки зрения; разрабатываются предпосылки для формирования экономической герменевтики – техники толкования ситуаций возникновения смысла, обуславливающих выбор системы организации деятельности с целью создания личного или общественного блага и создается материально-структурное объяснение мир-системы.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты углубляют понимание тенденций развития и особенностей функционирования экономической терминосистемы в современной мир-системе. Герменевтический подход к терминосистеме экономической области знания английского и русского языков позволяет: 1) разработать герменевтические основания социологического метода в языковедении, ведающего сферой каузальных отношений в интерпретируемом бытии; 2)

выявить особенности языкотворческой деятельности, связанной с процессом импликации высказывания, преобразования речевого сообщения в элементы системы; 3) обосновать статус термина как единицы системы языка, способной выражать мыслительный процесс, характерный для мир-системы; 4) создать герменевтическое описание экономического аспекта существования системы современных обществ.

Практическая ценность исследования. Полученные результаты исследования могут быть использованы в учебной литературе и методических пособиях по терминоведению, в лекциях по языкознанию, а также в практике перевода экономической литературы и редактирования научных текстов данной области знания, при составлении словарей и справочников по экономике. Наиболее продуктивные модели и способы терминообразования могут быть применены в практике автоматического (компьютерного) перевода, получившего широкое распространение в современном мире, а также для дальнейшего развития отдельных областей экономики.

Результаты исследования позволяют вынести на защиту следующие положения:

1. Экономическая терминосистема английского языка представляет дискурсивную ступень мир-системы, характеризующуюся оформлением референциального содержания или информативного смысла, экономического аспекта существования общества, смысловыми ориентирами которого является финансовый, коммерческий, культурный и информационный виды деятельности.
2. Экономическая терминосистема русского языка представляет преддискурсивную ступень мир-системы, характеризующуюся сублогическими процессами отражения действительности. Ассоциативные сублогические комплексы – динамические структуры ассоциативного типа, оформленные на основе выбора из системы

русского и английского языков серий-рядов, позволяющих ориентироваться в мир-системе.

3. Термин как элемент системы языка маркирует мыслительные процессы, сопровождающие адаптацию познающего субъекта к теоретизированному миру. Процесс терминотворчества представляет собой социальное явление, органическую часть социального процесса, характерного для системы современных обществ.
4. Мир-система или мироэкономика – это новое состояние системы современных обществ, интерпретируемое бытие, наиболее достоверно выступающее в вариантах истолкования сущего: экономической картины мира и экономической модели мира в качестве основы истины и знания и базирующееся на понимании сферы действия экономической теории, конструируемой экономической терминосистемой, которая эксплицирует особенности мыслительной деятельности субъекта, как деятельности вживания, вчувствования во внутренние структуры мир-системы.
5. Экономическая терминосистема выступает в качестве языка описания познавательной деятельности общества по обнаружению принадлежности к «тут-бытию». Экономическое терминотворчество и терминовоспроизводство предстают процедурами раскрытия онтологической принадлежности субъекта, тождественными процессами установления истины.

Апробация работы. Основные положения работы докладывались на межвузовских лингвистических конференциях. Содержание работы отражено в девяти публикациях: всероссийская научно-методическая конференция «Языковые и культурные контакты различных народов» - Пенза, 2001; «Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России». – Калуга, 2002; региональная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков». – Новокузнецк: НГПИ, 2002; «Проблемы и перспективы языкового

образования в XXI веке». – Новокузнецк: КузГПА, 2004, 2005; международная научно-практическая конференция «Коммуникативистика в современном мире: человек в мире коммуникаций». – Барнаул, 2005; опубликованы статьи в научном журнале Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2004, 2005 гг. Содержание работы отражено в девяти публикациях, общим объемом 2.25 печатных листа.

Структура диссертации определяется ее целью и поставленными в ней задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. К работе прилагается библиография и список использованных словарей.

Глава 1. ЭКПЛИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ В СИТУАЦИИ МИР-СИСТЕМЫ

1.1. Понимание термина как элемента системы языка

В данном разделе выявляется статус термина как элемента языковой системы с точки зрения его экспликативных функций; разрабатываются процедуры и приемы социологического метода, призванного реконструировать ситуацию создания термина как элемента языковой системы и позволяющего выявить механизмы формирования опыта.

Термины образуют систему, знаково закрепляющую знания в жизнедеятельности общества, – терминосистему определенной области знаний, являющуюся языком, выражающим специальное знание. Согласно М.Н. Володиной, термины создаются для обеспечения возможности коммуникации в процессе профессиональной деятельности и служат инструментом человеческого познания [Володина, 2000:43]. Иными словами, термины, передавая понятия и являясь продуктом мыслительной деятельности человека, обеспечивают в пределах той или иной области «научного знания и жизнедеятельности общества» корреляцию элементов языковой системы с понятиями и суждениями.

В подобном случае элементы языковой системы изучаются со стороны их экспликативных функций (экспликативной значимости). В идеале эти функции, как считает Л.Н. Засорина, «должны иметь объяснительную силу относительно любых текстов. Экспликативная модель системы языка в принципе может строиться таким образом, чтобы раскрыть главную антиномию языка – его универсализм и конкретность значений отдельных речевых высказываний, или иначе свойство открытости языка, способность к порождению бесконечного множества высказываний» [Засорина, 1973:23].

Термиотворчество также представляет собой социальное явление, органическую часть социального процесса, характерного для системы современных обществ. Вживание (эмпатия) во внутренний мир эпохи обуславливает необходимость воспроизведения мыследеятельностных моделей, регулирующих механизмы формирования опыта. Цель работы герменевта сводится к выявлению подобных механизмов на основе соотнесения содержания текстов с опытом «современности», что возможно осуществить, используя социологический метод.

Разработку процедур и приемов социологического метода в языковедении мы производим с опорой на параметры социологического метода П.Н. Сакулина. Социологический метод в языковедении имеет герменевтические основания: призван реконструировать ситуацию создания элемента языковой системы (термина), предполагает понимание и учет опыта другого и перенос смысла в другой язык (термин как продукт речемыслительной и языкотворческой жизнедеятельности общества); позволяет выявить механизмы формирования опыта. Социологический метод в языковедении, призванный представить возможность существования в мир-системном дискурсе, включает в себя следующие приемы:

1) характеристику социальной структуры среды (системы современных обществ);

2) выявление главных видов деятельности, социального процесса в данную эпоху (финансовый, коммерческий, культурный, информационный);

3) характеристику экономики как функции, в которой проявляется социальный процесс. Экономика, прибегающая к герменевтике как совокупности техник использования текста, связана с экономическим искусством, которое определяет выбор, реализацию и соотношение конкретных видов и форм организации общественного труда; его частными видами является макроэкономика, маркетинг, менеджмент, бухгалтерия, консалтинг [Рождественский, 2002];

4) характеристику культурной среды – деловой прессы; господствующих в ней идеологий; определение социально-психологической доминанты;

5) выявление особенностей разновидности социального процесса, зафиксированного в терминологической системе (экономической в частности):

а) факторы среды; б) внутренние законы; в) эволюционный момент; г) каузальный момент;

б) изучение индивидуального момента творчества (роль личности в создании термина).

Последовательное применение шагов социологического метода позволяет понять, что представляет собой мир-система как состояние системы современных обществ: а) структурируемое парадигмами «общение» и «рынок»; б) детерминированное финансовой, коммерческой, культурной и информационной видами деятельности, которые соответствуют характеристикам: планетарность, постоянство, непосредственность, нематериальность.

Социологический метод создает основания для восстановления информационного содержания, присущего только единицам дискурсивной речи и интерпретируемого через отношение к внешнему миру [Засорина, 1973:5]. Термин в таком случае выступает только как маркер мыследеятельностного процесса в ходе освоения физической реальности обществом.

Термин же, как элемент системы языка, потенциально способный отражать определенный мыслительный процесс и принимающий участие в конструировании экспликативной модели системы языка, может изучаться только в составе (в качестве элемента) терминосистемы.

Терминосистема структурирует в культурной системе смысловые ориентиры, включающие в себя, согласно концепции М. Вебера, познавательные «ответы», касающиеся «проблемы смысла» человеческих действий [Вебер, 1994]. Отсюда терминосистема может выступать в качестве единицы герменевтической техники восстановления особенностей

мыслительной деятельности в тот или иной исторический момент заложенных в человеке субстанциональных возможностей. Последним, по мнению К. Ясперса, «необходима рационализация, которая сама по себе совсем не есть нечто первичное, а есть лишь средство восстановления истоков и конечных целей» [Ясперс, 1994:73].

В современных исследованиях можно выделить несколько подходов к определению термина, обусловленных попытками определить сущность термина как элемента языковой системы. Представители атрибутивного подхода дают определение термину через его признаки: системность, однозначность, независимость от контекста, дефинитивность, внеэмоциональность и объективность, социально регламентированная, точно отграниченная сфера применения и т.д. [Даниленко, 1993].

Российская терминологическая школа выделяет **системность** как один из основных признаков термина. Однако терминология любой области знания не может не быть системой, так как область знания, и ее понятия, выраженные терминами, сами образуют систему. Так Б.Н. Головин объясняет свойство системности любой терминологии системностью мира «отдельные участки и стороны которого, она, терминология, отображает и обслуживает» [Головин, 1987:78].

В современных исследованиях системность термина рассматривается, с одной стороны, как выражение системы понятий определенной области знания, а с другой стороны, как «отражение мотивирующих словообразовательных возможностей слова-знака, являющегося термином» [Лемов, 2000:13]. Д.С. Лотте, рассматривая системность терминологии, указывал на необходимость соблюдения следующих положений: необходимость классификации понятий, выделения терминируемых признаков и понятий с опорой на классификационные схемы, а также необходимость отражения словом общности терминируемого понятия с другим и его специфичность [Лотте, 1961:10].

В.П. Конечкая выделяет объектность, структуру и целостность как основные признаки системности [Конечкая, 1984:26]. Л.М. Алексеева видит в признаке системности термина его отличительную черту от слова, «определяя системность как свойство создавать систему авторских понятий» [Алексеева, 1998:26]. Термину присуща системность, поскольку он входит в терминологию, которая является системой понятий определенной области знания, и именно в системе слово приобретает свою характеристику термина [Никифоров, 1966:111–114]. В системе терминов «один термин как бы поддерживает другой термин, «стоящий» рядом с ним. Положение термина в ряду других терминов приобретает особое значение» [Будагов, 1976:86].

Термин, функционируя в системе, противопоставляется другим терминам, входящим в эту же систему, поэтому термин необходимо рассматривать с позиции его «роли, значимости в системе». Термин, являясь составным элементом системы, также обладает системностью. Э.М. Бурт рассматривает научное понятие как «развивающуюся систему многоступенчатых структурных элементов двух типов», в которые автор включает понятия «обобщающие различные аспекты исследуемых объектов и аспекты их познания и видовые понятия, обобщающие виды объектов и формируемых на базе аспектных понятий» [Бурт, 1984:36]. Познавая объект, мы выделяем его отличительные признаки, которые обобщены в «аспектных понятиях», формирующих центр системы. По мере дальнейшего всестороннего познания в объекте выделяются все новые признаки, аспекты, которые фиксируются в новых понятиях. Выделенные новые аспекты в итоге «сами становятся объектом исследования и / или (если это аспект познания объекта, например, «дефиниции терминов») объектом совершенствования» [Бурт, 1984:37]. И далее система разрастается по аналогичной схеме. Базовое понятие имеет не только «аспектные понятия» первой, второй, третьей, и последующих ступеней, но и видовые понятия, выделенные на основе «аспектных». Таким

образом, термин, выражая понятие, является динамичной системой, которая развивается по мере дальнейшего изучения объекта исследования.

Экономический термин, сам являясь системой, входит в систему экономической терминологии, которая, в свою очередь, является отражением системы экономики в системе современных обществ.

Достаточно значимым признаком, характеризующим экспликативную значимость термина как элемента языковой системы, является признак однозначности. Отечественная лингвистика, стремившаяся к стандартизации и унификации терминологии и рассматривавшая терминологию в статике, а не в динамике, считала, что в идеале у термина должно быть одно значение, и полисемия в терминологии не приветствовалась. Но на практике данный признак не всегда соблюдается, и сейчас исследователи признают, что «и изменение границ семантики термина, и возникновение новых значений – закономерное явление в развивающейся терминосистеме, так как терминосистема отражает процесс познания постоянно развивающейся действительности» [Татаринов, 1996:64]. Появление многозначности у термина рассматривается как его возможность «описывать объект познания с различных позиций предметного и логического знания» [Телия, 1986:120]. В современных исследованиях существует два противоположных взгляда на многозначность термина. Одни исследователи считают, что многозначность является препятствием в научной коммуникации и создает определенные трудности в понимании информации. Так, Б.Н. Головин связывает явление многозначности с нечеткостью терминов, сложностью их семантико-грамматической структуры, что приводит к неблагоприятной терминологической ситуации [Головин, Кобрин, 1987:6]. Предъявляемые к термину критерии четкости, точности и однозначности предотвращают возникновение «разномыслия в понимании и применении одних и тех же терминов, уменьшают потери в восприятии и усвоении информации» [Березин, Головин, 1979:265]. Другие утверждают, что многозначность термина снимается в контексте, а также в

результате жизненного и профессионального опыта человека, поэтому не может мешать точному пониманию. Я.А. Климовицкий рассматривает однозначность не как абсолютный, а лишь как возможный признак термина, проявляющийся в определенном контексте [Климовицкий, 1969:35]. Мы полностью согласны с В.П. Даниленко, что терминологии, являющейся частью общелитературного языка, «свойственна асимметрия, проявляющаяся в наличии вариантов (синонимов), в обычной и своеобразной многозначности», что подтверждается в результате анализа экономической терминологии [Даниленко, 1986:18].

Дефинитивность выделяется исследователями - лингвистами как один из обязательных признаков термина: «имеющий определение – термин, не имеющий определения – не термин» [Головин, Кобрин, 1987:61]. Еще В.В. Виноградов писал, что если слово является «средством логического определения, тогда оно – научный термин» [Виноградов, 1947:12]. Дефиниция «есть логическая операция, в процессе которой раскрывается содержание понятия» [Кондаков, 1971:355]. Л.М. Алексеева под дефинитивностью термина понимает «его главное свойство быть производным дефиниции» и считает, что «термин всегда порождается на основе актуализированной или потенциальной дефиниции» [Алексеева, 1998:40]. По мнению М.Н. Володиной, термины-понятия внутри определенной терминосистемы «снабжены классифицирующей дефиницией, которая позволяет оперировать ими как элементами научного познания» и воспринимается как информация, ориентирующая человека на дальнейшую познавательную деятельность [Володина, 1997:32]. В целом, в большинстве традиционных исследований дефиниция выделяется как основной признак термина, где с термином соотносится только одна дефиниция. Однако существует и противоположная точка зрения, авторы которой исходят из относительности и условности характера понятий, лежащих в основе терминов, которые выступают как посредники «между реальной действительностью и самим процессом познания этой реальной действительности», следовательно,

дефиниция «не однозначна, не единственна, не строго определена» и «допускает множественность интерпретаций» [Алексеева, 1998:42].

Внеэмоциональность и безразличие к контексту также признаны абсолютизированными признаками, и их следует рассматривать не как неоспоримое, а как желательное требование. В связи с признанием существования у термина многозначности на первый план выходит вопрос контекста, который и решает проблему многозначности термина. Именно в контексте проявляются особенности функционирования термина и выявляется нужное и единственно правильное значение термина применительно к конкретной ситуации общения. Однако существует и прямо противоположное мнение, сторонники которого считают контекстом для данного термина терминологию, «через которую он и приобретает свою многозначность», и акцентируют внимание на независимости термина от «словесного контекста» [Даниленко, 1977:166].

Некоторые терминоведы–исследователи признавали термин лишенным **эмоциональности и образности**. Так, Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин считают термин «непригодным для построения высказываний, выражающих так называемое «образное значение», компоненты эмоционально-волевой сферы сознания «в общем значении термина или стерты, или полностью отсутствуют» [Головин, Кобрин, 1987:40-41]. Современные исследователи отмечают наличие эмоциональности, образности и экспрессивности в значениях терминов. З.И. Комарова выделяет большую группу предметных терминов, которые «включают в свою семантическую структуру образность (экспрессивную мотивированность термина), а также выделяет предметные термины, где эмоциональность «связана с выражением отношения говорящего к обозначаемому. Примером служат уменьшительные образования существительных» [Комарова, 1991:29-30]. Противоречивый (двойственный) характер экономических терминов в первую очередь обусловлен

стремительностью развития такой научной области как экономика, что, как правило, отражается на развитии терминологии.

Референциальный подход к определению термина лежит через рассмотрение оппозиции термин – слово. Рассмотрение данной оппозиции основывается на анализе «отграничительных признаков» или критериев термина от слова. Данный подход является традиционным, однако, по мнению некоторых исследователей, бесперспективным и несостоятельным, так как термин, как уже указывалось выше, сам является словом, но «в особой функции», следовательно, не может быть ему противопоставлен [Волкова, 1989:3; Кучерова, 1986; Марчук, 1976]. Таким образом, нельзя разграничить терминологию и общелитературный язык, и следует рассматривать термин и слово не как оппозицию и противопоставление, а с точки зрения отношений «логической производности», где слово первично, а термин, следовательно, вторичен [Алексеева, 1998:30].

Представители собственно экспликативного подхода рассматривают термин как инструмент познания. Широкое освещение подобное понимание получило в трудах М.Н. Володиной, где терминотворчество представлено «в неразрывной связи с развитием познания», а термин «выступает в качестве носителя коллективного профессионально-научного знания, которое оптимизирует познавательную и преобразующую деятельность людей» [Володина, 1998:1, 3]. «Выражая через языковой знак специальное понятие, определяющее в объекте нечто общее и закономерное, термин становится инструментом познания» [Володина М.Н., 2000:21]. Термин, является специальной «когнитивно-информационной структурой, в которой аккумулируется выраженное в конкретной языковой форме профессионально-научное знание, накопленное человечеством за весь период его существования» [Володина, 2000:30]. По мнению М.Н. Володиной, «объективное содержание термина, являющего собой своеобразную «запись» профессионально-научного знания, характеризуется тем, что оно дается как значение специального

выражения, которое представляет не только объект познания, но и мыслительный процесс, связанный с его познанием» [Володина, 2000:30].

Рассмотрение термина с экспликативной точки зрения мы находим и в исследованиях Л.М. Алексеевой, где термин понимается как средство вербализации мысли, как посредник «между реальной действительностью и самим процессом познания этой реальной действительности» [Алексеева, 1998:41]. А также в работах Б.Н. Головина и Р.Ю. Кобрин, рассматривающих термин как «слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними» [Головин, Кобрин, 1987:5].

Н.Б. Мечковская выделяет **управляемость**, как свойство термина, выступающего «в качестве члена системы специальных обозначений», так как термины создаются людьми и характеризуются общественной природой. Поэтому общество может сознательно оказывать влияние на терминологию. Однако терминология, «сопротивляясь регламентации», не всегда подчиняется принятым относительно нее стандартам и характеризуется многозначностью, экспрессивностью, наличием синонимии, разговорных терминов и т.д. По мнению Н.Б. Мечковской, терминология является языковой областью, «которая в самом своем зарождении наиболее прямо связана с сознательно-культурным и искусственным началом в языке» [Мечковская, 2000:48].

Будучи связан с сознательно-культурным началом в языке, термин выполняет экспликативную функцию, основывающуюся на его объяснительной силе относительно любых референциальных значений слов и предложений любых текстов [Засорина, 1993:23]. Экспликативная функция термина обуславливает другие его функции: коммуникативную, трансляционную, прагматическую, эвристическую.

Термин, обладая высокой информативностью, выполняет коммуникативную функцию, которая способствует активизации деятельности

человека для получения дополнительных знаний. Благодаря данной функции термина, человек не только получает достоверную информацию об окружающем его мире, но и опыт в результате переосмысления и активного применения этих знаний.

Для научной и практической коммуникаций характерны следующие коммуникативные ситуации: терминотворчество, обмен информацией, работа с документами, коллегами-специалистами, клиентами и т.д. К учебной коммуникации можно также отнести коммуникативную ситуацию получения информации, ее переосмысление и преобразование в знание. По мнению Б.Н. Головина, терминосистема, ориентированная на процесс обучения, оказывается обедненной по сравнению с терминосистемой, ориентированной на процесс научного общения, но вместе с тем именно потребности общения в процессе обучения заставят исследователей уточнять привычные термины-понятия, определять их, толковать и пояснять. А это все оказывает не обедняющее, а, наоборот, обогащающее воздействие на терминологию и ее использование [Головин, 1981].

Дж. Сейгер указывает, что в широком смысле слова, коммуникативная задача отправителя информации состоит в передаче сведений, которые повлияют на уровень знания адресата [Sager, 1990]. Также автор указывает, что коммуникативная задача отправителя заключается не только в передаче определенной информации, но и в реализации определенных целей. При передаче информации в своем сообщении отправитель излагает ее нужными способами в соответствии со своими коммуникативными задачами. В результате вышесказанного Дж. Сейгер приходит к выводу, что сообщение объединяет фоновые значения, специальные знания и умение адекватно употреблять терминологию, а также ожидаемую реакцию реципиента. Для того, чтобы коммуникация имела положительные результаты, и отправитель информации успешно реализовал свои коммуникативные задачи, ему нужно учитывать уровень профессиональных знаний реципиента. Дж. Сейгер

указывает, что «успешная» коммуникация зависит от краткости и точности сообщения и соответствия профессиональным знаниям реципиента [Sager, 1990].

Следующая не менее важная функция – хранение и передача информации, так как в термине хранится переработанная человеком информация об окружающем научном мире. Однако научно-профессиональная коммуникация не ставит себе целью только обмен информацией при помощи терминологии, а как пишет М.Н. Володина, представляет собой особую форму взаимодействия людей, являясь базисным элементом социальных систем [Володина, 1998]. В результате научного общения происходит не только обмен научной информацией, но и ее переосмысление и преобразование.

Одной из важнейших функций термина является прагматическая функция, которая, как считает М.В. Антонова и В.М. Лейчик, зависит от установки, выбираемой продуцентом знака в целях воздействия на реципиента, например, убедить в истинности передаваемой информации или побудить к действию [Антонова, Лейчик, 1990]. Выбор того или иного термина зависит от коммуникантов и от условий и области их общения. По мнению авторов, прагматическая функция реализуется в средствах построения специального текста, куда термин вносит свой вклад, при адекватном его употреблении. Еще одна функция термина – эвристическая является специфической, так как проявляется в «прогнозных» терминах, которые проявляются до открытия специального понятия [Антонова, Лейчик, 1990:10]. Таким образом, термин является полифункциональной единицей, и присущие ему функции имеют свою специфику в реализации.

Функции термина как элемента языковой системы способствуют его использованию в качестве единицы структурирования смысловых ориентаций в культурной системе, одной из которых является ориентация «экономика», или экономический аспект существования системы современных обществ.

Структурирование смысловых ориентаций связано с «проблемой смысла» человеческих действий, одно из решений которой может быть найдено через обращение к правилам или техникам герменевтического анализа.

Герменевтический подход к изучению термина позволяет понять механизмы формирования экспликативного опыта общества в качестве опыта, обеспечивающего его эволюционирование как живой системы.

Термины, с одной стороны, выражают специальные знания и обеспечивают процесс коммуникации в специальных областях, а, с другой стороны, стимулируют человеческую деятельность в области познания. М.Н. Володина понимает познание как «общественно-исторический процесс творческой деятельности людей, формирующий их знание» [Володина, 2000:7]. Полученные знания и опыт в результате своей деятельности, человек кодирует в языковом знаке, где эта информация хранится и передается в результате общения. М.Н. Володина обращает внимание на то, что коммуникативный процесс нельзя сводить только к обмену информацией с помощью знаков и подчеркивает еще одну его функцию, а именно то, что коммуникация представляет собой особую форму взаимодействия людей [Володина, 2000].

Термин, обозначая специальные понятия, выполняет определенные роли, которые являются его функциями. Термину как единице естественного языка присущи все те функции, которые свойственны слову, и их следует рассматривать во взаимосвязи [Суперанская, Подольская, 1989].

Экономический термин реализует свою коммуникативную функцию в практической, научной и учебной коммуникациях. Практическая коммуникация осуществляется на бирже, в торговой сфере, в предпринимательстве и бизнесе, экономике промышленности и строительства. Научная коммуникация осуществляется в постоянном развитии различных областей экономической науки, научных направлений и теоретических школ. Что касается учебной коммуникации, то само название определяет ее область

функционирования, а именно, высшие и средние учебные заведения, занимающиеся подготовкой экономистов различных профилей.

1.2. Терминосистема как единица герменевтической техники восстановления мыследеятельности общества

В данном разделе характеризуется терминосистема как единица герменевтической техники, интерпретирующая бытие и отражающая научное мировоззрение общества. Рассматривается процесс создания терминосистемой особых условий существования субъекта, определяемых как «теоретизированный мир», порождающий сферы действия теории в процессе абстрагирования, отождествления свойств предметной области [Бажанов, Панченко, 1980]. В разделе разрабатываются герменевтические техники восстановления мыследеятельности общества, позволяющие сделать предположения о функционировании языковой системы при построении теоретизированного мира.

Терминосистема – «семиологическая система, т.е. выражение определенной системы понятий, в свою очередь отражающих определенное научное мировоззрение» [Ахманова, 1976]. Терминологическая система, характеризуется такими признаками, как: объектность, структурность и целостность [Кузьмин, 1980:156]. Под объектностью системы понимаются элементы языка, «имеющие знаковый характер и субстанциональную природу» [Конецкая, 1984:26]. Под структурой понимается «сеть отношений между элементами языковой системы, упорядоченных и находящихся в иерархической зависимости в пределах определенных уровней» [Заботкина, 1989:69]. Характеризуя терминосистему с точки зрения целостности, необходимо отметить «интегрирующее свойство уровневой иерархии совокупностей

языковых элементов» и «соотнесенность центра и периферии» [Конечкая, 1984:26].

Таким образом, можно рассматривать терминосистему как совокупность или систему терминов, входящих и характеризующих определенную область знаний или науку.

Термин *терминология* рассматривается неоднозначно. Некоторые исследователи не разделяют, т.е. соотносят терминологию и терминосистему. Другие дают термину *терминология* четкое определение, например: терминология - замкнутый словарный контекст, границы которого обусловлены определенной социальной организацией действительности [Суперанская, 1989]. Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин понимают терминологию как соотнесенную с профессиональной сферой деятельности совокупность терминов, связанных друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматических уровнях [Головин, Кобрин, 1987:5]. По мнению В.А. Никифорова, терминология является «частью системы общего языка и служит одним из средств выражения научного мышления» [Никифоров, 1966:111]. А.В. Суперанская приводит пять значений данного понятия, среди которых терминология определяется как совокупность терминов, как учение об образовании, составе и функционировании терминов, а также как общее терминологическое значение [Суперанская, 1989].

В терминологических исследованиях выделяется три направления: первое – авторы рассматривают терминологию как составную часть общелитературного языка [Коновалова, 1998; Кучерова, 1986], второе – как отдельную область лексики, не зависящую от общелитературного языка [Суперанская, 1989; Головин, 1987; Благова, 1976], третье – как искусственно созданную систему знаков.

Мы в своей работе придерживаемся первого направления и рассматриваем терминологию как составную часть общелитературного языка. И мы согласны с В.П. Даниленко, которая рассматривает язык науки

(терминологию) как «функциональную разновидность» общелитературного языка, отличающуюся от него планом содержания («соответствующим разным формам общественного сознания – научного от обыденного») и ситуациями общения (сферами функционирования), где термин реализует свою коммуникативную функцию [Даниленко, 1986:8].

Из двух существующих терминов «*терминология*» и «*терминосистема*», где термин «*терминология* коррелирует с *терминолог, терминологический*», и «*термины, обозначающие область знания, обычно включают компонент – логия*» в значении – наука, область знания (физиология, метрология), мы в своей работе будем использовать термин «*терминосистема*» [Суперанская, 1989:16]. Выбор данного термина обусловлен системностью понятийной базы любой науки и системностью рассматриваемой нами экономической области знания.

Учитывая то, что терминосистема состоит из лексики общелитературного языка, общенаучных терминов и узкопрофессиональных терминов, можно говорить о ее принадлежности к общелитературному языку, который «питает ее своими неисчерпаемыми запасами для номинации новых специальных понятий, формирует средства и способы практического терминообразования, подчиняет развитие терминологической лексики основным своим законам и тенденциям», но определенная ее часть принадлежит непосредственно языку науки [Даниленко, 1986:9]. Язык науки, «или – шире – профессиональный язык, - это функциональная подсистема общелитературного языка, имеющая ограниченную, но четкую функцию профессиональной коммуникации» [Даниленко, 1986:10]. Термин входит в общую лексическую систему языка, но лишь через посредство конкретной терминологической системы [Васильева, 1996:508]. Науки современного общества, размежеванию которых на отдельные дисциплины способствуют системы терминов, рассматриваются как континуум [Суперанская, 1989]. Рассмотрение терминологических систем различных областей знания позволяет их совершенствовать «выявляя те черты,

которые свойственны любому термину, и отграничивая их от черт, свойственных терминам индивидуальных предметных полей или терминам группы родственных дисциплин» [Суперанская, 1989:9]. Наличие общих черт у различных терминосистем, обусловлено возможностями лексического материала того языка, который выступает строительной базой для создания той или иной терминосистемы. Отличительные черты терминосистем формируются под влиянием специфики предметных знаний, истории формирования научной области, а также словообразовательных возможностей языка.

Терминосистема осуществляет интерпретацию бытия через систему понятий, отражающих научное мировоззрение, которое декларирует существование объекта – его свойств, закономерностей, актуализации независимо от субъекта. Таким образом, терминосистема способствует созданию особых условий существования субъекта, определяемых системно как «теоретизированный мир». «Теоретизированный мир» в процессе абстрагирования, отождествления свойств предметной области, как считают В.А. Бажанов и А.И. Панченко, порождает особые сферы – сферы действия теории [Бажанов, Панченко, 1980:188-201]. Термин, активизируя экспликативную функцию, обеспечивает и поддерживает существование сферы действия теории, которая понимается как дедуктивно построенная система организации знания, вводящая правила логического вывода знания. Терминосистема, в таком случае, открывает механизмы использования системы организации знания (а также правил его выведения) в процессе формирования опыта, процессе социальном, что делает перспективным ее задействование в качестве единицы герменевтической техники восстановления особенностей мыслительной деятельности.

Экономическую терминологию можно назвать «адаптивной системой», так она приспособляется к условиям функционирования литературного языка. Экономическая терминология отражает явления и процессы,

происходящие в экономической области, получившей интенсивное развитие на современном этапе действительности.

Помимо коммуникативной функции экономическая терминосистема выполняет и познавательную функцию. Терминосистема является «орудием познания и овладения опытом и знанием» [187:564]. Экономическая терминосистема является «открытой» системой, поэтому необходимо изучать не только ее внутренние, но и внешние связи, так как она непрерывно участвует и «оптимизирует познавательную и преобразующую деятельность человека» [Володина, 1998:44].

Экономическая терминология является системой, и поэтому ее нужно рассматривать совместно со средой, в которой она функционирует и развивается [Бондарко, 1985]. Так как среда играет «по отношению к исходной системе роль окружения», то средой по отношению к экономической терминологии является в широком смысле общество, а в более узком – специалисты, работающие в области экономики, а также в области экономики как науки, чью терминологию мы рассматриваем [Бондарко, 1985]. Терминологическая система экономики, взаимодействуя со средой, позволяет человеку использовать информацию, полученную из окружающего его мира, для решения определенных задач и достижения поставленных целей. Так как обмен информацией происходит в результате процесса общения, то индивиды, участвующие в этом процессе, и являются средой для экономической терминологической системы. Здесь реализуется коммуникативная функция терминологической системы, которую система должна выполнять, взаимодействуя со средой. Средой для функционирования познавательной функции экономической терминологической системы является экономика как наука и окружающий нас мир. Данной точки зрения придерживается и В.П. Даниленко, считая, что «естественной средой для терминологии является самостоятельная функциональная разновидность общелитературного языка, традиционно именуемая языком науки» [Даниленко, 1976:67].

Познавательная функция реализуется в экономике через терминологию, которая «выражает через языковой знак специальное понятие, определяющее в объекте нечто общее и закономерное» [Володина, 1998:21]. Терминология передает осмысленную информацию и полученные знания, закодированные человеком в языковые знаки, тем самым, реализуя репрезентативную функцию. Термины, выражающие специальные понятия через языковые знаки, помогают человеку ориентироваться в мире рыночной экономики, постоянно возникающих новых отраслей науки и производства и расширении связей между государствами. Эти факторы являются причинами для «адаптации» терминологической системы экономики к новым условиям, которые диктует настоящее время.

Экономическая терминосистема выявляет смысловые ориентации в мир-системе, позволяя произвести историческую ситуацию использования термина, а, следовательно, определить влияние экспликативной модели системы языка на границы теоретизированного мира, порождающего сферы действия системы организации знания (теории).

Герменевтическая техника восстановления особенностей мыследеятельности позволяет составить представление об аспектах существования в мир-системном дискурсе. Использование социологического метода для описания интерпретированного бытия предполагает, прежде всего, характеристику социальной структуры среды системы современных обществ, которая в нашем исследовании подразделяется на «английское экономическое искусство» и «российское экономическое искусство».

Экономическое искусство, считает Ю.В. Рождественский, определяется эффективностью организации труда, правильным применением экономических методов организации труда, зависит от степени владения частными видами экономического искусства и разделяется по областям экономической деятельности на конкретные виды экономического искусства [Рождественский, 2002:53].

Конкретные формы экономического искусства предполагают использование общих знаний по менеджменту, маркетингу, бухгалтерскому искусству в конкретной области экономики.

Герменевтическая техника анализа, основывающаяся на искусстве понимания как постижения смыслов и значений знаков, открывает в экономическом искусстве, его конкретных формах и частных видах устойчиво фиксированное проявление интеллектуальной жизни общества (мыслительной деятельности), понимающее отношение к своему бытию, которое по М. Хайдеггеру, всегда предстает как бытие в мире [Хайдеггер, 1993]. В подобном случае обращение к языку, как считает М. Хайдеггер, должно быть не лингвистическое, а герменевтическое.

Герменевтическая техника восстановления мыследеятельности общества обусловлена отнесенностью экономического искусства, интерпретируемого экономической терминосистемой, к определенной традиции, которая может быть определена, исходя из концепции Г.Г. Гадамера, в качестве проистекающего из исконно универсального способа бытования герменевтического бытия в качестве формы герменевтического опыта.

Техника I, обусловленная англосаксонской традицией, включает в себя:

- 1) понимание смысловых ориентаций в социальном процессе, раскрывающееся в конструировании теоретизированного мира; оформление того, что понимается под реальностью;
- 2) выяснение принципов – схем, лежащих в основе систем знания, правил логического вывода знания;
- 3) определение действий, наиболее значимых для создания теоретизированного мира;
- 4) определение существа механизма вживания в теоретизированный мир;
- 5) выявление операционных подходов, связывающих языковой мир и макромир.

Техника II, детерминированная русско-российской традицией, предполагает осуществление следующих шагов:

- 1) определение экспликативной функции единицы (ее состав);
- 2) выявление операционных подходов, связывающих языковой мир и макромир;
- 3) определение референциального содержания аспекта существования или его информативного смысла (подобный тип содержания присутствует только в речевом сообщении, социальном процессе коммуникации);
- 4) экспликация условий для построения системы организации знания теории; возможно определение границ сферы действия теории.

Данные техники позволяют сделать предположение о функционировании языковой системы при построении теоретизированного мира.

Функционирование языковой системы, утверждает Л.Н. Засорина, разворачивается на двух ступенях, ориентированных: а) на равновесие системы (преддискурсивная ступень); б) на динамику текста (дискурсивная ступень). При использовании первой техники функционирование языковой системы происходит на дискурсивной ступени, при задействовании второй техники – на преддискурсивной ступени, что свидетельствует о разных формах организации мыследеятельности при реализации способа существования общества, определяемого как интерпретированное бытие.

1.3. Экономическая терминосистема английского языка в ситуации мир-системы.

В разделе характеризуются закономерности формирования, особенности функционирования экономической терминосистемы английского языка в современной ситуации мир-системы, выявляются особенности мыслительной

деятельности общества с помощью герменевтического анализа экономической терминосистемы английского языка.

Согласно И. Валлерстайну, американскому социологу и экономисту, занимающемуся миросистемным анализом, в настоящее время происходит «глобальное расширение капитализма» и «интеграция всего мира в одну мирэкономическую» – мир-систему. [Валлерстайн, 2001:3]. Таким образом, капитализм предстает как международная система, и исследование экономической терминосистемы английского языка обусловлено лидирующим положением Великобритании и Америки в мировом капитализме.

Закономерности формирования терминосистемы как отражения экономического состояния страны обусловлены ее историческим развитием, следовательно, исследование терминосистемы позволит нам проследить основные вехи становления общественно-экономических знаний.

Формирование английской терминосистемы относят к XVI веку, когда латинский язык был непреложным языком науки. Английская терминология создавалась на основе собственно английского языка и путем заимствований из латинского и греческого языков, что «можно считать путем появления первых интернационализмов в английском национальном языке» [Ткачева, 1987:83]. Становление английского языка как самостоятельного языка науки продолжалось вплоть до XVIII века. Формированию английской экономической терминологии способствовало зарождение капитализма (XVI – последняя треть XVII века), расширение внешнего и внутреннего рынка, рост сельского хозяйства. Происходит формирование отдельных областей экономики: «усложняется денежное обращение, укореняются новые виды торговых сделок и соглашений, биржа превращается в место операций с товарами и ценными бумагами, развивается кредит и банковское дело», что ведет к стабилизации экономической терминосистемы, где на смену латинскому языку постепенно приходит английский [Слюсарева, 1998: 565]. По мнению Л.Б. Ткачевой, «окончательное становление национального языка науки, появление

значительного количества научных терминов следует отнести к XVIII веку. Процесс формирования языка науки потребовал еще два с половиной столетия, чтобы окончательно покончить с двуязычием» [Ткачева, 1987:85].

Мир-система или мирэкономика – это новое состояние системы современных обществ, интерпретируемое бытие, базирующееся на онтологии понимания. Онтология понимания включена в методологию интерпретации действительности, доминирующим аспектом которой является экономический.

Экономическая герменевтика – герменевтика, истолковывающая этот аспект, интерпретирует жизнедеятельность общества, смысловыми ориентирами которого становятся параметры: плановость, постоянство, непосредственность, нематериальность, составляющие, по мнению И. Рамоне, в совокупности ведущую силу глобализации, главного и определяющего явления современной эпохи.

Экономическая терминосистема предстает в виде среды функционирования системы языка, при этом термин обретает статус элемента системы языка, основной функцией которого является экспликативная функция, реконструируемая по данным деловой прессы. Выступая в экспликативной функции, экономические термины как элементы системы выполняют основное назначение – эксплицируют мысль. Дополнительное назначение – экспликация особенностей мыслительной деятельности, отмечающей интерпретируемое бытие в аспекте существования «мир-системы».

Особенности мыслительной деятельности в аспекте существования системы современных обществ «мир-система» целесообразно рассматривать с учетом участников процесса глобализации, в котором принимают участие государства в совершенстве владеющие экономическим искусством (Великобритания, США), и страны вырабатывающие стратегии его освоения (Россия).

Применяя герменевтический анализ при исследовании экономической терминосистемы, мы, имеем возможность выявить особенности мыслительной деятельности вживания во внутренние структуры мир-системы.

Терминология английского языка богата терминами, заимствованными из латинского, французского, немецкого, итальянского, голландского и греческого языков. Процесс заимствования характерен для английской терминологии так же, как и для терминологии других языков и продолжался интенсивно до середины XX века. Наибольший удельный вес в английской экономической терминологии составляют заимствованные термины из латинского и французского языков. Заимствованные термины из латинского языка представлены следующими примерами: *ad valorem* (*Ad val*) – «со стоимости», «адвалерный»; *bona fide* – добросовестный, честный; *bona vacantia* – бесхозное (бесхозяйное) имущество; *caveat emptor* – «пусть покупатель остерегается», «качество на риске покупателя»; *caveat venditor* (*subscriber*) – «пусть продавец остерегается»; *ceteris paribus* – при прочих равных условиях; *curriculum vitae* (*CV*) – краткая библиографическая справка о работнике; *data* – данные; *de facto* – де-факто; *proviso* – условие (соглашения); *ex officio* – «по служебному положению»; *in personam* – действие против личности; *in rem* – действие, направленное против собственности.

Заимствованные термины из французского языка: *achat au comptant* – покупка за наличные; *achats de placement* – покупка инвестиций, акций; *a forfait* – «а форфе» (отказ от права), «форфетинг»; *au comptant* – за наличные; *au porteur* – на предъявителя; *au terme* – на срок, форвардный; *banque d'affaire* – деловой банк; *billets de tresorerie* – казначейские векселя компаний; *bons du tresor* – казначейские облигации; *bourse* – фондовая биржа; *boutique* – «бутик», маленькая специализированная брокерская фирма; *carte blanche* – «карт бланш»; *cote officielle* – официальная котировка; *coulisse* – «кулиса»; *en bloc* – оптом; *report* – доклад, отчет и т.д.

Менее распространен процесс заимствования из немецкого языка. Например, *aufgelt* – премия; *Borse* – биржа; *Borsengesetz* – биржевой закон; *Effekten* – акции, рыночные ценные бумаги; *Frankfurter Wertpapierbörse* – фондовая биржа Франкфурта; *geregelter Freiverkehr* – регулируемый «свободный» рынок; *Grossbanken* – большие банки; *Kulisse* – «кулисса»; *Kux* – акция горнодобывающей компании; *Makler* – маклер и т.д.

Итальянский, японский, греческий и голландский языки представлены единичными примерами терминов: *endaka* – «иеновый шок» (яп); *gaejin (gaijin)* – неапонский инвестор, действующий в Японии (яп); *grida* – биржевой круг (ит); *borsa* – биржа (ит); *dyad* – диада (греч) двойка, пара, число два; *premie marketer* – дилер, торгующий на Европейской опционной бирже в Амстердаме (голл).

В настоящее время количество заимствуемых терминов в экономической терминологии английского языка минимально, что объясняется лидирующим положением стран, говорящих на данном языке, в мировой экономике, а также становлением английского языка как языка науки.

Язык науки представляет в распоряжение коммуницирующего с миром субъекта сложную иерархию экспликативных элементов, в основе которой лежит простейший акт экспликации, последний связан с фиксированным отношением между референциальными объектами мысли [Засорина, 1973].

Герменевтическая техника восстановления мыследеятельности общества в состоянии «мир- система» (Техника I), применяемая к экономической терминосистеме английского языка, включает следующие шаги:

- 1) частеречная дифференциация составляющих терминосистемы (позволяет выявить особенности лексико-грамматической дистрибуции реальности; понять смысловые ориентации, составляющие «традицию» системы современных обществ и мир-системы; и существо интерпретируемого бытия – «теоретизированный мир»;

- 2) наиболее употребительные структурно семантические модели терминосистемы (данная процедура направлена на определение схем мыслительной деятельности, лежащих в основе организации знания, правил логического вывода);
- 3) типы сокращения (формально-семантического стяжения) единицы терминосистемы (придание формы теоретизированному миру);
- 4) синонимия в экономической терминосистеме (собственно реконструируется механизм вживания в теоретизированный мир, мир-систему);
- 5) ассоциативные отношения, характеризующие терминосистемы (операционные подходы, связывающие микро- и макромир).

Последовательное применение шагов герменевтической техники позволяет описать фиксированные отношения между референциальными объектами мысли.

Приступаем к выявлению отношений между референциальными объектами мысли, характерными для мир-системы.

- 1) частеречная дифференциация составляющих экономической терминосистемы. Герменевтический подход в рамках терминоведения предполагает через процедуры фиксации грамматического и содержательного планов термина создание условий для эмпатии – вчувствования в особенности мир-системы и воспроизведение характерных черт мыследеятельности в ее дискурсе.

Анализ семантической, морфологической и грамматической структуры терминов, а также моделей образования терминологических словосочетаний, является набором обязательных процедур, выявляющих экспликативную функцию термина. Одной из специфических особенностей «языка науки» является «распределение терминов по частям речи», так как «несмотря на то, что практически значительная часть знаменательных слов (глаголы, прилагательные, наречия и д.р.) может употребляться и употребляется в

функции терминов», лишь имя существительное, по мнению ряда ученых, «отвечает максимально полно тем требованиям, которые позволяют терминам выполнять свою основную номинативно-дефинитивную функцию» [Николаева, 1998:269].

Исследования показали, что экономическая терминосистема английского языка представлена следующими частями речи: существительными, прилагательными, глаголами и наречиями. Основной фонд английской экономической терминологии представлен именами существительными, выражающими понятия о явлениях, предметах и процессах в экономике, например: *account* – счет; *bank* – банк, фонд, общий запас; *cash* – наличные деньги, наличность; *coin* – монета; *disability* – нетрудоспособность, неплатежеспособность; *expense* – расход, трата; *fiduciary* – доверенное лицо; *handbill* – рекламный листок; *importer* – импортер; *lending* – кредитование, ссуда; кредит; *marketisation* – маркетизация и т.д, а также существительными во мн. ч.: *acres* – земли, владения, поместья; *cadres* – кадры; *facilities* – удобства; *chains* – «цепные лавки» (однотипные розничные магазины одной фирмы); *data-in* – входные данные; *dominions* – владение; *earnings* – заработок, доход, прибыль, поступления; *luxuries* – предметы роскоши; *majors* – главные компании, крупные фирмы, монополии; *marks* – маркировочные знаки; *moneys* – монетная система валюты, денежные суммы; *monies* – денежные суммы.

Достаточно большой удельный вес английской экономической терминологии представлен глаголами: *calculate* – вычислять, подсчитывать, калькулировать, рассчитывать (*on*), исчислять; *capitalize* – капитализировать, превращать в капитал, наживаться, наживать капитал (*on*); *captain* – руководить, вести, возглавлять (команду и т.п.); *carry over* – бухг. переносить в другую графу, на другую страницу, в другую книгу; *cast* – подсчитывать (*up*), подводить итог; *make up* – составлять, составлять в итоге, восполнять, компенсировать нехватки, возмещать; *market* – покупать или продавать на рынке, торговать, сбывать, находить рынки сбыта; *misbill* – выставить

неверный счет; monetize – вводить металлический стандарт, устанавливать металлическое содержание денег, превращать в деньги, перечекивать металл в монету, выпускать деньги в обращение; pay – платить, выплачивать, приносить выгоду, окупаться и т.д.

Прилагательные принимают активное участие в образовании терминов, но в большинстве случаев они являются определениями в составных терминах и не являются самостоятельными. Таким образом, термины-прилагательные, выступающие в самостоятельном значении, составляют небольшой удельный вес в экономической терминосистеме английского языка: activity-oriented – ориентированный на работу, ориентированный на деятельность; actuarial – актуарный; calculated – вычисленный, рассчитанный; calculating – рассчитывающий; счетный; cashless – не имеющий наличных денег; deck-loaded – погруженный на палубу; managing – руководящий, ведущий, экономный, бережливый; marketable – ходкий (о товаре), товарный, рыночный, ликвидный; mediocre – посредственного качества (о товаре); monetary – денежный, монетарный, кредитно-денежный, валютный, монетный; moneyed – богатый, денежный; rescuiary – денежный, финансовый.

Наименьший удельный вес составляют термины-наречия, терминирующие признак признака и признак действия, например: less – за вычетом; low – по низкой цене; marketwide – в масштабах всего рынка; pari-passu (лат) – наравне и одновременно, равно; as from – начиная с... (используется в документах, когда хотят показать, что какие-либо распоряжения вступают в законную силу начиная с определенной даты в будущем); as is – как есть; pro forma – ради формы, для вида; quarterly – раз в квартал, поквартально, раз в три месяца; de facto – лат. де-факто, на деле, фактически; de dato – лат. начиная с такого-то числа; ex officio – лат. по должности, в силу занимаемой должности; ex bonus – без выпуска акций с дополнительным дивидендом; ex dock – выражение, используемое в тех ситуациях, когда хотят сказать, что цена включает в себя стоимость всех

расходов, включая доставку на сушу в указанном порту, разгрузку и таможенную пошлину.

2) Наиболее употребительные структурно-семантические модели экономической терминосистемы: экономическая система английского языка представлена терминами-словами: 1) непроизводными: bank, bond, curb, debt, grant и т.п; 2) производными: buyer, earnings, gratuitous, nonpayer, outgoings, percentage и т.п; 3) сложными: account-and-records, credit-note, give-up, go-between, licence-free, licence-holder и т.п; аббревиацией: c and f, C.G.A., IVL, J/A, Qty и т.п., а также терминами-словосочетаниями.

В настоящее время, в результате практической необходимости, все чаще возникают экономические термины, которые передаются при помощи терминологических словосочетаний. Стремление к точности передачи термином определенного понятия требует полноты термина, в чем заключается противоречивость такой характеристики термина как «краткость». Сравните, например: nonprice-level-determinants of aggregate demand – неценовые факторы совокупного спроса; non-fulfillment of contractual obligations on (in) time – несвоевременное выполнение контрактных обязательств; not-sufficient-funds check – чек, не покрытый средствами на счете.

В экономической системе английского языка наибольший удельный вес составляют двухкомпонентные термины, представленные следующими наиболее употребительными структурно-семантическими моделями:

N+N – income inequality - неравенство доходов; draft acceptance – акцепт тратты; credit costs – расходы по кредиту; bank accommodation – банковская ссуда.

N+prep+N – accumulation of commodities – накопление товарных запасов; acknowledgement with reserve – признание с оговоркой; adequacy in return – достаточность дохода.

A+N – unbalanced additions – несбалансированный прирост основного капитала; nonbank bank – небанковский банк; principal imports – основные

статьи импорта; residual debt – остаток долга; financial aid – финансовая помощь, где прилагательные – активные участники терминообразования, но, как правило, выступают в роли определения основного (ключевого) понятия.

Для трех- и четырехкомпонентных терминов характерны такие модели как:

N+N+N – price control policy – политика регулирования цен; world market price – цена мирового рынка; interest rate policy – политика регулирования процентных ставок; stock brokerage office – брокерская фирма;

A+N+N – indirect payroll costs – непроизводственная заработная плата; material production process – процесс материального производства; prime banker's acceptance – акцептованный банком первоклассный вексель; general insurance policy – генеральный полис;

A+A+N – foreign economic agreement – внешнеэкономический договор; international monetary market – международный валютный рынок;

A+N+prep+N – nonmonetary theory of interest – неденежная теория процента; direct arbitrage of exchange – двусторонний валютный арбитраж; unadjusted rate of return – нескорректированная норма прибыли или рентабельности;

N+N+prep+N+N – nondepositor sources of bank funds – средства, полученные не по линии привлечения депозитов;

N+prep+N+A+N – instability of currency exchange rate – неустойчивость валютного курса;

N+prep+N+prep+A+N – sanctions for the nonfulfilment of contractual obligations – санкции на невыполнение контрактных обязательств.

Таким образом, английская экономическая терминосистема включает термины и терминологические словосочетания различных морфемных и грамматических структур, лежащих в основе организации знания, а представленные нами основные структурно-семантические модели охватывают весь структурный состав экономических терминов словосочетаний.

3) Типы формально-семантического стяжения единицы экономической терминосистемы английского языка. Удельный вес терминов-словосочетаний гораздо больше, чем терминов-слов, что объясняется, прежде всего, их информативностью, однако их многокомпонентность, а, вследствие этого, неудобность в практическом использовании все чаще приводит к их сокращениям. Для экономической терминосистемы английского языка характерны все виды аббревиации в большей или меньшей степени. Наиболее распространенным приемом является инициальная аббревиация, а также усечение и стяжение. Примерами инициальной аббревиации являются следующие термины: AC – account current текущий счет, MC – minister counselor, MIA – Marine Insurance Act, BA – Bankruptcy Act закон о банкротстве, DDP – Delivered Duty Paid поставка с оплатой пошлины; FP – 1. floating policy генеральный полис 2. fully paid полностью оплачено; FY – fiscal year, financial year финансовый год; IFB – invitation for bids объявление торгов; MM – money market денежный рынок; MR – marginal revenue предельный доход; NAV – net asset value стоимость чистых активов; NP – national product национальный продукт; TB – Treasury bill казначейский билет; TD – time deposit срочный депозит; VAT – value added tax налог на добавленную стоимость.

Стяжение представлено следующими примерами: acct – account счет; bkrp – bankrupt банкрот; chgs – charges расходы; dbk. – drawback возврат пошлины; dct. – document документ; Ltd – limited с ограниченной ответственностью; mfr. – 1. manufacture производство; Mkt. – market рынок, mtgd – mortgaged заложенный; ps. – price цена; pct. – per cent процент; qtn. – quotation котировка; rcpt. – receipt поступления, доход; stg – shortage недостача, нехватка; tfr. – transfer перевод; перечисление.

Усечение терминов: aud. – auditor бухгалтер-ревизор; Bal. – balance остаток, сальдо; cap. – capital капитал; Dis. – discount скидка; fis. – fiscal фискальный; imp. – 1. import импорт 2. imported импортированный 3. importer импортер; le – lease аренда; leg – legal законный; lic – licence лицензия; main. –

maintenance эксплуатация; уход; man. – management управление; mer. – mercantile торговый 2. merchandise товар; ret. – 1. retired изъятый из обращения; оплаченный (вексель), ship. – shipment отгрузка; val. – value 1. ценность 2. величина.

Менее продуктивны акронимия и смешанный прием с инициальной аббревиацией. Л.Б. Ткачева указывает на синхронность протекания процессов образования многокомпонентных терминов и аббревиации, что объясняется «сложностью явлений, предметов и понятий, номинацией которых служат многокомпонентные терминологические единицы, и, с другой стороны, - все возрастающим стремлением к экономии языковых средств в связи с ускорением процесса коммуникации» [Ткачева, 1987:53]. Исследуемый материал показывает, что аббревиации подвергаются не только многокомпонентные, но и простые термины. Д.И. Алексеев и В.В. Борисов среди экстралингвистических факторов аббревиации отмечают увеличение потока информации, которой необходимо принять форму для ее оптимального использования в теоретизированном мире, а также быстрое развитие средств массовой коммуникации, особенно в письменной речи [Алексеев, Борисов, 213-217].

4) Структурные отношения в экономической терминосистеме английского языка проявляются в процессе синонимизации и полисемии. Согласно А.В. Суперанской и Н.В. Подольской, синонимы объясняют один и тот же предмет одного предметно-понятийного поля с разных точек зрения [Суперанская, Подольская, 1989:48]. Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин, изучая процесс синонимии в терминологии, отмечают, что синонимы выражая одно понятие, могут различаться оттенками значения или стилистической окраской и способны к взаимозаменяемости в контексте [Головин, Кобрин, 1987:53]. По мнению Л.Б. Ткачевой, большинство определений синонимии «основывается на близости значения лексических единиц, в то время как терминологические синонимы обладают абсолютной семантической взаимозаменяемостью.

Поэтому термины-синонимы следует определять как термины, абсолютно тождественные в значении и взаимозаменяемые в любом контексте», а «термин «терминологическая синонимия» наиболее адекватно выражает наличие нескольких наименований для одного означаемого» [Ткачева, 1987:123].

Исследуемый материал показал, что экономическим терминам не свойственна абсолютная синонимия, что обусловлено выделением, систематизацией и упорядочением разных признаков изучаемых предметов и явлений, лежащих в основе образования понятий, вследствие чего, возникают синонимичные термины, обладающие «оттеночными, эмоционально-экспрессивными смысловыми различиями» [Коновалова, 1998:14].

Среди других причин, влияющих на процесс синонимизации экономической терминологии, выделяют: уточнение существующего понятия в процессе дальнейшего развития научной области, параллельное развитие одной и той же области экономики в разных странах, а также создание авторских (индивидуальных) терминов.

Синонимия экономической терминологии английского языка является межъязыковой, где синонимами выступают, прежде всего, латинские и французские термины. Основными причинами данного явления явилось «господство латыни как международного языка науки» и развитие экономики в результате интенсивных международных контактов, а также сотрудничества ученых и исследователей разных стран, в результате которых, как правило, происходил и обмен терминологией [Ткачева, 1987:82].

Наличие синонимии в терминологии говорит о ее «стихийном характере зарождения и развития», а также о присущей экономической терминологии «избыточности средств формального выражения понятий» [Вайнштейн, 2000:16].

Межъязыковая синонимия представлена следующими примерами терминов: *corpus* (лат) – 1) собственность в управлении = *trust estate* (англ); *action gratuite* (франц) – бесплатная акция = *bearer share* (англ); *corbeille* (франц)

– «корзина» = pit (англ); courtier (франц) – кутье, биржевой дилер или брокер = broker; stockbroker (англ); credit - bail (франц) – лизинг = teasing (англ); а также Aussenborslichen Wertpapierhandels (нем) – внебиржевой рынок ценных бумаг = over-the-counter market (англ); grida – биржевой круг (ит) = ring; pit (англ).

В экономической терминологии английского языка присутствует синонимия, как у простых, так и у сложных терминов и терминологических словосочетаний, а также аббревиатур. Чаще всего синонимами являются простые, реже многокомпонентные термины. Например: advance – аванс Syn: imprest; outgo – расходы Syn: outlay; out of sale – распроданный Syn: out-of-stock; nonprofit – некоммерческий Syn: not-for-profit; default – неуплата Syn: failure to pay, refusal of payment; accommodate – 2) устраивать, размещать 3) снабжать, ссужать 4) предоставлять Syn: loan, lend, advance; supply, provide, equip, fit with, outfit; accomodation – 2) ссуда, кредит Syn: lend, borrowed money, loan, loaning; absorption – 1) поглощение 2) включение в экономическую жизнь иммигрантов Syn: consumption, consuming capacity; acquired corporation – приобретаемая корпорация Syn: target company; active balance – активный баланс, активное сальдо Syn: favourable balance, positive balance, surplus balance of payments; accumulated dividends – накопившиеся дивиденды Syn: accumulative dividends, accrued dividends; leader – лидер, вождь, руководитель Syn: administrator, director, chief, executive, head chieftain, manager, guide, superintendent, principal. Материал показал, что число синонимов в синонимических рядах неодинаково и колеблется от двух до девяти.

Терминология, являясь частью общелитературного языка, подвержена всем лингвистическим явлениям, происходящим в нем. И хотя, синонимия «относится к основным линиям развития лексического состава языка», ее наличие в научной лексике следует все же признать терминологической избыточностью, так как возникает проблема восприятия поступающей информации, перевода терминологии и обучения экономической науке [Суперанская, 1989:49]. По мнению И.С. Квитко, дублетность терминов

«препятствует целостности восприятия научной информации, затрудняющий обмен научными документами и нередко служащей причиной неправильного понимания текста» [Квитко, 1976:60].

Многозначность (полисемия) так же, как и синонимия свойственна экономической терминологии английского языка. Под полисемией понимают наличие у единицы языка двух или нескольких значений, которые реализуются в контексте. Примерами полисемии могут служить следующие термины: *abatement* – 1) спад, ослабление 2) скидка 3) аннулирование, отмена, ликвидация; *account* – 1) счет, финансовый отчет, бухгалтерский отчет, статистический отчет 2) отчет 3) основание, причина 4) соображение 5) значение 6) расчеты 7) отчетность 8) счетоводство 9) регистр; *accounts* – 1) госбюджет 2) бюджет предприятия 3) счета 4) расходы 5) расчеты; счет; *facility* – 1) льготы 2) услуги 3) благоприятные условия 4) средства 5) оборудование 6) мощности 7) заводы; *line* – 1) род деятельности 2) отрасль 3) отрасль торговли 4) род товара, сорт товара 5) товар 6) предел, лимит 7) конвейер, поточная линия 8) образ действия 9) направление 10) линия (судоходная, железнодорожная, телефонная и т.п.) 11) кривая на графике, 12) линейное подразделение фирмы; *maker* – 1) фабрикант 2) производитель 3) поставщик 4) фирма 5) векселедатель; *rate* – 1) размер, норма, ставка 2) учетная ставка 3) ставка таможенной пошлины 4) тариф, такса 5) курс, цена 6) пропорция, степень, процент, коэффициент, показатель 7) местный налог 8) коммунальный налог; *rating* – 1) расценка, оценка 2) оценка финансового положения 3) определение стоимости 4) отнесение к классу (разряду, категории) 5) разряд 6) обложение налогом 7) сумма налога 8) номинальная мощность; номинальная характеристика 9) производительность.

И хотя полисемия и синонимия не приветствуются в терминологии и считаются явлениями, затрудняющими процесс обучения и коммуникации, они являются реальными процессами, существующими в практическом функционировании терминологии. Нельзя не согласиться с В.П. Даниленко, что

природа термина, предполагающая единство знака и означаемого «сталкивается» с условиями функционирования термина, которые «создают целый ряд типичных ситуаций, когда нарушение симметрии знака и означаемого становится неизбежным. При этом вступает в силу другая «природа» – природа общеязыкового знака, которому асимметрия означаемого и означающего «показана» [Даниленко, 1977:55]. Таким образом, результатом противоречия природы термина и условиями его функционирования являются наличие синонимии и многозначности в терминологии.

Данную точку зрения поддерживает и О.Н. Будылева. Согласно автору, «отсутствие взаимнооднозначного соответствия между планом выражения и планом содержания, являющееся причиной существования в естественном языке, как синонимии, так и полисемии, в терминологических системах порождает существование, с одной стороны, дублетов, триблетов и т. п., то есть двух, трех и более терминов, по существу соотносимых с одним и тем же референтом, с другой – многозначность терминов, когда один и тот же термин имеет не одну научную дефиницию, а несколько. В этом выражается противоречивость не только термина, но и слова» [Будылева, 2000].

Парадигматические отношения между элементами системы регулируют возможности перебора средств выражения одной и той же цепи актуализации мыслительного акта.

5) Ассоциативные отношения, характеризующие экономическую терминосистему английского языка, находят выражение в процессе метафоризации. Увеличение продуктивности данного процесса обусловлено повышением абстрактности экономической науки, ее теорий и понятийной сферы.

В экономической терминологии английского языка метафора широко представлена как в конкретной, так и в абстрактной лексике. Роль метафоры в языке науки видится различными авторам по-разному. Так Г.Г. Кулиев считает, что метафора служит средством интерпретации, объяснения и

вербализации [Кулиев, 1987]. Л.М. Алексеева видит основное назначение метафоры в терминологии - служить механизмом мышления, а также средством передачи информации компактным способом [Алексеева, 1998]. Например: *stripped bond* – ободранная облигация (значит облигация с изъятым процентным купоном); *bang a market* – обвалить рынок (выбросить на рынок большое количество акций); *crowd* – толпа (брокеры, работающие в торговом зале биржи); *flurries* – кратковременная паника на бирже, вызванная внезапным повышением или падением курса; *collar* – воротничок (фиксированный минимум и максимум процентной ставки в облигационном займе); *haircut finance* – заем, предоставленный на сумму, меньшую полной стоимости его обеспечения; *creeping inflation* – ползучая инфляция (инфляция, развивающаяся медленными темпами); *galloping inflation* – галопирующая инфляция (инфляция, развивающаяся стремительными темпами). Однако наиболее важным нам представляется замечание С.Е. Никитиной, «что научные способы описания языка всегда были метафоричными, где метафора – перенос на абстрактные понятия привычных представлений жизни» [Никитина, 1995:24]. Данное утверждение представляется нам важным вследствие усложнения экономической науки, в результате смены экономических теорий и приобретения ими абстрактных черт. Л.М. Алексеева также отмечает повышение общего уровня абстрактности нового знания, в основе которого лежит терминопорождение [Алексеева, 1998:12].

И хотя степень сравнения для метафоры не так важна, примеры терминов, приведенных выше, показывают, что чем выше содержательный образ метафоры, тем больше информации о термине она несет, т.е. метафоризация как терминообразовательное явление используется для облегчения понимания термина [Пушкарева, 2004:74]. По мнению В.Н. Телии, «метафора наиболее мощное средство формирования новых концептов, т.е. отражения в языковой форме нового знания о мире – эмпирического, теоретического или же художественного освоения действительности. А это значит, что в метафоре

прослеживается само зарождение мысли и ее осуществление в языке» [Телия, 1986:81]. Не менее важным представляется мысль о «моделирующей роли» метафоры, где метафора «не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем. Особая роль в этом принадлежит ключевым метафорам, задающим аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождающими более частные метафоры» [Арутюнова, 1999:378]. Так, общество представляется как здание, где метафорично выделяются «базис (фундамент), различные структуры (инфраструктуры, надстройки), несущие опоры, блоки, иерархические лестницы» [Арутюнова, 1999:379]. По мнению автора, подобная «ассоциация общества со зданием» существует не только в «социологии и экономике, но и в общественном сознании» [Арутюнова, 1999:379].

Присутствие метафоры в научном терминотворчестве обусловлено метафоричностью человеческого мышления, «соответственно и понятийная система человека метафорически структурируется и определяется» [Алексеева, 1998:92].

Таким образом, ученые сходятся на том, что метафора является средством познания и способом мышления и отражает реальный мир, таким, каким видит его человек, который, получая информацию, подвергает ее «ассоциативно-образному переосмыслению в процессе профессионально-научной деятельности» [Володина, 1998:5]. Однако, в результате уподобления одного понятия (явления) другому «образность» такого метафорического наименования в разных случаях оказывается различной» [Шмелев, 1964:57].

Согласно В.Н. Телии, в последнее время «в лингвофилософских исследованиях метафоры наметилась тенденция рассматривать ее как взаимодействие свойств того объекта, который является референтом концептуализации (т.е. осмысления его свойств как понятия), и некоторых признаков, ассоциируемых с чувственным образом реалии, чье имя используется при разрешении указанной проблемной понятийно-номинативной

ситуации, а именно – ситуации формирования нового понятия и его вербализации» [Телия, 1986:80]. Мышление человека способно «усматривать аналогию между сущностями, обладающими разной природой», в результате чего, «формирующееся понятие не просто сравнивается с представлением, давшим повод для усмотрения сходства, но конструируется как новый информационный объект, вбирающий в себя свойства, характерные для нового знания и знания о подобном, послужившем основанием для аналогии...» [Телия, 1986:80].

В экономической терминосистеме английского языка наибольший удельный вес составляют метафоризированные термины-словосочетания, наименьший - индивидуальные метафоры.

В процессе исследования выделяются номинативные метафоры, объединенные в группу – игра на бирже, тематическое окружение которой представлено участниками данной экономической ситуации, их деятельностью и местом ее проведения. Например: *bull* - «бык» (*спекулянт, играющий на повышение*); *bear* - «медведь» (*спекулянт, играющий на понижение*); *lamb* - «овца» (*спекулянт, играющий на бирже вслепую*); *bull hour* - час быка; *bear hour* - час медведя; *bull market* - рынок «быков»; *bear market* - рынок «медведей»; *bear raid* - налет «медведей», «ring» - «кольцо»; «pit» - «яма». Основанием для сравнения являются ассоциации между поведением животных в природе и тактике игры людей на бирже, что непосредственно показано на примере дефиниций.

В абстрактной лексике метафоризации подвергаются признаки слов, выделенные в объекте и уподобляемые признакам, присущим другому классу предметов, в результате чего образование двухкомпонентного термина, где соединение прилагательного, выражающего признак и понятия, выраженного непосредственно термином, не является обычным и употребительным. Например, составные термины, образованные от термина-ядра – *money*: *cheap money* - дешевые деньги; *dear (expensive) money* - дорогие деньги; *long money* -

длинные деньги; short money - короткие деньги; cash - живые деньги; laundered money - отмытые деньги; purchase money - покупные деньги; или от терминов: market и securities. Например: hard market - твердый рынок; long securities - «длинные» ценные бумаги; kite bills - «дутые» ценные бумаги; Признак предмета может быть выражен не только прилагательными, но и описательными глаголами в таких терминах как: release a bill - размораживать счет, ruin a market - «обвалить» (свалить) рынок, bang a market - сбить рынок, freeze funds - замораживать средства.

Помимо метафоризации признака, выраженного прилагательным, существует ряд терминов, где метафоризировано все словосочетание. По мнению В.Н. Прохоровой, термины данного типа «образно-экспрессивные коннотации вследствие осязательности процесса метафоризации и определенности признаков переноса» [Прохорова, 1996:61]. Это такие термины как: *war babies - «дети войны» - (ценные бумаги компаний, производящих оружие); rock bottom - «каменное дно» - (уровень, ниже которого не будут падать цены); cats and dogs - «кошки и собаки» - (спекулятивные акции); brainstorming - «мозговая атака» - (коллективное обсуждение проблем); bubble - «мыльный пузырь» - (дутое предприятие); near cash - «почти деньги» - (денежные средства, легко обратимые в деньги и допускающие использование в качестве денег); tax shelter - налоговые гавани (налоговое убежище) - (небольшие государства, проводящие политику привлечения ссудных капиталов из-за рубежа путем предоставления налоговых и других льгот); tax heaven - налоговый рай - (страна, куда переводят капитал с целью налоговых выплат). Эти термины называют одно понятие и являются неразделимыми.*

Все чаще метафоризация как семантический способ номинации участвует в образовании отвлеченной терминологии, что обусловлено повышением абстрактного уровня современной науки. В абстрактной лексике экономической терминологии метафорическому переносу подвержены, как правило, прилагательные и причастия в составных терминах, «которые в своем

основном значении представляют собой названия признаков, связанных с человеком или вообще с живыми существами» [Прохорова, 1996:56]. Сравните, например: *lazy market* - ленивый рынок; *dead (graveyard) market* - мертвый рынок; *sleepers* - «спящие» ценные бумаги; *senior securities* - «старшие» ценные бумаги; *sliding (escalation) price* - скользящая цена; *active (brisk, animated) demand* - оживленный спрос; – *slack demand* - вялый спрос; *dead rent* - «мертвая» рента.

Также процесс метафоризации нередко наблюдается в терминологических словосочетаниях, образованных путем сложения двух существительных, одно из которых стоит в родительном падеже. Например, *army of the unemployed* - армия безработных; *flight of deposits* - бегство депозитов; *influx (inflow) of visitors* - наплыв посетителей; *price scissors* - ножницы цен; *overheating* - перегрев экономики; *umbrella policy* - политика «зонтика»; *low-income poverty threshold* - порог бедности; *escalations of prices* - скольжение цен; *erosion of profitability* - эрозия прибыльности; *boomerang effect* – эффект бумеранга.

На основании приведенных примеров можно утверждать, что метафоризация является продуктивным процессом образования терминов английского языка, которые в русском языке передаются калькированием. Например, *галопирующая инфляция* – *galloping inflation*, *ползучая инфляция* – *creeping inflation*, *бык* – *bull*, *медведь* – *bear*, *овца* – *sheep*, *валютная «змея»* - *currency snake*, «защищенный медведь» - *protected bear*, *наличная корова* – *cash cow* так называемые калькируемые метафоры.

Таким образом, метафоризация является продуктивным семантическим процессом образования терминов и активно применяется в терминологии экономики. К основными преимуществам терминов, образованных данным семантическим способом, можно отнести компактность термина, а также взаимосвязь с общелитературным языком, что обеспечивает легкость понимания термина, простоту его запоминания и употребления. Метафора

является «орудием научного поиска» и «отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между очень разными индивидами и классами объектов» [Арутюнова, 1999:380].

Метафоризация выявляет экспликативную схему – мыслительную деривацию, определяющую интерпретативное бытие «мир-системы». Экспликативная схема остается стабильной для языковой системы мир-системы, базис которой создает язык науки.

Для экономической терминологии английского языка характерна деривативность. Например, от термина *account* – 1) счет, 2) отчет, 4) pl отчетность, 5) pl бухгалтерские счета, 6) pl. деловые книги образуются такие производные термины как: *accountability* – отчетность, подотчетность, учет; *accountable* – подотчетный, ответственный; *accountancy* – бухгалтерский отчет; *accountant* – бухгалтер; *economic accountability* – экономическая ответственность; *assets account* – счет активов и т.д. Исследуя английскую терминологию, Л.Б. Ткачева вводит понятие термина-ядра или ядрового термина, который, участвуя в образовании многокомпонентных терминов, несет на себе основную информационную нагрузку. В экономической терминологии английского языка ядровые термины чаще всего занимают постпозицию в многокомпонентных терминах, реже препозицию. Такие ядровые термины как: *account, agreement, assets, balance, bank, bill, capital, charge, contract, cost, credit, debt* и т.д. обладают наибольшей терминологической продуктивностью. Они образуют терминологические гнезда, в которые входит более ста терминологических словосочетаний.

Экономическая терминосистема английского языка представляет дискурсивную ступень мир-системы, характеризующуюся линейной разверткой единиц системы языка в мыслительном акте – акте экспликации, который в своей простейшей форме связан в фиксации отношений между референциальными объектами мысли. Оформляется референциальное сознание, или информативный смысл экономического аспекта существования

общества, смысловыми ориентирами которого являются финансовая, коммерческая, культурная и информационная виды деятельности.

Финансовый вид деятельности обретает бытие в системе языка, как свидетельствует герменевтическая техника исследования экономической терминосистемы английского языка, через: а) через установление связи языкового микро- и макромира; б) вчувствование (вживание) в мир-систему; в) придание формы мир-системе как теоретизированному миру; г) схему организации знания; д) определение смысловых ориентаций, составляющих «традицию» системы современных обществ в ситуации мир-системы.

1.4. Экономическая терминосистема русского языка в ситуации мир-системы

В разделе характеризуется экономическая терминосистема русского языка как выражение мыслительной деятельности общества, с помощью герменевтической техники выявляются особенности ее формирования, функционирования в мир-системе и ее современное состояние.

Экспликация мыслительной деятельности как деятельности вживания, вчувствования, согласно герменевтической концепции Шлейермахера, в экономической терминосистеме русского языка обнаруживает особенности структурирования смысловых ориентаций в ситуации мир-системы.

Структурирование смысловых ориентаций связано с проблемой смысла человеческих действий, которая объединена с факторами среды, внутренними законами, эволюционным и каузальным моментами социального процесса как процесса теоретизации мира [Вебер, 1994].

Возникновения экономической терминологии относят к XI веку, когда кредитные отношения получили достаточное развитие в Киевской Руси, о чем свидетельствуют встреченные в текстах термины: «*одолжение по дружбе*»,

«отдача денег в рост», «процент», «торговля в кредит», «долгосрочный и краткосрочный кредит», «барыш» (прибыль) [Тимонина, 2003:21]. В XIV – XVII веках отмечалось оживление внешнеэкономических связей с различными странами Западной Европы, в результате чего вместе с реалиями заимствовались и термины, например, *мануфактура*, *вотчинная мануфактура*, *купеческая мануфактура*, *посессионная мануфактура* (от лат. *possessio* – условное владение), позднее западный термин *фабрика* вытеснил термин *мануфактура* [Тимонина, 2003:21]. Следовательно, процесс заимствования, являющийся яркой чертой современного общества, всегда имел место в формировании экономической терминосистемы, в результате существования внешних торговых и производственных отношений с другими странами.

Экономическая терминосистема русского языка, выражая явления и процессы характерные для Киевской Руси, включала следующие термины: *отхожий промысел*, *всероссийский рынок*, *ярмарка*, *система откупов*, *подворное налоговое обложение*, *цензива* – денежная рента, *барщина* – отработочная рента, *крестьянское тягло*, *экономии* – крупные имения.

Первая четверть XVIII века – начало формирования языка русской науки, время активного развития различных терминосистем. Появление школ, обучение различным наукам, переводы на русский язык научной и учебной литературы оказали большое влияние на развитие языка науки. На русском языке излагались научные теории, теоремы, законы, публиковались научные труды и исследования различных областей науки: математики, истории, медицины. Научная литература стала ориентироваться на просвещение, в результате чего разрабатывались учебные курсы, включающие систематизированную информацию в различных областях знания. В активное употребление входили перспективные модели словосочетаний (например, структурные модели с предлогом). В языке русской науки преобладали процессы заимствования и калькирования, что явилось результатом контактов с другими языками.

В дальнейшем происходит непрерывное пополнение и развитие терминосистемы экономики в результате пересмотра и уточнения понятий данной области знания, а также заимствований из родного и других языков недостающих ей элементов [Панько, 1986].

Экономическая терминология русского языка еще не является сложившейся системой, происходит ее становление, так как российская экономика также находится в «перестроечном» процессе, в процессе перехода к рыночным отношениям. Формирование экономической терминосистемы русского языка происходит неравномерно. Исследователями отмечаются периоды как постепенного, плавного, системного так и скачкообразного, стихийного формирования. При системной терминологической номинации термин анализируется как «объект искусственного регулирования», создаваемый на основе унификации и стандартизации терминообразующих средств», при стихийной номинации происходит «интерпретация именуемого объекта сквозь призму субъективно-объективного восприятия» человека [Володина, 1998].

Особенности формирования экономической терминосистемы русского языка, мотивируемые целями либо искусственного регулирования среды существования, либо интерпретациями стихийно обнаруживающих себя мыслительных схем, выявляются с помощью герменевтической техники, включающей следующие шаги:

- 1) характеристика состава термина как единицы системы языка (определение экспликативной функции единицы в мир-системе);
- 2) выявление наиболее продуктивных моделей образования терминологических словосочетаний (описание функциональных моделей, дающее наиболее полное представление о сложных операционных переходах, которые связывают языковой микро- и макромир);
- 3) определение роли терминосистем других языков в оформлении экономических смысловых ориентаций в системе русского языка (оформление

референциального содержания экономического аспекта существования мир-системы);

4) выявление экспликативного потенциала единиц системы русского языка (уточнение экспликативной функции языковой системы, особенностей языкотворческой деятельности в мир-системе);

5) структурные отношения в экономической терминосистеме русского языка (экспликация условий для организации знания (теории); возможно определение границ сферы действия теории «мир-система».

Начинаем герменевтический анализ экономической терминосистемы русского языка.

1) Характеристика состава термина как единицы системы языка предполагает представление структуры терминов, рассматриваемой терминосистемы, которая выражена простыми (*невыгодный – profitless, неликвидный – illiquid, накладная – note, налог – tax, оплата – pay, доходность – profitability, внебюджетный – off-budget*) и сложными терминами (*несущие выгоду – interest-bearing, банк-участник – member-bank, в процентном выражении – in percentage terms; издержки-плюс – cost-plus*), а также терминами – словосочетаниями (*внебюджетные средства – extra-budgetary accounts, бесконкурентный рынок – competition-free market, ввоз капитала – inward investment, валовая выручка – gross proceeds, финансовая гибкость – financial flexibility, ценовая дискриминация – price discrimination*).

2) выявление наиболее продуктивных моделей образования терминологических словосочетаний, позволяет утверждать, что терминологические словосочетания экономической терминосистемы русского языка, также как и английского языка, преобладают над терминами-словами и являются «наиболее продуктивным способом терминообразования» [Ткачева, 1987]. В терминологических словосочетаниях выделяют термины-ядра, активно участвующие в образовании многокомпонентных терминологических единиц и несущие основную научно-профессиональную информацию. Наибольшей

терминологической продуктивностью обладают такие ядровые термины как: *аккредитив, акция, биржа, валюта, вексель, взнос, выплата, договор, доход, заем, затрата, издержки, надбавка, налог, обеспечение, облигация, операция (сделка), продажа, работа, расход, расчет, сбор, сделка, скидка, стоимость* и т.д. Данные термины-ядра образуют терминологические гнезда, состоящие из ста и более терминологических словосочетаний.

В экономической терминологии русского языка ядровые термины преимущественно занимают постпозицию, реже препозицию в многокомпонентных терминах. Ядровые термины, занимающие интерпозицию, обладают наименьшей продуктивностью, например: производить *взносы* на счет, обращать *взыскание* на имущество, снимать *акции* с котировки на бирже, получать *заем* под залог имущества, снижать *издержки* производства и т.д.

Наиболее продуктивными являются следующие модели образования терминологических словосочетаний:

Сущ+Сущ – аванс-задаток; законность документа; грант-эквивалент; клиринг-банк; дефект капитала; группировка затрат; грузовместимость судна; уровень конкуренции; нехватка валюты.

Прил+Сущ – потенциальный клиент; ипотечная закладная; ценовой демпинг; валютный баланс; валовая выработка; конкурентоспособный поставщик; бесприбыльное предприятие; денежный налог.

Сущ+предл+Сущ – директор по маркетингу; дискриминация в торговле; диспропорции в экономике; закон о налогообложении; занятость на производстве; игра на повышение (бирж).

Сущ+Сущ+Сущ – динамика показателей инфляции; индекс единицы стоимости; засвидетельствование подлинности чека; изготовление изделий партиями; изменение конъюнктуры рынка; истечение срока найма.

Сущ+Прил+Сущ – дефицит иностранной валюты; дефицит оборотных средств; диверсификация валютных резервов; залог недвижимого имущества; замораживание бюджетных средств; зачет взаимных долгов.

Прил+Прил+Сущ – скрытый производственный дефект; коммерческие товарные запасы; средняя почасовая зарплата; полная земельная собственность; консолидированный правительственный заем; денежные ветхие знаки.

Прил+Сущ+Сущ – минимальная затрата времени; прибыльное использование капитала; акционерный капитал компании.

Сущ+ Сущ+ Прил+ Сущ – издержки освоения нового производства; индекс объема промышленного производства; индексация роста заработной платы; инструменты рынка краткосрочных капиталов.

Сущ+ Прил + Прил+ Сущ – изменение окружающих природных условий; износ основных производственных фондов; интернационализация внутренних валютных рынков.

Сущ+Сущ+Сущ+Сущ – истечение срока действия аккредитива; карта кривых безразличия потребителей;

Большой продуктивностью обладают трехкомпонентные модели разной структуры с предлогами, например:

Сущ+предл+Сущ+Сущ – дивиденд в форме акций; задержка в исполнении контракта; заказ на поставку товара; закрытие на конец года; закупки для поддержания цен; запись в дебет счета; игра на разнице котировок.

Сущ+Сущ+предл+Сущ – избыток товаров на рынке; изготовление продукции на рынок; изменение цен на бирже; интеграция банков с промышленностью;

Сущ+предл+Прил+Сущ – задолженность по банковской ссуде; закладная на движимое имущество; закон о товарных знаках; законодательство о подоходном налоге; игра на валютных расхождениях; издание для служебного пользования; издержки по банковским операциям.

Менее употребительны четырехкомпонентные модели с предлогами:

Сущ+предл+Прил+Прил+Сущ – заем с переменной процентной ставкой;

Сущ+ Сущ+предл+Прил+Сущ – зачет платежей по ценным бумагам; импорт товаров для внутреннего потребления;

Сущ+ Прил+Сущ+предл +Сущ – защита внутреннего рынка от импорта.

Исследование показало широкое разнообразие структурно-семантических моделей образования терминологических словосочетаний, так как «участвуя в процессе коммуникации, терминологические единицы стремятся к реализации различных грамматических форм и категорий, присущих им как единицам языка» [Даниленко, 1986:75]. Другими словами, представленные функциональные модели осуществляют переход информации, зафиксированной в языке в мир-систему.

В основе образования экономической терминосистемы русского языка лежат процессы заимствования (обычно из английского языка), терминологизации общеупотребительной лексики («семантический способ, заключающийся в переосмыслении слов, взятых из общего языка» и калькирования [Ткачева, 1987]. Рассмотрение данных способов пополнения русской экономической терминосистемы обусловлено как историей, так и современными особенностями ее формирования. М.В. Китайгородская, анализируя русскую экономическую терминосистему с точки зрения источников формирования, выделяет следующие группы: 1) термины, выражающие основные понятия и категории экономики – постоянный фонд экономической терминологии; 2) неупотребляемые термины, возвращающиеся в активное употребление и фиксирующие новые явления современной действительности, которые могут «восприниматься как новые», «вследствие распада связи времен»; 3) термины, заимствованные, как правило, из английского и американского языков [Китайгородская, 2000].

3) Определение роли терминосистем других языков в оформлении экономических смысловых ориентаций в системе русского языка позволяет сделать вывод о влиянии процессов интернационализации и заимствования, которые являются одними из самых продуктивных способов ее пополнения. Заимствование – «элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов» [Добродомов, 1998:158]. Причинами

заимствований являются как неязыковые, так и языковые факторы. Говоря о внеязыковых (экстралингвистических) факторах, можно отметить, во-первых, рост международных экономических связей, в результате которых происходит обмен информацией, как в письменном, так и в устном виде. Основным каналом заимствований является письменный канал в результате широкого распространения и доступности специализированной научной и учебной литературы. Во-вторых, переход нашей страны к рыночной экономике и торговле с другими странами.

Особенностью развития современной русской экономической терминологии стали внешние заимствования из английского языка, что объясняется лидирующим положением стран, говорящих на данном языке в торгово-экономической сфере, а также международным характером ситуаций экономической деятельности, например: международные экономические отношения, таможенное дело, внешняя торговля.

Заимствования образуют значительный пласт в экономической терминологии современного русского языка. Заимствованные термины остаются практически неизменными в своей форме, в результате их появления посредством письменного канала. Чаще всего из английской терминологии заимствуются простые, реже составные термины. Например: *провайдер* - *provider*; *ревальвация* - *revaluation*; *пул* - *pool*; *олигополия* - *oligopoly*; *гудвилл* - *goodwill*; *демонтажизация* - *demontization*; *клиринг* - *clearing*; *овердрафт* - *overdraft*; «даун-тик» - *down tick*; *лидз энд лэгз* - *leads and lags*; *плюс-тик* - *plus-tick* и т.д.

Одними из наиболее частых причин заимствований является отставание России в некоторых отраслях экономики, а также более развитая система экономики англоязычных стран [Пушкарева, 2004:73]. Согласно М.В. Китайгородской, «во многих языках, «рыночная» терминология представляет собой сложившиеся терминосистемы, «предлагающие» узуальные обозначения, которым не всегда можно найти удобный однословный эквивалент

[Китайгородская, 2000:197]. Термины, выражающие категорию процессов, связанных с денежными операциями, операциями с ценными бумагами и товарными знаками составляют значительный пласт в русской экономической терминосистеме. Например: *андеррайтинг* - *underwriting* (гарантирование размещения (ценных бумаг)); *девальоризация* - *devalorization* (официальное понижение курса валюты); *дегрессия* - *degression* (понижение налоговой ставки); *деинвестиции* - *disinvestment* (сокращение капиталовложений); *листинг* - *listing* (допуск ценных бумаг на фондовую биржу); *монетизация* - *monetization* (превращение в деньги); *ревальвация* - *revaluation* (повышение стоимости); *редукция* - *reduction* (перевод в другую валюту); *реинкарнация* - *reincarnation* (перевод ценных бумаг в другую форму); *рэлли* - *rally* (оживление спроса, рост курсов); *свитч* - *switch* (продажа одних активов и покупка других); *селлинг* - *selling* (торговля опционами); *сплит* - *split* (дробление акций); *тик* - *tick* (движение цены вверх или вниз); *фиксинг* - *fixing* (установление валютного курса или цены золота).

Переход к рыночной экономике способствовал заимствованию терминов, выражающих категорию лица, профессий и занятий, которые связаны с торговлей, недвижимостью, работой на бирже и т.д., так как «любая область экономической деятельности, той или иной тип экономических отношений (купля-продажа, договорные отношения, расчетно-кредитные отношения, страхование, перевозки и др.) предполагают, прежде всего, наличие субъектов (контрагентов) этой деятельности» [Китайгородская, 2000]. Например: *андеррайтер* - *underwriter*; *брокер* - *broker*; *девелопер* - *developer*; *инвестор* - *investor*; *инсайдер* - *insider*; *контрброкер* - *contra broker*; *рейдер* - *raider*; *риэлтер* - *realtor*; *субагент* - *subagent*; *сюрвейер* - *surveyor*; *трансферт* - *agent-transfer agent*; *финансист* - *financier*; *цедент* – *cedent*.

Согласно А.В. Суперанской и Н.В. Подольской, «иной раз заимствуются целые терминологические пласты, если в языке-источнике та или иная система разработана лучше и полнее» [Суперанская, Подольская, 1989]. Это можно

наблюдать на примере информационно-вычислительных технологий. В результате их появления и широкого распространения, русская терминология заимствует термины категорий предметов и процессов, связанных с этой областью. Например: *ассемблер* - *assembler*; *компьютеризация* - *computerization*; *ксерокс* - *Xerox*; *модем* - *modem*; *монитор* - *monitor*; *нейджер* - *rager*; *нейджинг* - *raging*; *принтер* - *printer*; *программирование* - *programming*; *процессор* - *processor*; *сервер* - *server*; *телекс* - *telex*; *телетайп* - *teletype*; *чип* - *chip*; *оф-лайн* - *off-line* и т.д.

Одним из языковых факторов, приводящих к заимствованию, является использование иноязычного простого (однословного) термина вместо сложного описательного оборота существующего в русском языке, что в значительной степени облегчает и упрощает язык экономической терминосистемы. Например: *диспач* - *dispatch* (премия за более быструю погрузку или выгрузку по сравнению с нормами, обусловленными в чартер - партии); *дистрибьютор* - *distributor* (брокер, размещающий ценные бумаги среди клиентуры); *инсайдер* - *insider* (лицо, имеющее в силу служебного положения конфиденциальную информацию о делах фирмы); *листинг* - *listing* (допуск ценных бумаг на фондовую биржу); *маржа* - *margin* (разница между двумя показателями в торговой, биржевой, страховой и банковской практике); *медико* - *medio* (срок исполнения биржевых сделок, приходящийся на середину месяца); *мортификация* - *mortification* (объявление акций недействительными); *метчинг* - *matching* (метод учета и оценки валютного риска); *акцептование* - *acceptance* (согласие на денежных и товарных документов); *омбундсман* - *ombudsman* (неофициальный орган для урегулирования споров между банками и клиентами); *процессинг* - *processing* (первичная переработка сырья); *реверс* - *reverse* (обязательство выкупить данный в залог вексель к сроку платежа); *сеньораж* - *seigniorage* (пошлина за право чеканки монет); *скрип* - *scrip* (временный сертификат на акции); *стэнд-бай* - *stand-by* (обязательство

предоставить заемщику обусловленную сумму кредита в момент обращения в банк) и т.п.

В ряде случаев, при возникновении заимствований нарушается одно из требований к научному термину, а именно «принцип однозначности термина». [Даниленко, Волкова, 1993]. Принцип однозначности, в этом случае, нельзя применить не только к термину, но и к понятию, которое выражается этим термином, так как наблюдаются некоторые изменения в их исходном значении. В ряде случаев заимствованный термин расширяет и дополняет значение (понятие), выраженное русским термином, например: *скидка* - *дисконт* (*discount*). Понятие скидки подразумевает скидку с номинального денежного выражения стоимости имущества с целью сблизить ее со стоимостью, рассматриваемой в качестве реальной. Наиболее известные случаи применения понятия скидки относятся к валютно-обменному рынку, рынку ценных бумаг и налогообложению. *Дисконт* – первоначально был скидкой, которая предоставлялась на последние изделия серий, изделия, вышедшие из моды, или продукты не первой свежести. Затем торговцы основывают специализированные предприятия, или «дисконты», которые закупают товар мелкими партиями со скидкой в цене у производителя на очень выгодных для себя условиях и получают прибыль. Также близким по значению к русскому термину *скидка* является заимствованный термин *рабат* (*rebate*). И если термин *скидка* наиболее употребляем на валютно-обменном рынке и рынке ценных бумаг, то заимствование *рабат* ограничено сферой торгового мореплавания, так как *рабат* – это скидка с тарифа, предоставляемая конференциями грузоотправителям за отправку ими своих грузов только на судах конференции. Следующий термин *вкладчик* имеет, согласно толковому словарю, близкое значение с заимствованным термином *инвестор* (*investor*). Толковый словарь дает следующие определения: *вкладчик* – лицо, делающее вклад в создание или увеличение средств компании, и который дает право на участие в ее капитале или ее доходах. Вклады могут быть денежными, вклады

натурой (участки земли, строения или оборудование) и вклады неосязаемой собственностью (труд, информация). *Инвестор* – лицо, делающее вложение в ценные бумаги и приобретающее капитал, с целью получения дохода. Термин *контракт* - заменяется термином *индентура (indenture)*, где *контракт* – двустороннее или многостороннее соглашение, где оговорены права и обязанности его участников, направленные на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей. Термин *индентура* дополняет понятие, выраженное термином *контракт*. *Индентура* – контракт, заключаемый обычно между акционерным обществом и попечителем держателей облигаций, в чью обязанность входит их защита [Бернар, 1997; Федоров, 1992]. На смену уже существующим терминам *агент* и *комиссионер* приходит заимствование *фактор (factor)*. И если термины *агент* и *комиссионер* являются синонимами, так как имеют сходное значение (лицо или сторона в договоре, совершающее операции по поручению другого лица или стороны за его счет), то значение термина *фактор* меняется. Фактором является специализированная фирма, которая выполняет такие операции, как: ведение счетов, взыскание денежных сумм и решение спорных вопросов. Следующий термин *гарантия* заменяется в современных словарях заимствованием *варрант (warrant)*. Гарантией является поручительство за выполнение каким-либо лицом денежных или других обязательств, тогда как термин *варрант* применяется не к какому-то особому виду гарантии, а лишь к форме долгового требования [Бернар, 1997; Федоров, 1992]. На этом примере мы видим два термина, которые выражают два разных понятия.

Несмотря на оправданные причины заимствований, о которых говорилось выше, в современной русской терминологии наблюдается большое количество заимствований, в которых нет необходимости в силу того, что существующие понятия, явления и процессы уже выражены русскими терминами, в результате чего возникает синонимия. Например: термин *тратта* существующий в русской терминологии, заменяется заимствованным термином *драфт*;

синонимом к слову *посредник* выступает заимствование *медиатор*; термин *застой* заменяется термином *стагнация*; *проверка, ревизия* - *аудит*; *биржевик* - *дилер*; *согласие* - *консенсус*; *переучет (векселей)* - *редисконт*; *нововведение* - *инновация*; *банкнота, кредитный билет* - *нота*; *реклама, гласность* - *паблисити*; *рекламный плакат* - *постер* [Бернар, 1997; Федоров, 1992].

Помимо заимствований из языка в язык, существуют заимствования из системы в систему (или из системы в подсистему). Под вторыми имеются в виду заимствования «в конкретные отраслевые терминологии слов общелитературного языка или диалектной лексики и семантическое преобразование их, семантическая терминологическая уточненность, необходимая для специального наименования» [Даниленко, 1977]. Заимствованные термины «приходят в национальную терминологию как готовые языковые единицы вместе с понятиями и реалиями, наименованиями которых они являются» [Даниленко, 1977:29].

Исходя из выше сказанного, можно утверждать, что заимствование терминов является оправданным процессом, в результате существования как неязыковых, так и языковых факторов. Можно также предположить, что любое заимствование может занять прочное место в русской экономической терминосистеме, если оно обладает хорошей сочетательной способностью с другими русскими терминами и общеупотребительной лексикой, а также может быть элементом составных терминов, терминов-словосочетаний и иметь возможность образовывать производные термины.

4) Выявление экспликативного потенциала единиц системы русского языка. Еще одним процессом терминообразования в русском языке является процесс терминологизации общеупотребительных слов. Большой энциклопедический словарь по языкознанию объясняет терминологизацию как переход общеупотребительного слова в термин, что свидетельствует о проникновении нетерминологической лексики вследствие того, что терминология входит в общую лексическую систему языка.

Согласно В.П. Даниленко, «суть терминологизации сводится к использованию одного из дифференциальных признаков, заключенного в лексическом значении, который затем используется в качестве «общей идеи» для слова-термина. В термине эта общая идея конкретизируется, уточняется в соответствии с содержанием научного понятия» [Даниленко, 1977]. Л.М. Алексеева указывает на то, что любое слово языковой системы терминогенно, поэтому терминологизацию можно рассматривать как перекодирование естественного кода (языка) [Алексеева, 1998]. Л.В. Мауэр рассматривает терминологизацию как частичную или полную семантическую реконструкцию общеупотребительных слов в их динамике [Мауэр, 1985]. С.Н. Хижняк считает, что процесс терминологизации показывает, как слова общего языка переосмысливаются благодаря смежности термилируемого понятия и понятия, обозначенного словом [Хижняк, 1999]. Данный способ терминообразования использовался с «самых ранних периодов формирования терминологических подсистем» и в основном с его помощью создавались терминологические наименования конкретного значения, однако в современных условиях «семантический способ стал все чаще использоваться и при производстве терминов с отвлеченным значением, что отражает более высокий, более абстрактный уровень общественного, коллективного мышления» [120:52].

Этот процесс можно наблюдать в следующих примерах: *вал* имеет нетерминологическое значение – наплыв – *wave, inflow*. Терминологическое значение данного слова реализуется в словосочетании – общий объем продукции – *gross output*. Нетерминологическое значение слова *пакет* – связка, сверток, терминологическое – комплекс товаров, услуг.

Слово *итог* выражает 1) результат (нетерминологическое понятие) и 2) общую сумму, (терминологическое понятие); *калькулятор*: 1) вычислительное устройство, 2) специалист; *замораживание*: 1) охлаждение 2) удержание на одном уровне - зарплаты, цен; *клика*: 1) группировка, 2) биржевые спекулянты; *макулатура*: 1) отслужившие свой срок изделия из бумаги и картона 2)

бросовая облигация; *номенклатура*: 1) перечень названий, терминов 2) ассортимент товаров; *паспорт*: 1) официальный документ, удостоверяющий личность 2) гравировка на оборудовании; *поток*: 1) течение 2) система производства; *стандарт*: 1) образец, эталон 2) денежная система; *запрос*: 1) просьба, 2) завышение цены и т.д.

В ряде примеров, приведенных выше, мы видим наличие метафоры, которая «зачастую лежит в основе терминологизации» [138:296]. Терминологизация данных общеупотребительных слов основана на тождественности признаков, свойственных как словам общего употребления, так и терминам. И если слово называет общее понятие (класс предметов), то термин терминирует лишь узкое специальное понятие, так как опирается только на один или несколько признаков.

Анализ экономической терминосистемы русского языка позволил выявить процесс ретерминологизация - «перенос готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным переосмыслением» [186:508]. В экономической терминологии русского языка можно встретить термины из области лингвистики, медицины, физики, географии и т.д. Например: термин *гравитация*, определяемый энциклопедическим словарем как универсальное взаимодействие между любыми видами физической материи, переносится в экономику и становится биржевым термином, выражающим понятие взаимного воздействия цен на разных рынках; медицинский термин *операция* – хирургическое вмешательство с лечебной целью, в экономике выражает понятие сделки; *оздоровление* – санация убыточного предприятия; математический термин – *процент* в экономике обозначает *процент с капитала*; лингвистический термин *редукция* – изменение артикуляционных и акустических характеристик звука, вызванное сокращением его длительности или ослаблением напряженности, в терминосистеме бизнеса – падение биржевого курса ценных бумаг или биржевых цен. Понятие морального сознания и категория этики – *добро* переносится с полным переосмыслением и

выражает понятие – *имущество*. В экономической терминологии встречаются также такие термины как: *барабан (упаковка), терция (третий экземпляр векселя), кулиса (неофициальная биржа)* и т.п. В ряде случаев термины, взятые из других терминосистем, участвуют в процессе производства сложных экономических терминов, например: *банковские операции, дилинговые операции, народное добро, оздоровление финансового состояния, оздоровление промышленности* и т.д.

Современная экономическая терминология русского языка характеризуется большим количеством интернациональной лексики, однако как указывает В.П. Даниленко, было бы неправильно связывать процесс интернационализации лексики с развитием экономической науки только на современном этапе, так как во все времена с развитием языка росли и его связи с другими языками [Даниленко, 1986]. Таким образом, процесс интернационализации присутствовал в национальной терминологии и на более ранних этапах развития, что доказывает наличие в экономической терминологии греческих, латинских терминов.

Изучение терминообразовательных возможностей английского и русского языков имеет большое значение, для дальнейшего формирования (построения) экономической терминосистемы, которая еще не является сложившейся системой и находится в стадии формирования. Можно предположить, что вследствие быстрых темпов развития российской экономики, в результате которых постоянно возникает необходимость в обозначении новых предметов, процессов и явлений экономическая терминосистема русского языка будет постоянно пополняться за счет заимствований, процессов метафоризации и терминологизации общеупотребительной лексики.

5) Структурные отношения в экономической терминосистеме русского языка проявляются в процессе полисемии, закономерный характер которой «обуславливается связью предметов и явлений объективной действительности»

[Никитина, 1995:14]. Например: *обеспечение*: 1) снабжение, 2) поддержка, помощь, 3) залог, 4) фин. покрытие, 5) средства к жизни, 6) гарантия; *отчисление*: 1) вычет, 2) ассигнование, 3) увольнение, 4) авторский гонорар, лицензионная плата; *премия*: 1) приплата, дополнительное вознаграждение, 2) бирж. надбавка к номинальной цене, 3) страх. страховой взнос, 4) награда, приз, 5) вознаграждение покупателю в качестве стимула для приобретения товара; *работа*: 1) труд, 2) деятельность, 3) функционирование, 4) конкретное задание, 5) занятие, служба, 6) производство, изготовление, 7) режим, 8) продукт труда; *расчет*: 1) вычисление, подсчет, 2) предварительный подсчет, смета, 3) расплата, 4) предположение, 5) увольнение и т.д.

Процесс синонимии также широко представлен в экономической терминосистеме русского языка. В синонимичные отношения вступают как простые термины, так и термины-словосочетания, которые образуют три группы синтаксических синонимов.

1. Синонимическое соответствие «слово – слово»: *сделка – операция; даровой – бесплатный; калькуляция – вычисление; подсчет – расчет; забраковать – отвергать; сделка – рынок; работодатель – предприниматель.*

2. «Словосочетание – слово»: *падать в цене – дешеветь; давать взятку – подкупать; имеющий спрос, пользующийся спросом – ходкий; с завышенной стоимостью – переоцененный; давать займы – ссужать;*

3. «Словосочетание – словосочетание»: *торговая марка – товарный знак; фактическая цена – текущая цена, настоящая цена; централизованная закупка – массовая закупка; частные доходы – частный капитал, частные фонды.*

Большой продуктивностью обладают синонимы – иноязычные заимствования: *завершение сделки – ликвидация (liquidation); капиталовложение – инвестирование (investment); несостоятельность – банкротство (bankruptcy); учет – дисконт (discounting); годовой взнос – аннуитет (annuity); легко реализуемый – ликвидный (liquid); гарантия – варрант (warrant)* и т.д. [Бернар, 1997].

Русской экономической терминологии характерны синонимические ряды, где представлены стилистические синонимы и синонимы с различными оттенками значения, например: *малоимущий – бедный, нищий (оф), нищий (усил); обанкротиться – потерпеть крах, прекратить платежи, разориться, прогореть, вылететь в трубу (прост); посредник – агент, маклер, комиссионер; гарантия – доверенность, расписка, ручательство, warrant; дар – 1. подарок, подношение (приподн), презент (ирон), 2. вклад, пожертвование, благодеяние, даяние (кн., приподн), 3. дарование (кн), талант, одаренность; задаток – аванс, авансовый платеж, взнос; ущерб – убыток, потери, вред, урон, изъян, потеря, повреждение, поломка, авария* и т.д. [Бернар, 1997].

Наличие большого числа синонимов в русской экономической терминосистеме обусловлено ее стихийным формированием, наличием активно действующего процесса иноязычных заимствований, а также признание термина не особым словом, а словом в особой функции, которому присущи все лингвистические явления, характерные для общелитературного слова.

Деривативность менее выражена в экономической терминосистеме русского языка, чем в английском языке: *спекулянт, спекуляция, спекулировать, спекулятивный; цена – ценность, ценный, ценообразование; заказ – заказанный, заказ-наряд, заказной, заказ-спецификация, заказчик, заказывать; заклад – закладная, залогодержатель, залоговик, залоговывать; налог – налоговое убежище, налоговый, налоговый рай, налогообложение, налогоплательщик* и т.д. Основной причиной является наличие большого пласта заимствованных терминов, которые и образуют производные, например: *баланс – balance, балансирование – balancing, балансировать – balance, балансировка – balancing, баланс-нетто – net balance; акцепт – acceptance, акцептант – acceptor, акцептование – acceptance, accepting, акцептованный – accepted, акцептовать – accept* и т.д.

Таким образом, экономическая терминосистема русского языка представляет преддискурсивную ступень мир-системы. Эта ступень, по

утверждению Л.Н. Засориной, характеризуется сублогическими процессами отражения действительности: из множества элементов системы выбираются серии-ряды, складывающиеся в динамические структуры ассоциативного типа – ассоциативные сублогические комплексы [Засорина, 1973]. В системе русского языка ассоциативные сублогические комплексы, выявленные посредством герменевтической техники, представляют собой основания экономического искусства и мысли, альтернативной системе принципов организации бытия, характерных для российского этноса. Это логика смысловых ориентаций в мир-системе, предполагающая преобразование линейного текста русской языковой культуры на субсловесном (преддискурсивном) этапе речемыслительной деятельности.

Финансовый вид деятельности обретает бытие в системе мысли (мыследеятельности, мыслительной культуры), как свидетельствует герменевтическая техника исследования экономической терминосистемы русского языка, через: а) состав единицы; б) продуктивные модели образования терминологических словосочетаний; в) процессы заимствования; г) экспликативный потенциал единиц системы русского языка; д) структурные отношения в экономической терминосистеме русского языка.

Подводя итог, можно сказать, что выражение экономической терминосистемы английского и русского языков происходит в пластах интернациональной лексики, иноязычных заимствований и терминов, образованных ресурсами своих национальных языков, преобладание которых обусловлено эволюцией развития экономики как области знания, а также словообразовательными возможностями языка.

Экономическая терминосистема английского и русского языков включает термины и терминологические словосочетания различных морфемных и грамматических структур, где удельный вес терминов-словосочетаний гораздо больше, чем терминов-слов, что объясняется, прежде всего, их информативностью. Анализ словообразовательных моделей показал

наибольшую продуктивность двух- и трехкомпонентных терминов экономической терминосистемы двух языков.

Процессы синонимии и полисемии характерны для экономической терминосистемы двух языков. И хотя данные процессы считаются избыточными, затрудняющими процесс обучения и коммуникации, они являются реально функционирующими процессами. Синонимия чаще присутствует в «молодых» терминосистемах, и хотя терминология экономики не относится к таковым, но является постоянно развивающейся и формирующейся.

Вышеизложенный материал позволяет утверждать, что процесс метафоризации является продуктивным семантическим процессом образования терминов и активно применяется в экономической терминосистеме английского языка. Термины – метафоры в экономической терминосистеме русского языка чаще всего являются калькируемыми метафорами из английского языка как языка источника.

Процесс заимствования характерен для экономической терминосистемы как английского, так и русского языков. Для русской экономической терминосистемы процесс заимствования является активно действующим на современном этапе развития и становления и становления экономики России, и терминология заимствуется преимущественно из английского языка, так как страны, говорящие на этом языке, являются неоспоримыми экономическими лидерами. В английской экономической системе процесс заимствования был характерен на этапе ее становления, а именно, с XVI и до середины XX века. В настоящее время количество заимствуемых терминов в экономической терминосистеме английского языка минимально, что объясняется лидирующим положением стран, говорящих на данном языке, в мировой экономике, а также становлением английского языка как языка науки.

Выводы по первой главе:

1. В современных исследованиях можно выделить атрибутивный, референциальный, собственно экспликативный подходы к рассмотрению термина как элемента системы, знаково закрепляющего знания в жизнедеятельности общества – терминосистеме.
2. Будучи связанным с сознательно-культурным началом в языке, термин выполняет экспликативную функцию, основывающуюся на его объяснительной силе относительно любых референциальных значений слов и предложений любых текстов. Экспликативная функция термина обуславливает другие его функции: коммуникативную, трансляционную, прагматическую, эвристическую.
3. Мир-система или мирэкономика – это новое состояние системы современных обществ, интерпретируемое бытие, базирующее на онтологии понимания. Онтология понимания в контексте мир-системы включается в методологию интерпретации действительности, доминирующим аспектом существования общества при этом признается экономический.
4. Герменевтика, истолковывающая экономический аспект, может быть наименована экономической герменевтикой. Она интерпретирует жизнедеятельность общества, смысловыми ориентирами которого становятся параметры: планомерность, постоянство, непосредственность, нематериальность.
5. Применение герменевтического анализа при исследовании экономической терминосистемы позволяет выявить особенности личностной деятельности субъекта, ориентированного экономическим искусством, как деятельности вживания, вчувствования во внутренние структуры мир-системы. Экономическое искусство обусловлено универсальным для этноса способом бытования герменевтического бытия в форме герменевтического опыта, приобретаемого с помощью

- терминосистемы, и позволяющего интерпретировать бытие через систему понятий, отражающих научное мировоззрение, которое декларирует существование объекта независимо от субъекта.
6. Терминосистема способствует созданию особых условий существования объекта, определяемых как теоретизированный мир, который порождает сферу действия теории. Актуализируя экспликативную функцию, термин обеспечивает и поддерживает существование данной сферы. Терминосистема открывает механизмы использования системы организации знания в процессе формирования герменевтического опыта по созданию интерпретированного бытия.
 7. Одним из вариантов интерпретированного бытия является мир-система. Выявление особенностей интерпретированного бытия в форме опыта интерпретации окружающего мира и среды обитания предлагается осуществлять с помощью двух герменевтических техник. Техника I определяет смысловые ориентации в мир-системе британской традиции. Техника II конкретизирует смысловые ориентации в мир-системе российской традиции.
 8. Применение герменевтической техники при интерпретации экономической терминосистемы английского языка позволяет констатировать, что анализируемая система представляет собой дискурсивную ступень мир-системы, характеризующуюся линейной разверткой единиц системы языка в мыслительном акте – акте экспликации, который в своей простейшей форме связан с фиксацией отношений между референциальными объектами мысли. Посредством экономической терминосистемы английского языка оформляется референциальное содержание или информативный смысл экономического аспекта существования системы современных обществ, смысловыми ориентирами которой являются финансовая, коммерческая, культурная и информационная виды деятельности.

9. Применение герменевтической техники при интерпретации экономической терминосистемы русского языка дает свидетельство о том, что анализируемая система представляет собой преддискурсивную ступень мир-системы, характеризующуюся сублогическими процессами отражения действительности: из множества элементов системы выбираются серии-ряды, складывающиеся в динамические структуры ассоциативного типа – ассоциативные сублогические комплексы. В системе русского языка ассоциативные сублогические комплексы, выявляемые посредством герменевтического анализа экономической терминосистемы, представляют собой основания экономического искусства мир-системы и альтернативной системы принципов организации бытия, как бытия интерпретируемого, обретающего себя в герменевтической опыте. Подобная логика смысловых ориентаций в мир-системе «гарантирует» бытие (создает условия для существования) в системе мыслительной культуры через ассоциативные сублогические комплексы (модели образования терминологических сочетаний), систему принципов оформления референциального содержания экономического аспекта существования (процессы коммуникации с другими типами герменевтического опыта, закрепленного в экономических терминосистемах), выявление главных линий социального процесса в мир-системе (структурные отношения в экономической системе русского языка).

Глава 2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОСИСТЕМА КАК СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ОПЫТА В СИТУАЦИИ МИР-СИСТЕМЫ

2.1. Герменевтический опыт в ситуации мир-системы

В разделе описывается процесс познавательной деятельности человека, результаты которой закрепляются в экономических терминах, обсуждается проблема познания и мышления. Экономическая терминосистема характеризуется как метаязык описания мир-системы, структурирующий и формирующий герменевтический опыт, выступающий формой познания. Термин рассматривается как знак, фиксирующий при познании мир-системы значащие идеи, характеризующие смысловые ориентации системы современных обществ и выявляемые в ходе герменевтического анализа.

Накапливая информацию, человек приобретает опыт и знание, которые фиксирует в терминах, так как человеческая память неограничена. Работа с терминологией требует обращения к «теории познания, т.к. необходимо «понимать понятие», уметь обращаться с понятиями, классифицировать и подчас уточнять понятия, строить определения понятий, пользоваться суждениями и т.п.», а также помнить, «что новое понятие в соответствии с закономерностями процесса познания формируется не путем механического оперирования другими понятиями, а сложным путем суждений и систем суждений на основе понятий» [Климовицкий, 1969:32]. Результатом усвоения знания является умение верно сопоставлять термин и терминируемый объект, а также правильно употреблять термин в различных языковых ситуациях, а не только знать термин и его определение.

Работая над образованием понятия, человек совершает ряд операций, заключающихся в принятии и анализе поступающей информации, построении суждений, обобщении и выделении характерных признаков, позволяющих

отнести данное понятие к тому или иному классу, т.е. совершает серию последовательных действий. По мнению М.Н. Володиной, формирование понятий «определяется как мыслительно-языковая деятельность, осуществляемая с помощью целого ряда суждений или высказываний, оформленных в виде предложений. Понятие как бы вбирает в себя суждение и содержит его в свернутом виде, что принципиально важно для термина, назначение которого – по возможности кратко и точно выражать специальные понятия» [Володина, 1997:5]. Успех в образовании понятия зависит от использования всех познавательных способностей человека, от правильности выбора метода и стратегии поиска и обработки информации.

Человек получает информацию, поступающую не только непосредственно из наблюдения над окружающей действительностью, но и с помощью мыслительной деятельности. Мышление выступает как вид познания и рассматривается как «взаимодействие мыслящего субъекта с предметами и явлениями объективного мира, который в реальном мыслительном процессе опосредованно выступает в виде прежних знаний и элементов исследуемой проблемной ситуации» [Налчаджян, 1972:14]. Другими словами, используя имеющиеся у него факты, знания и опыт, человек осуществляет познавательную деятельность с целью получения полной информации об исследуемой области знания для реализации в ней дальнейшей работы.

После образования понятия из суммы встреченных примеров того или иного класса формируется «типовой пример категории», который позволяет человеку установить основные признаки класса и рассматривать поступающую информацию «с точки зрения ее соответствия данной категории», т.е. использовать «кодирующую систему», под которой подразумевается «неразрывное множество связанных друг с другом отвлеченных категорий» [Брунер, 1977:217].

Таким образом, в результате познавательной деятельности человек строит кодовые системы, которые затем применяет в различных областях для

получения информации, а также для ее обработки, результативность которой зависит от правильности выбора самой эффективной системы кодов.

Образование термина и терминосистемы, в результате переработки информации об окружающей нас действительности является когнитивной деятельностью человека. Терминосистема, с одной стороны, отражает научно-профессиональные знания поколений, классифицируя и систематизируя их, а с другой стороны, оказывает влияние и активизирует познавательную и реорганизирующую деятельность человека в мир-системе [Пушкарева, 2004:58].

Экономическая терминосистема структурирует герменевтический опыт в мир-системе, целью и результатом которого является освоение экономического искусства – расшифровывание смысла выбора, реализации и соотношения видов и форм организации общественного труда. Причем в конце XX века реорганизирующая роль слова и его участие в создании определенных условий существования человека позволяет признать деятельность, осуществляемую посредством слова, одной из форм общественного труда. Слово при этом рассматривается как знак, с помощью которого воспринимается попавшая в сознание воспринимающего вещь. Знак, по мнению Н. Кузанского, следует рассматривать в качестве особого рода среды, через которую предмет размножает свой вид, среды, находящейся между чувственным предметом и чувством. Знак представляет простую форму вещи, причину ее бытия [Кузанский, 1980:318].

Термин, являясь языковым знаком, должен выполнять ряд условий. Во-первых, термин-знак должен быть повторяем, т.е. встречаться и употребляться не только в единичном случае. Во-вторых, быть «семантически целостной единицей языка, значение которой не выводится непосредственно из значений ее компонентов» [Овчаренко, 1969:98]. В-третьих, значение термина должно соотноситься с каким-либо понятием, следовательно, выполнять сигнификативную (собственно знаковую) функцию, т.е. являться знаком-информантом [Маслов, 1967]. Означаемое и означающее термина-знака,

является одним целым и реализует свое значение через форму знака, созданную и принятую обществом, согласно философии интерпретации значение знаков устанавливается из общей практической перспективы или широкого мировоззренческого горизонта, где происходит введение знака в контекст времени, ситуации и целесообразности [Марков, 2001]. Термин-знак обозначает явления, процессы, события, факты, полученные в результате познания окружающей действительности и интеллектуальной деятельности человека. Он появляется и функционирует только внутри систем, в этом выражается его системность.

Характерным языковым знаком является слово, в нашем случае термин. У термина-слова выделяют не только обобщающую познавательную функцию, но и «функцию идентификации структурных единиц языка, как меньших, чем слово (фонемы, морфемы), так и больших (словосочетания, предложения)» [Уфимцева, 98:167]. Результаты познавательной деятельности человека в области экономики закрепляются в терминах-словах.

Согласно В.П. Даниленко, особенность специального понятия, именуемого термином, состоит в его целостности независимо от средств и способов передачи его содержания. Термин, являясь простым или сложным словом или словосочетанием «представляет собой один знак, которому соответствует одно понятие и, обладая сложной внутренней семантической структурой, термин является единой, отдельной, самостоятельной единицей наименования» [Даниленко, 1977:36]. Отмечая связь термина с другими знаками в терминосистеме (или лексики языка науки в целом), В.П. Даниленко выделяет главенствующей связью знака с реалией (с понятием) и указывает на зависимость значения знака термина от «объективного содержания соответствующего понятия», и от «субъективного, сознательного начала, которое привносится исследователем...» [Даниленко, 1977:58].

Объективное содержание соответствующего понятия – информирующие формы, в терминологии Н. Кузанского, идеи единичных означаемых,

природные знаки. «Поскольку представление о вещи формируется в нас, таким образом, через знаки и значащие идеи, познаваемая вещь может быть четко отличена от других только тогда, когда знание о ней образовано разными знаками и идеями, то есть как всякая вещь единична, так и в ее обозначении есть что-то такое, чего нет в обозначении другого» [Кузанский, 1980:326]. Термины как знаки фиксируют при познании мир-системы значащие идеи, характеризующие смысловые ориентации системы современных обществ и выявляемые в ходе герменевтического анализа: определение главных линий социального процесса в мир-системе, оформление референциального содержания экономического аспекта существования, каталогизация ассоциативных сублогических комплексов.

Субъективное сознательное начало, которое привносится исследователем, маркируется чувственными знаками. В таких знаковых обозначениях, считает Н. Кузанский, обозначенные вещи прибывают во внутренней силе воображения, «как слова остаются на бумаге, когда произнесение их уже кончилось» [Кузанский, 1980:323].

Термин-слово, являясь единицей терминологической системы, «фиксирует, храня в скрытом виде, формы «перехода» фактов действительности в факты мышления, т.е. в форму знания, отражая одновременно ступеньки и результаты познания» [Уфимцева, 1989:51].

Тем самым термин обеспечивает не столько интерпретацию научных фактов, сколько возможность, по Г.Г. Гадамеру, жизненно-практического участия в истории [Гадамер, 1991]. Термин выступает не только в качестве носителя значения, но и формой передачи опыта. Экономический термин, выступая единицей языка, с помощью которой описываются элементарные структуры экономического объекта, является самостоятельной составляющей мир-системы – интерпретируемого бытия, мотивированного символической логикой. «Символическая логика, отмечал Р. Якобсон, не перестает напоминать нам о том, что лингвистические значения, образованные системой

аналитических отношений одного выражения к другим не предполагает присутствия вещей» [Рикер, 1995]. Язык, с точки зрения М. Фуко, утрачивает свойство непосредственно подобия миру вещей, определяет статус репрезентанта мышления [Фуко, 1977]. Строй языковых форм структурируется и эксплицируется включенными в него уровнями мышления, «язык мира» становится «языком мысли» [Фуко, 1977].

Язык мысли в термине материализуется в виде семантического компонента, направляющего движение мысли, действия мышления при установлении связи между объектом реальной действительности и языковым объектом. Таким образом, в системе языка, в ее содержательном плане выделяется семантическая подсистема или язык связок. Этот язык связок описывается с помощью метаязыка – функциональной системы терминов, не дифференцируемой по принадлежности последних к определенной сфере теории. Экономическая терминосистема представляет язык, с помощью которого вырабатываются операциональные понятия этого описания: конструирование теоретизированного мира; схемы, лежащие в основе системы знания; действия, значимые для создания теоретизированного мира; механизм вживания в теоретизированный мир; операциональные подходы, связывающие языковой микро- и макромир; экспликативная функция единицы языка (термина) в мир-системе; функциональные модели, дающие представление о сложных переходах микро- и макромира в мир-систему; референциальное содержание экономического аспекта существования мир-системы; экспликативная функция языковой системы в мир-системе; экспликация условий для организации знания; границы сферы действия теории «мир-система».

При характеристике экономической терминосистемы как составляющей металингвистического уровня и метаязыка описания мир-системы, структурирующего и формирующего герменевтический опыт, методически значимыми следует признать методологические принципы, которыми

руководствуется структурная семантика. По утверждению П. Рикера, структурная семантика изначально руководствуется тезисом о закрытости лингвистического универсума, из которого вытекает понимание особой роли (функции) семантики: «семантика, с помощью металингвистических операций, выполняет работу по переводу знаков с одного уровня на другой» [Рикер, 1995]. Собственно методологическими принципами структурной семантики являются: 1) иерархические уровни и их связки представлены отчетливо: а) языковой объект; б) язык, с помощью которого описываются элементарные структуры языкового объекта; в) язык, с помощью которого вырабатываются операциональные понятия описания языкового объекта; г) язык, с помощью которого укореняются и определяются операциональные понятия; 2) единицы анализа не термины-объекты, а отношения соединения и разъединения; в таком случае термины-объекты определяются как набор сем, содержащих в себе только соединения и разъединения и иерархии отношений, или как семические системы. «Семический анализ заключается в установлении для группы лексем иерархического принципа соединений и разъединений, которым исчерпывается их образование» [Рикер, 1995:114-115]; 3) актуально понятие семантической потенциальности: каждое из действий смысла можно представить в виде формул, являющих собой соединения, разъединения и иерархические отношения, и «таким образом локализовать контекстуальную изменчивость, которая приводит к действию смысла» [Рикер, 1995:116]. Метод выявления семантической насыщенности слова состоит в приведении в соответствие вариантов смысла с классами контекста. В результате возможно определить вероятные действия смысла слова как производные от сем, или семем, «вытекающие из соединения одного семического узла и одной или нескольких контекстуальных сем, которые сами являются семическими классами, соответствующими контекстуальным классам» [Рикер, 1995:116].

Этот метод структурной семантики, как считает П. Рикер, позволяет с точностью подойти к проблеме множественного смысла, «взятого в качестве

лексического свойства и символического функционирования в высших единствах слова, то есть во фразе» [Рикер, 1995:116].

Вероятные действия смысла, вытекающие из контекстуальных сем мир-системы, из соединения семических узлов системы современных обществ, заявляют о себе в экономической терминосистеме. Описывая интерпретированное бытие мир-системы, экономическая терминосистема выявляет смысловые ориентации, характерные для структурно-исторического среза системы общества, которые в свою очередь выступают репрезентантами языка мысли, свойственного историческому моменту. Поскольку, как замечает М. Фуко, наблюдение объекта описывается по своим главным параметрам при помощи корректно построенного и адекватного им языка, то можно предположить, что металингвистические построения не только создают языковую модель описываемого объекта, но и модель мира, по сути своей, теоретизированного, составляющей которой и является презентуемый объект [Фуко, 1977]. Экономическая терминосистема устанавливает для групп лексем, маркирующих объекты жизненного мира системы современных обществ, иерархический принцип соединений и разъединений, определяя тем самым контекстуальную потенциальность лексемы в мир-системе и осуществляя деятельность по отсеиванию единиц системы языка, не выполняющих экспликативную функцию, актуальную при получении нового знания.

Проблема получения нового знания была актуальной во все времена. В результате возникла необходимость в «*Ars inveniendi*, в методе исследования, верном способе разыскания нового» [Виндельбанд, 1997:324]. В истории существовало широкое разнообразие методов получения нового знания: метод индукции, разлагающий метод, аналитический метод, синтетический, картезианский, геометрический, силлогистический, математический методы, метод повседневного наблюдения. Совершенным методом для Бэкона стал метод индукции, который он «объявил единственно верным способом обработки фактов. С их помощью следует устанавливать общие познания

(аксиомы), чтобы, опираясь на них, объяснить, в свою очередь, другие явления» [Виндельбанд, 1997:325]. Суть разлагающего метода Галилея состоит в разложении явлений, полученных путем восприятия, на составные части. Аналитический метод «ищет простых, само собой разумеющихся, элементов, из которых должно быть объяснено все остальное», принципом синтетического метода Декарт «выставляет положение, что истинно все то, что столь же ясно и определено, сколь и самосознание, т.е. все то, что представляется духовному взору столь же ясным и столь же непосредственным, как и его собственное существование» [Виндельбанд, 1997:331].

Перечисленные выше методы не нашли соответствующего регулярного применения при познании действительности, не имели последователей и не получили своего дальнейшего развития в истории.

Согласно Т. Парсонсу, при переходе от теории к практическому познанию действительности наука в начале опирается исключительно на наблюдение, и только по мере своего дальнейшего развития она становится все более абстрактной. Считается, что «познание – целиком количественное дело», в котором «самое главное – это наблюдать, то, что еще не наблюдалось до сих пор» [Парсонс, 1998:47].

Идею о получении знания об окружающей действительности посредством ее наблюдения развивает А.А. Уфимцева. Познание, по ее мнению, «начинается не с мыслей, а с наблюдения над вещами и с действий над предметной действительностью» и результаты этой познавательной деятельности (в нашем случае в области экономики) закрепляются в терминах [Уфимцева, 1986:51]. Термин, отражая действительность, представляет окружающий мир путем обозначения его явлений и предметов. Другими словами, первичная номинация связана с «опредмечиванием человеком объективного мира, со всеми этапами его общественного опыта и трудовой деятельностью, с выделением и обобщением необходимого и существенного в предмете труда и предмете познания» [Уфимцева, 1986:51]. Согласно В.А. Кухаренко, «не называя все

окружающие нас предметы, процессы, явления, понятия, мы не можем существовать как общество» [Кухаренко, 1988:29]. Иными словами, номинативная деятельность приобретает большое значение в процессе познания окружающей действительности.

Термин представляет знания человека, полученные в результате его познавательной деятельности, и отображает явления, процессы и предметы окружающей нас действительности. То есть термин отражает «социально-коммуникативный параметр познания, его коммуникативно-диалогическое измерение», что связано, прежде всего, с профессиональным общением человека, с передачей и обменом научно-профессиональной информацией [Володина, 1997:24].

С психологической точки зрения в основе познавательной деятельности лежит процесс ощущения, посредством которого мы познаем мир, и процесс восприятия, помогающий создать целостный образ предмета или явления действительности, суммируя их отдельные свойства [Рогов, 1998:101]. Однако, при невозможности получить информацию при помощи органов чувств, человек использует мышление, т.е. познает действительность, оперируя при этом уже имеющимися у него знаниями. В этом ему помогает язык, который расширяет границы наших познавательных возможностей. В процессе познания выделяются не только ощущения и восприятие, но и воспоминание как его составляющие. Язык позволяет нам познавать действительность, узнавая об опыте других «и рассказать о том, что больше не воспринимается, а только вспоминается», т.е. личный опыт человека становится «внешним и общественным» [Рассел, 1997:71].

В.Б. Касевич рассматривает вербальный тип переработки информации как отличный от типов когнитивной деятельности неязыковой природы в количественном и качественном выражении, «количественно в том смысле, что отнюдь не всякий опыт вербализуем: в языковом выражении человек передает лишь некоторую часть своего когнитивного опыта. Качественно – в том

отношении, что использование языка есть переход на общезначимый для данного коллектива код, перевод с «собственного» языка на язык «общепринятой» семантики [Касевич, 1989:11].

Активная роль языка в процессе познания подтверждается следующими положениями: «язык обеспечивает саму возможность специфики человеческого, т.е. абстрактного, обобщенного мышления и подсознания; в языке, в той или иной мере фиксируются результаты предшествующих этапов познания действительности (в значениях слов, в его грамматических категориях и т.п.)», что не может не оказывать влияния на дальнейшую познавательную деятельность человека [Панфилов, 1975:7].

Таким образом, можно утверждать, что язык принимает активное участие в человеческом познании, которое не сводится только к зеркальному отражению действительности, а «происходит в процессе взаимодействия человека и среды» [Панфилов, 1975:7]. Язык является результатом отражения мира человеком, с его помощью происходит «системно-содержательная языковая интерпретация действительности, создание особого информационно-языкового видения мира» [Володина, 1997:37].

Нельзя не отметить, определенное влияние языка на процесс мышления (которое одинаково у всех людей независимо от их языка), однако оно не является определяющим (доминирующим). Воздействие языка на мышление как вид познания, сказывается на поведении человека, так как «будучи тесно связанным с невербальными формами коммуникации, язык не может не оказывать на них известного влияния» [Швейцер, 1976:31]. Человек, познавая окружающий мир, отражает его в терминологии, которая в свою очередь оказывает определенное влияние на дальнейшую познавательную и преобразующую деятельность человека, т.к. уже существующие термины служат средством получения нового знания и влияют на подход человека к объектам действительности, так как «информация, заложенная в терминах-понятиях, имеет специальную ценность, по-своему регулируя и направляя

профессионально-научную деятельность» [Володина, 1997:64]. Таким образом, термин это «совокупность результатов взаимодействия внутренних и внешних факторов, включая соотношение индивидуального и социального: создание термина индивидуумом, освоение термина социальной средой» [Панько, 1986:171].

В современном мире происходит изменение человеческого сознания – «возрастает адекватность отражения мира сознанием человека, совершенствуется сама возможность познания» в результате ряда факторов, характеризующих познавательную способность человека на современном этапе развития экономики и общества [Мечковская, 2000:166]. Основными факторами являются: «возрастание скорости интеллектуальных процессов, укрупнение семантических блоков, которыми оперирует мышление, увеличение информационной емкости вычислительных единиц (высказываний)» [Мечковская, 2000:166]. Поэтому познание можно рассматривать и как отражение окружающей нас действительности, и как познание, которое определяет дальнейшую научно-познавательную деятельность человека.

Познавательная способность человека на современном этапе развития экономики и системы современных обществ определяется его герменевтическим опытом: «не мысли о вещах, а экзистенция – вот что является наиболее верным способом постижения смысла бытия» [Марков, 2001:175].

Герменевтический опыт, опыт понимания мира через его толкование, в ситуации мир-системы предполагает освоение символической логики – существование в условиях повседневной реальности через оперирование лингвистическими значениями, образованными системой аналитических отношений одного выражения к другим и не предполагающими присутствия вещей. Символическая логика помогает адекватно ориентироваться в теоретизированном мире – мире, порождаемом «в процессе абстрагирования,

отождествления тех или иных свойств предметной области – сферы «действия» теории» [Бажанов, 1950:191].

Действие теории в мир-системе, как показывает герменевтический анализ экономической терминосистемы, тождественно вероятным действиям смысла, вытекающим из соединения семического узла и контекстуальной семы. Поэтому герменевтический опыт в мир-системе накапливается при понимании или семическом анализе, заключающемся в установлении для групп лексем иерархического принципа соединений и разъединений, которыми исчерпываются их образование.

Герменевтический опыт формируется при исследовании присутствия слова в тексте, в семантическом пространстве. Область его действия – область проявления дискурса, в случае которого слова «обладают собственным способом присутствия, отличным от способа существования их структур» [Рикер, 1995:115]. В таком случае то, что рассматривается в качестве множественного смысла и символического функционирования, есть и «действие смысла», которое проявляется в дискурсе, но основание которого находится в другой области [Рикер, 1995:115]. Герменевтический опыт при этом выступает как форма познания, познания семантической потенциальности или действий смысла, а также связанных с ними способов локализации контекстуальной изменчивости, которая приводит к действию смысла.

2.2. Накопление герменевтического опыта в ситуации мир-системы

В разделе рассматривается процесс накопления герменевтического опыта в мир-системе и его прагматическая специфика. Выявляются принципы выбора и использования терминов научно-деловой прессой. Описываются особенности реализации герменевтического опыта в экономическом тексте через схемы

мыследеятельности, репрезентирующие семантическую потенциальность мир-системы.

Накопление герменевтического опыта в мир-системе – это, прежде всего, накопление знания о бытии в мир-системе, системе современных обществ, связанных с действиями смысла и, как следствие, семантической потенциальностью. Семантическая потенциальность, в свою очередь, обусловлена контекстуальной изменчивостью мир-системы, одной из причин которой являются прагматические факторы, в том числе и экономический аспект существования системы современных обществ.

Согласно прагматизму, ценность мышления обусловлена его действенностью, эффективностью как средства для решения жизненных задач. Содержание знания определяется его практическими последствиями, то есть семантическая потенциальность практических последствий детерминирована механизмом оперирования лингвистическими значениями, приводящими «к действию» теории. Подобное же действие вытекает из соединения семического узла и контекстуальной семы при функционировании языкового знака в речи (коммуникации).

Ядром прагматической семантики является содержание общения, необходимое для взаимопонимания коммуникантов, а основополагающей категорией – категория смысла, являющаяся дополнительным прагматическим содержанием, которое слово приобретает в процессе речевого общения, и «уместность» языкового знака в конкретной коммуникативно-прагматической ситуации – как одно из ведущих понятий в лингвопрагматике [Азнаурова, 1988].

Прагматическая специфика герменевтического опыта в мир-системе обусловлена тем, что ситуация повседневной коммуникации предполагает не только «поверхностное» владение языком, скольжение по поверхности смысла – мгновенный перебор – просмотр подходящих для коммуникации единиц, т.е. осуществление деятельности по отсеиванию или изменению смысла различных

слов в одной и той же фразе, но и точное определение роли контекста в экспликации мысли. Речемыслительная деятельность в мир-системе находит отражение в своем «информационном следе», экономической терминосистеме, которая стала доступной широкому кругу людей, т.е. стала фактом их повседневной реальности [Зернецкий, 1988].

Накопление герменевтического опыта в мир-системе связано с определением вероятности появления в той или иной точке реальности смысла или действия смысла, характеризующего смысловые ориентации в системе современных обществ и отдельного общества в этой системе. Локализация семантической потенциальности позволяет обнаружить место экспликации новой теории, точнее, сферы ее действия, и переструктуриации системы языка.

Накопление герменевтического опыта при постижении экономического аспекта существования предполагает: а) вживание, вчувствование в действие смысла и б) представление в виде формул действия смысла для локализации контекстуальной изменчивости.

Действие смысла связано с областью проявления дискурса, со свойством слова обладать собственным присутствием, отличным от способа существования его структуры [Рикер, 1995]. В дискурсе язык реализует свою способность к соотносению, которая укореняет слова и фразы в реальности. В подтверждение П. Рикер приводит размышления по этому поводу: «Мы верим в то, что каждое предложение обладает соотносительностью: именно требование истины заставляет нас идти вперед к соотносительности» [Рикер, 1995:117]. Движение смысла к соотносительности, считает П. Рикер, и есть суть самого языка; язык имеет двойственную нацеленность – не принадлежащий физическому или психическому миру смысл и соотношение. Поворот от идеального смысла к реальности вещи осуществляется во фразе «в момент трансцендирования знака» [Рикер, 1995].

Существо понимания речи и акта изречения состоит в новых комбинациях (высказывание еще не высказанных фраз, их понимание), производимых посредством выбора одних значений и отвержения других.

Языковое поведение людей – «кодирование и декодирование высказываний, осуществляемое в процессе речевой деятельности, обусловлено имеющейся у носителей языка системой, самоорганизующейся и саморегулируемой, подвижной и изменяющейся на основе новых данных и образующей необходимую для коммуникации базу знаний [Арутюнова, 1998:390]. Состав этой базы знаний составляют «1) языковые знания: а) знание языка – грамматики (с фонетикой и фонологией), дополненное знанием композициональной и лексической семантики; б) знания об употреблении языка; в) знание принципов речевого общения; 2) внеязыковые знания: а) о контексте и ситуации, знания об адресате (в том числе знание поставленных адресатом целей и планов, его представления о говорящем и об окружающей обстановке и т.д.); б) общефоновые знания (т.е. знания о мире: знания о событиях, состояниях, действиях и процессах и т.д.)» [Герасимов, 1988:7].

Подобный выбор представляет собой своеобразный вариант метаязыка, описывающего особенности мыследеятельности, которые эксплицируются в новых комбинациях. Постигание экономического аспекта существования через вживание, вчувствование в общую систему действий, частной составляющей которого является действие смысла, происходит через процедуры создания терминосистем и выбора терминосистемы, адекватной референциальному содержанию. Обе эти процедуры направлены на удовлетворение потребности в общении в контексте мир-системы.

Социально-экономические изменения в обществе в результате деятельности человека, не могут не отражаться в терминосистеме – как средстве общения и познания. Другими словами существует непосредственная связь языка и окружающей нас реальности. В процессе развития всех областей экономики, совершенствования экономических реформ, появления новых видов

экономической деятельности, изменяется и терминосистема. Происходит ее количественный рост, меняется ее содержательный состав, появляются новые термины, уходят из употребления старые и т.д., т.е. происходит «адаптация системы к среде, что достигается усложнением ее строения (структуры)» [Мечковская, 2000]. В результате изменений социально-экономической жизни меняется и сфера употребления терминологии. Экономическая терминосистема стала «доступной» неспециалистам, широкому кругу людей. По мнению Р.А. Будагова, общественная природа языка оказывает влияние, прежде всего на лексику и «напоминает о себе двояким образом: и в создании собственно нового и в обновлении старого, в процессе приведения старого в соответствие с нуждами людей, живущих в обществе. Старое обновляется от одного присутствия нового» [Будагов, 1976:46]. Согласно автору, общественная природа языка является подвижной, и «подобная подвижность приводит к все большему увеличению роли языка во всей жизни общества» [Будагов, 1976:46]. Влияние общества прослеживается в терминосистеме следующим образом: появление новых значений у уже существующих терминов, возникновение жаргонов в некоторых областях экономики, появление многокомпонентных словосочетаний, возникающих в результате уточнения существующих понятий, и т.д.

Терминосистема создается для удовлетворения потребности в общении, в обмене информацией. Если человек не находит в своем словарном запасе нужных ему терминов, или нужно «означить» новые понятия, возникающие в результате развития новых областей знания и технологий, он прибегает к созданию новых терминов, с целью обеспечения эффективности общения в специальных научных областях [Володина, 1998:45]. Таким образом, прагматическая деятельность человека заключается в создании в процессе коммуникации новых терминов для осуществления целей общения, следовательно, нельзя не признать существование связи между коммуникативной и номинативной деятельностью человека. В терминологии

непрерывно требуются названия новым явлениям и процессам, и терминологическая номинация признается вторичной по отношению к номинации общелитературного языка [Суперанская, 1989]. Можно выявить несколько прагматических причин, влияющих на появление новых терминов. Во-первых – возникновение новых отраслей экономики, таких как: информационно-вычислительные технологии или маркетинг. Во-вторых – возникновение нового понятия, явления или процесса. В-третьих – появление нового аспекта уже существующих понятий и явлений.

Рассматриваемая нами научно-деловая пресса использует ряд принципов для выбора и сочетания терминов, обусловленных научно-публицистическим стилем. Использование маркированных терминов, несущих прагматическую информацию о способах их использования в условиях различных коммуникативных ситуаций позволяет достичь полного взаимопонимания между автором и читателем, что и является эффективным результатом общения.

Исследование экономической терминосистемы английского языка позволяет утверждать, что в большинстве случаев использование экономических терминов ограничено профессиональным и территориальным параметрами. Профессиональный параметр представлен следующими примерами: биржевые термины: *backwardation business* – операции по депорту, *contango* – надбавка к цене наличного товара при заключении сделки на более отдаленный срок; страховые термины: *actuary* – актуарий; морское страхование: *average adjustment* – диспаша; термины вычислительных технологий: *memory capacity* – объем памяти; дипломатические термины: *charge d'affaires* – поверенный в делах и т.д.

Территориальный параметр представлен американизмами и английскими терминами, например: *account* – (британский вариант) период, когда биржевые сделки заключаются с закрытием позиции в расчетный день, (американский вариант) запись брокера о сделках, совершенных по поручению

клиента; *bank stock* – (брит) капитал банка Англии, (амер) акционерный капитал банка; *base coin* – (англ) фальшивая монета, (амер) разменная монета; *alien company* – (англ) компания, созданная на основании королевского указа, (амер) иностранная торговая фирма; *proprietary company* – (англ) частное торговое предприятие, (амер) холдинговая компания; *corporate seal* – (англ) печать юридического лица, (амер) печать фирмы; *gild-edged securities* – (англ) правительственные ценные бумаги с гарантией, (амер) первоклассные облигации; *Big Three* – «Большая тройка» (в Лондоне), три крупнейших учетных дома в США; *currency bond* – (брит) облигация, погашаемая в валюте страны, где она была выпущена, (амер) облигация, оплачиваемая в любой валюте.

Не менее распространены разговорные варианты экономической терминосистемы, которые, выступая в качестве социального фактора, способствуют сплочению социальных и профессиональных групп. Одной из тенденций развития терминосистем в современных условиях жизни общества, является появление социальных и профессиональных жаргонизмов. Согласно А.Д. Швейцеру, сленг «приобретает роль социального символа принадлежности к определенной социально-экономической, профессиональной, возрастной, расовой и иной группе и символа противопоставления ее другим группам» [Швейцер, 1976:32].

Другой причиной возникновения большого количества жаргонизмов явился выход терминологии из употребления в узких профессиональных кругах и ее употребление широкими массами, «неспециалистами», а также непосредственное участие общества в развитии экономических процессов, и необходимость в выражении экспрессии. Значительную часть жаргонизмов составляют варианты обозначения денег, где доллар, в связи с его широким обращением и распространением, занимает ведущее место по количеству разговорных обозначений в терминосистеме английского языка, например: *bob*, *bone*; *buck* – «бак»; *clacker* – «трещотка», «погремушка»; *clat*; *cuscumber* –

«огурец»; *stacker*; *year* – «год»: банкнота в 1 доллар, а также банкнот различных достоинств, например: *jitney* – 5 центов; *kick* – шестипенсовик; *dealer* – 1) дайм, 10 центов; 2) шиллинг; *Long bit* – монета в 15 центов; *two bits* – «два кусочка»: монета в 25 центов (США).

Разговорные обозначения валюты других стран также получили широкое распространение в экономической терминосистеме английского языка, например: *nickel, stacker* – один фунт стерлингов; *oneer* – банкнота в 1 ф.ст.; *Mark*- немецкая марка; *Belg* – «белг»: бельгийский франк; *Bill and Ben* – «Бил энд Бэн»: японская йена; *Cory (Corey)* – «Коупи»: датская крона; от названия столицы Дании Копенгагена; *Fin(e)u* – финская марка; *funds* – канадский доллар; *Kiwi (dollar)* – «киви»: новозеландский доллар; *Swissy (Swissie)* – «Свисси»: швейцарский франк.

Также встречаются термины, ограниченные в употреблении двумя параметрами, как правило, территориальным и профессиональным, большая часть представлена английским или американским вариантами биржевых терминов, например: *account* – период, когда биржевые сделки заключаются с закрытием позиции в расчетный день; *dawn raid* – скупка крупного пакета акций сразу после открытия биржи; *name day* – день зачета взаимных требований – (британские варианты биржевых терминов), *odd-lot dealer* – дилер по покупке и продаже ценных бумаг мелкими партиями; *fractional lot* – пакет менее 100 акций; *nine-bond rule* – правило девяти облигаций; *plus tick rule* – правило, по которому короткие продажи могут совершаться только при подъеме конъюнктуры; *scalp* – небольшая спекулятивная прибыль; *on a scale* – по различным курсам; *specialty* – особые ценные бумаги – (американские варианты биржевых терминов).

Наименьший удельный вес в исследованной терминосистеме составляют термины, ограниченные типом общения и территориальным параметром: *don't know (DK)* – «не знаю»: фондовая сделка, по которой обнаружены расхождения в данных при сверке, т.е. есть вопросы (США, разг.); *greenbacks*

– «зеленые спины»: бумажные доллары с 1860 гг. (США, разг.); *two bits* – «два кусочка»: монета в 25 центов (разг., США); *sweeps and saints* – «негодяи и святые»: фондовые брокеры и их клиенты (разг., Великобритания) и т.д.

Анализ терминосистемы русского языка показал, что выбор человеком того или иного термина обусловлен профессиональным параметром и типом речи (формальным или разговорным). Например: *финансовые термины* – *аккредитив, актив, акция*; *коммерческие термины*: *активный баланс, акцепт*; *бухгалтерские термины*: *аудит, баланс, базис счетов, дата записи*; *биржевые термины*: *фьючерсная сделка, котировка, фронтальный фонд, декларация продавца*; *банковская терминология*: *аккредитив, кредит, пай, процент*; *терминология валютной системы*: *резидентный статус, валютные биржи, валютные операции, внешние ценные бумаги, валютные деривативы* и т.д.

Разговорные единицы экономической терминосистемы русского языка, такие как: *взбовки, дедова оговорка, фабриковать, барахолка, баксы, капуста, бабки, гринбэк, кустарный, обчистить* и т.д. получили широкое распространение.

В анализируемых нами словарях, ряд терминов английской и русской экономической терминосистемы снабжен специальными пометами, несущими определенную прагматическую информацию, указывающую на сферу (место) употребления или применения, например: *acceptance of a bid* – *принятие предложения (на аукционе, бирже)*; *bioupsu* – 1) *оживление (на рынке)*, 2) *повышательная тенденция (на бирже)*; *заявка (на торгах)* – *bid, tender* – *информация о котировках ценных бумаг (на ленте специального аппарата)* – *ticker service*; и на цель, которую планируется достигнуть с помощью того или иного действия, например: *keyed advertising* – *планируемые рекламные мероприятия (с целью дать рекламодателю основания для определения наиболее эффективных, «ключевых» форм рекламы)*; *preclusive buying* – *превентивная покупка (чтобы предотвратить покупку товара или*

услуг другим покупателем); выпуск бесплатных акций (для акционеров компании с превращением резервов компании в капитал) – *capitalization issue*;

Анализ деловой прессы русского языка показывает, что выбор того или иного термина ограничен профессиональным и территориальным параметрами: *«Маневрирование» между различными видами финансирования в терминологии кредитного анализа носит название «финансовая гибкость»* [Рынок ценных бумаг, № 19, 2005:46]. *«...под определение внутренних бумаг попадают, например, номинированные в рублях бумаги, эмитированные на территории Российской Федерации нерезидентами, а в категорию внешних – номинированные в иностранной валюте бумаги, эмитированные резидентами в России»* [Деньги и кредит, № 12, 2004:33]. *«С другой стороны, не считаются резидентами граждане Российской Федерации, признаваемые постоянно проживающими в иностранном государстве в соответствии с законодательством этого государства. Таким образом, все граждане Российской Федерации будут считаться резидентами...»*, *«Наконец, определен валютно-правовой статус Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований – для целей Закона они включены в категорию резидентов»*, *« В категорию уполномоченных банков, помимо собственно российских банков, включены действующие на территории России филиалы иностранных кредитных организаций»* [Деньги и кредит, № 12, 2004:31-32].

Вживание, вчувствование в действие смысла связано с областью проявления экономического дискурса = экономического знания, где действие смысла описывается свойством слова обладать собственным присутствием. Собственное присутствие экономического термина в повседневной реальности мир-системы предполагает вычленение в нем (термине) «функции изречения о чем-то», «основу антиномии, существующую между структурой и событием», касающейся существа языка [Рикер, 1995:134]. Осуществление языка в мир-системе, как показывает анализ деловой прессы, детерминировано потребностью бытия в чем-то не присутствующем, в теоретизированном мире,

что, видимо, и обуславливает смысловые ориентации мир-системы, с одной стороны. С другой стороны, осуществление языка в мир-системе направляется движением смысла к соотнесенности, что особенно наглядно проявляется в разговорных вариантах экономической терминосистемы.

Формулы действия смысла, локализирующие контекстуальную изменчивость смысла, или вероятные действия смысла, вытекают из соединения семических узлов экономической мыследеятельности с контекстуальными семами мир-системы.

Соединение семантической потенциальности системы языка, системы мыследеятельности человека и контекста мир-системы осуществляется в экономической терминосистеме. Мир-система задает собой принцип соединения и разъединения лексем, исчерпывающий по П. Рикеру, их образование, и ориентированный на единства, образованные исходя из собственных рациональных структур – семы, элементарные структуры значения. Экономические термины более всего соответствуют семическим системам П. Рикера – наборам сем, содержащих в себе только соединения-разъединения и иерархии отношений, что и определяет их прагматическую ценность – соотношение меры в бытии сущего, придание определенности становящемуся в научно-познавательной деятельности сущему.

Научно-познавательная деятельность человека является прагматической причиной появления и функционирования терминологии, которая рассматривается как в профессиональном, так и социально-бытовом общении. Проблема изучения экономической терминосистемы с прагматической точки зрения приобрела актуальность в связи с увеличением информации, передаваемой средствами массовой информации и направленной на воспитание человека в условиях рыночных отношений, которое подразумевает формирование экономического сознания, экономического поведения и усвоения экономических принципов и законов развития общества.

Терминосистема является «информационной системой», которая объединяет понятия о предметах, процессах и явлениях взаимосвязанных между собой и создающих общественное мировоззрение [Славин, 1971]. Экономическая терминосистема используется в научно-профессиональном общении, в ситуациях проведения научных исследований, получения и передачи информации, в теоретических положениях, а также в ситуациях бытового общения, так как экономика является неотъемлемой частью современной жизни.

Исследуя экономическую терминосистему можно выделить следующие ситуации экономической деятельности коллектива: купля-продажа, найм (жилья), грузовые перевозки, игра на бирже, поставки товара, страхование, кредитование, лицензирование и др. Некоторые типы экономических отношений и виды экономической деятельности являются новыми для нашей страны, другие не имеют своего завершения (например, деятельность по реформированию бюджетного процесса), поэтому, термины, отражающие их, следует рассматривать не только в статическом, но и в динамическом аспектах.

Центральное место в прагмалингвистике занимает человеческий фактор, его адекватное, своевременное использование языковых знаков в тех или иных языковых ситуациях, с целью обеспечения эффективности общения.

В определении языковой ситуации, отмечает А.Д. Швейцер, понятие «социально коммуникативная система» является ключевым, и включает «всю совокупность используемых данным коллективом языковых систем и подсистем» [Швейцер, 1976:133]. Рассматривая языковую ситуацию более детально, автор дает следующее определение – языковая ситуация – «модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в пределах данного политико-административного объединения и культурного ареала в тот или иной период, а также социальных установок, которых придерживаются в отношении этих систем и подсистем

члены соответствующих языковых и речевых коллективов» [Швейцер, 1976:133]. Л.Б. Никольский языковой ситуацией называет «совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности» и делает вывод, что языковая ситуация «есть архисистема языковых систем или система подсистем, распределенных по этническим, социальным или социально-территориальным общностям, входящим, однако, в общество. Другими словами, языковая ситуация – система языковых систем и подсистем, каждая из которых принадлежит к определенному типу» [Никольский, 1976:80].

При определении типов языковых ситуаций необходимо учитывать социальный статус терминосистемы и функции, которые она выполняет в обществе. Терминосистеме, помимо основных языковых функций, присущи литературная (использование терминологии в науке), образовательная (использование терминологии в процессе обучения) и техническая («использование терминологии для обеспечения доступа к международной научно-технической литературе»), а также метаязыковые функции [Швейцер, 1976:135]. Прагматическая функция термина проявляется в его связи с участниками коммуникации, конкретными условиями и сферой общения, где процесс общения рассматривается как деятельность человека как в познавательном аспекте, так и в аспекте преобразующей и созидающей деятельности. Таким образом, термин поставляет и «информацию к размышлению», и «информацию к действию» [Володина, 2000:31].

Ситуации экономической деятельности предполагают реализацию в них языком своей способности к соотнесению: язык имеет соотнесенный с ним объект и субъект, мир и ситуацию. Речь идет об уровне осуществления, на котором говорящий «реализует свою способность к означиванию, направляя ее на ту или иную ситуацию и адресуя ее тому или иному слушателю» [Рикер, 1995:136].

Экономический термин фиксирует в коммуникативной ситуации иерархичность социально-коммуникативных систем и подсистем, а также социально-мыслительные установки, которых придерживаются в отношении этих систем. Степень соотнесенности с экономическим знанием и экономическим искусством единицы системы языка определяет ее релевантность для мир-системы, в этом заключается семантическая потенциальность единицы.

Способ присутствия единицы системы языка в мир-системе, отличный от способа существования ее структуры, становится очевидным в экономическом тексте. В экономическом тексте открываются смысловые ориентации системы современных обществ как способности строить коммуникативные стратегии действий, тождественные действиям смысла, которые маркируются, прежде всего, способом присутствия единицы системы языка. Прагматические функции экономического текста, в таком случае, сводятся к утверждению «иметь возможность жить» [Марков, 2001].

Анализ экономических текстов английского и русского языков как двустороннего коммуникативного акта, позволил выявить их основные прагматические функции. Одной из них является возможность воздействия адресанта на адресата посредством предупреждений: например: *“It could be you – so be prepared”, “Take press relations very seriously”, “Press speculation can create extra damage”* [Management Today, March 1998:61]. *“Part of this service this column provides for Management Today readers is to give some early warning signals of impending events”* [Management Today, October 1996:31]. «Однако тесное сотрудничество членов кластера несет в себе определенную опасность утраты самостоятельности и способности к активному поведению на рынке, сопровождаемых ослаблением темпов освоения новых товаров, технологий и услуг» [Малое предприятие, 2005, № 11:14]. «Вероятность присутствия проблемных активов в балансе и сложных взаимоотношений с госорганами и

контрагентами может существенно озадачить инвестора и снизить цену» [Рынок ценных бумаг, № 14, 2005:44].

Целью предупреждений, как характерной черты научно-публицистического текста, является возможность изменения поведения адресата и управления его деятельностью, например: *«Эту методику следует рассматривать, прежде всего, как руководство (рекомендацию) для страховых компаний», «При этом очевидно, что капитализации российского страхового рынка будет недостаточно для обеспечения работы системы такого страхования в целом, связи с чем целесообразно создать страховой пул», «В методике должны найти отражения следующие разделы...»* [Финансы, № 4, 2006:36-43].

“Call in the professionals”, “Get good lawyers” [Management Today, March 1998:61].

Помимо воздействия на адресата, сообщение информации читателю является еще одной прагматической функцией экономического текста. Данная прагматическая установка обусловлена познавательным характером деловой прессы, так она направлена на *«распространение законодательной и нормативной информации», «формирование информационной инфраструктуры»* информирование читателя о мире бизнеса [Грабельников, 2001:35].

Сообщенная в тексте информация признается эффективной, с прагматической точки зрения, в случае, если она приводит читателя к осознанию ее ценности, и возможности ее практического применения, например: *«Как избежать рисков», «Несмотря на ничтожный процент дефолтов, мы рассмотрим способы выхода из этой ситуации...»* [Рынок ценных бумаг, 2005, № 12].

“Three mistakes to avoid”, “In good times or bad, the key to the success of change management is good communication with the company” [Management Today, March 1998:67-68]. В рассматриваемой нами деловой прессе отмечается

активная роль автора, которая выражена посредством прагматически маркированных метаязыковых высказываний с оценочными компонентами. Например, «Хорошим драйвером роста для акций является и прогноз по дефициту бюджета США в 2005 г». «Это чрезвычайно важные дефиниции, которыми нельзя пренебрегать», «Это чрезвычайно сложная проблема», «Преимущества данной методики очевидны, она проста в применении», «Вместе с тем, в Концепции имеются проблемные и болезненные с точки зрения финансового контроля положения реформирования бюджетного процесса» [Финансы, 2006, № 1].

“Even with smaller companies the effect of change management can be dramatic” [Management Today, March 1998, p. 67]. “There are many theories to explain the economy’s greater inflation resistance: stiffer competition, higher productivity, greater globalization and “slack” in labor markets. All may be partially true” [Newsweek, August 2005:39].

Еще одним средством реализации позиции автора и убеждения в ней читателя является использование метафоры в экономических научно-публицистических текстах, как русского, так и английского языка: «... хотя и влияет негативно на акции энергетических тяжеловесов...», «Во-первых, это агрессивная кредитная экспансия второй половины 1990-х годов, результатом которой стало образование спекулятивного «пузыря» акций компаний «новой экономики» на рынке NASDAQ» [Рынок ценных бумаг, № 22, 2005:18].

“There are firms in eastern Germany that are major players on world market [Deutschland, № 5, 2004]”. “Россия остается в роли сырьевого придатка развитых стран» [Moscow News, № 7, 2006]. “slack” in labor market”, “The UK: EMU’s problem child, administrative nightmare” [Management Today, October 1996:31].

Любое высказывание, исходящее от адресанта, ориентировано на адресата. Отправитель, с одной стороны, излагает свою точку зрения, основанную на своих знаниях и представлениях о предмете коммуникации, а с

другой стороны, он предполагает наличие определенных фоновых знаний и представлений о мире, что может выражаться в его метаязыковых высказываниях, ссылках на авторитетных представителей экономической науки, философских рассуждениях, и ожидает ответную реакцию адресата на свое высказывание. Анализ деловой прессы, как русского, так и английского языка, показал высокую активность автора в установление контакта с адресатом: *«Так, в соответствии с сообщениями информационных агентств, часть синдицированной ссуды на покупку Сибнефти (до 4,5 млрд долл.) компания планирует рефинансировать за счет «выпусков облигаций»* [Рынок ценных бумаг, № 19, 2005:47]. *«Представители же второго подхода допускают включение в сферу валютного права также и отношений по поводу операций нерезидентов с валютой Российской Федерации и номинированными в ней ценными бумагами («дуалистическая теория»).* Впервые дуалистическая концепция появилась в валютном законодательстве еще в 1999 г., когда перечень валютных операций был дополнен расчетами в рублях между резидентами и нерезидентами. Тот же дуалистический подход нашел отражение и в нормах Закона. Такое решение представляется неадекватным задачам, которые призвано решать валютное регулирование» [Деньги и кредит, № 12, 2004:33].

“No one will disagree with Andrew Duncan, senior consultant at Price Waterhouse, when he points out that: Retraining and the renewal of the skills set of the workforce was underdone in re-engineering” – now the emphasis of change is far more holistic”. “Colin Price, head of change at Price Waterhouse, cites Shell, which he says “did a stunningly good job” [Management Today, March 1998]. *“After reading it I was reminded of an old Chinese proverb which I often like to impress on clients who are about to review their training programmes: “Wisdom is not knowledge, wisdom is knowing how to apply knowledge”. “As Handy rightly points out ...”* [Management Today, October 1996:21]. *“In other words, “to be provident” means now, more often than not, to avoid commitment. To be free to move when*

opportunity knocks. To be free to leave when it stops knocking. The words are not mine. They come from Zygmunt Bauman, one of the world's most distinguished philosophers...". "Bauman is worried by the privatization of society: not the vogue for turning every state activity into a business, although that is part of it..." [Management Today, October 1996:35].

Так как коммуникативный акт является двусторонним процессом, то второй стороной в общении выступает адресат. Получая информацию от адресанта, адресат перерабатывает ее в соответствии с имеющимися знаниями и опытом, а также знаниями основных правил речевого поведения. Задача адресата интерпретировать содержание полученной информации, т.е. извлечь из высказывания, как единицы речевого общения как можно больше информации.

Существование взаимосвязи между адресантом и адресатом является необходимым условием для успешной коммуникации. Согласно К.А. Долинину, оба являются носителями соотнесенных друг с другом статусных, позиционных и ситуативных ролей и определенных личностных свойств, субъектами деятельности, носителями определенных знаний о ситуации, пространстве и определенного отношения к ситуации и к партнеру [Долинин, 1983:39]. Под коммуникативно-прагматической ситуацией понимают «комплекс внешних условий общения, присутствующих в сознании говорящего в момент осуществления речевого акта: кто – что – где – когда – как – зачем – кому» [Азнаурова, 1988:38]. Не менее важную роль в построении высказывания отводит В.Г. Гак направленности на адресата, относя к семантическим категориям, ориентированным на адресата: информативность, экспрессивность и прозрачность (степень ясности речи для слушающего) [Гак, 1982:13]. Сюда же можно отнести и связность высказывания.

Терминосистема находит выражение в национальном языке и непосредственно зависит от общества, в котором функционирует. Понимание того или иного термина зависит от национального языка и реальности, которую

он отражает, так, например, содержание понятия «бедность – poverty» находит свое выражение в контексте: *“Poverty in Russia differs from poverty in the developed and even in the developing countries. Who is considered poor there? The unemployed. Who are poor here? Both the jobless and those who have jobs, for the average monthly wage in Russia is \$ 200 to \$ 250”* [Moscow News, № 7, 2006:8].

Еще один пример, подтверждает существование различий в понимании одного и того же термина представителями разных языков, а, следовательно, и культур: *«Когда российское ухо слышит слово «банкротство», в нашем сознании оно чаще всего ассоциируются с неплатежеспособностью некой фирмы...».* *«Мы также часто думаем, что банкротство равносильно закрытию компании или говоря по-американски «выходу из бизнеса. Но, во-первых, законодательство развитых стран, в том числе и США, детально оговаривает банкротство не только коммерческих компаний, но и некоммерческих организаций, муниципальных образований и физических лиц. Во-первых, объявление банкротства совсем необязательно влечет за собой прекращение деятельности банкрота...»* (Moscow News, № 2, 2006:13).

Экономический текст реконструирует неявное знание, вовлекая в процесс носителя языка и способствуя накоплению его герменевтического опыта становления и самосознания как ограничения. «Высший тип герменевтического опыта, замечает Б.В. Марков, – характеризуется открытостью Я по отношению к Ты, то есть готовностью услышать другого. Так, в разговор пластично вводится нравственное признание, и понимание оказывается формой не только познавательного, но и этического действия. Также понимание характеризуется онтологической открытостью» [Марков, 2001].

Герменевтический опыт, обретенный через экономический текст, ведет к открытию того, что язык укоренен в мыслительных жизненных импульсах, фиксируемых семическими системами и репрезентирующих семантическую потенциальность.

Семантическая потенциальность, обуславливающая действия смысла в мир-системе, эксплицирована в экономических текстах в особых комбинациях (новых для системы языка), характеризующих особенности мыследеятельности.

Для интерпретации бытия в мир-системе релевантными оказываются четыре схемы мыследеятельности, определяющие семантическую потенциальность мир-системы.

I схема – страховой пул, драйвер роста, валютное регулирование, кредитная экспансия, проблемные активы, процент дефолтов, операции с валютой, финансовый контроль, валютное законодательство, инвесторы-контрагенты, акции компаний, labour codes, financial costs, western investor, central banks, routine production, free trade, consumer price и т.д. Это схема, в соответствии с которой создаются однопорядковые языковые объекты, образующие код, определяющий смысловые ориентации экономического аспекта существования. Данная схема релевантна для бытия в замкнутой системе, ориентирована на структуру мир-системы – «автономную сущность внутренних зависимостей» [Рикер, 1995].

II схема – опасность утраты, вероятность присутствия, руководство для компаний, преимущества методики, вероятность неплатежеспособности, объявление банкротства, прекращение деятельности, некоммерческие организации, коммерческие компании, капитализация рынка, обеспечение работы, избежать рисков, скинуть цену, финансовый контроль, junk-bond funds, hence for microcredit, personal service, advances in technology, gaps in income, personal-service workers и т.д.

Это схема выявления экспликативной функции слова в мир-системе, определяемой экспликативными семами. Словосочетание предстает как средство речевыражения, в своей «сигнальной» ипостаси. Текстовое слово, будучи сложным сигналом, утверждает Л.Н. Засорина, обладает сложной знаковой функцией (сигнификативной функцией), которая определяется схемой деривации слова, или структурой его вывода [Засорина, 1973].

Сигнификативная функция связывается с тем, что слово эксплицирует понятие, хранит в себе следы развертки понятия, изображения его признаков. Слово живописует, по образному выражению Л.Н. Засориной, понятийно-логические объекты [Засорина, 1973].

Схема II – это схема, в соответствии с которой создаются понятийно-логические объекты мир-системы, ее семические системы, размыкающие границы замкнутой системы экономического существования.

III схема – опасность утраты самостоятельности, активное поведение на рынке, ослабление темпов освоения новых товаров, технологий и услуг, вероятность присутствия проблемных активов в балансе, обеспечение работы системы страхования в целом, способы выхода из этой ситуации, приказ по дефициту бюджета, финансовый контроль реформирования бюджетного процесса, рефинансирование за счет выпусков облигаций, роль сырьевого прироста развитых стран, образование спекулятивного пузыря акций компаний, stiffer competition, higher productivity, greater globalization, “slack” in labour markets, open capitals markets, modern market reforms, national symbolic analysts, interests of private individuals, pure command economy, consumer price index, annual transition survey of the region’s progress, demand for income-generating assets и т.д.

Схема создает идеограмму семической системы, демонстрируя сущность внутренних зависимостей мир-системы. В ней фиксируется движение смысла идеального (не принадлежащего физическому или психическому миру) к соотнесенности реальной, заполнение пустот идеального смысла. Знак открывается навстречу другому стремлением к означению, содержащим знак как изречение, говорящее что-то о чем-то [Рикер, 1995:135]. Простейшие экспликативные семы, или семантические фигуры, в подобном случае получают свое материальное выражение – они представлены грамматическими словами, которые в совокупности и составляют форму текстового слова. Предложенные словосочетания единиц следует оценивать как текстовые слова.

IV схема – прогноз по дефициту, образование спекулятивного «пузыря», члены кластера, роль сырьевого придатка, часть ссуды, акции энергетических тяжеловесов, агрессивная кредитная экспансия, выход из бизнеса, номинированные ценные бумаги, administrative nightmare, retraining and the renewal of the skills, training programs, be free to move, avoid commitment, apply knowledge, the privatization of society, average monthly wage in Russia, turn state activity into a business, inflows of money, heavy outflows, “economic governance” и т.д.

Схема создания денотативного референциального значения, выводящего аспект экономического существования за пределы экономического текста (языка экономического текста) в мир предметной действительности. Это метаязык описания понятийно-логических структур мир-системы и сигнификативной функции текстового слова в экономическом тексте.

Интерпретированное бытие в мир-системе, таким образом, создается четырьмя типами смысловых ориентаций: 1) сущность внутренних зависимостей; эта автономная смысловая ориентация связана с таким параметром глобализации, определяющим контекст самореализации и саморазвития системы современных обществ, как постоянство; 2) изображение признаков понятия, сохранение следов его развертки соотносится с параметром – непосредственность; 3) движение смысла к соответствию; смысловая ориентация коррелирует с параметром глобализации – планетарность; 4) конструирование единиц моделирующих существующего вне и независимо от человеческого сознания мира языковых объектов, в совокупности представляющих некий реальный мир; соотносится с параметром – нематериальность. Характеристики – параметры глобализации маркируют виды деятельности, по мнению И. Рамоне, интенсивно развивающиеся в системе современного мира. Соотнося смысловые ориентации в мир-системе с параметрами глобализации, возможно описать тот тип мыслительной деятельности, который может более адекватно «привести его в действие» с

опорой на герменевтический опыт постижения «высшей реальности», отождествимую с тем, что М. Вебер называл «проблемой смысла» человеческих действий [Вебер, 1994].

Вживание, вчувствование в смысловые ориентации мир-системы через экономическую терминосистему позволяет отнести теоретизированный мир, представляющий сферу действия экономической теории в вариации «экономическое искусство», с повседневной реальностью. Экспликация референциального содержания экономического аспекта существования происходит посредством использования маркированных терминов, несущих прагматическую информацию о способах их использования в различных коммуникативных ситуациях. Использование экономической терминосистемы ограничено территориальными и профессиональными параметрами; это характерно для функционирования терминосистемы как английского, так и русского языков. Однако в условиях русскоязычной коммуникации выбор может быть обусловлен также и типом речи. Реконструкция неявного экономического знания в ситуации мир-системы происходит в экономическом тексте, способствующем накоплению герменевтического опыта самосознания как ограничения у носителя языка. Собственно накопление герменевтического опыта связано с постижением семантической потенциальности экономической терминосистемы, обуславливающей действие смысла в мир-системе. Семантическая потенциальность экономической терминосистемы, эксплицируемая в сериях терминологических единств, аналогичных фразосхемам и представляющих особенности функционирования системы сознания в контекстуальной потенциальности языка, определяет семантическую потенциальность мир-системы.

Выводы по второй главе:

1. Герменевтический опыт в мир-системе, структурируемый терминосистемой, имеет своей целью освоение экономического

искусства, присвоение смысла выбора, соотнесение видов и форм организации общественного труда в виде абстракций или действий смысла, характерных для носителя языка определенного исторического момента. Термин обеспечивает возможность жизненно-практического участия в истории.

2. Экономический термин выступает в качестве единицы языка, с помощью которой описываются элементарные структуры (семы) экономического объекта.
3. Экономическая терминосистема представляет язык, с помощью которого вырабатываются операциональные понятия описания экономического аспекта существования системы современных обществ.
4. Методически значимыми при структурировании и формировании герменевтического опыта следует признать методологические принципы, которыми руководствуется структурная семантика.
5. Экономическая терминосистема устанавливает для групп лексем, маркирующих объекты мира повседневной реальности, иерархический принцип соединений и разъединений, тем самым, осуществляя деятельность по отсеиванию единиц системы языка, не выполняющих экспликативную функцию, которая актуальна при получении нового знания.
6. Герменевтический опыт формируется при исследовании присутствия слова в тексте, отличного от способа существования его структур. Герменевтический опыт в таком случае выступает как форма познания семантической потенциальности или действий смысла в ситуации мир-системы.
7. Семантическая потенциальность обусловлена контекстуальной изменчивостью мир-системы, одной из причин которой является

прагматические факторы, в том числе и экономический аспект существования системы современных обществ.

8. Прагматическая специфика герменевтического опыта в мир-системе обусловлена необходимостью точного и строгого определения роли контекста в экспликации мысли.
9. Накопление герменевтического опыта при постижении экономического аспекта существования предполагает вживание, вчувствование в действия смысла и представлено в виде формул действий смысла.
10. Особая прагматическая ценность экономических терминов определяется тем, что они интерпретируют соотношение меры в бытии сущего.
11. Герменевтический опыт, обретаемый через понимание и толкование экономического текста, ведет к открытию того, что язык укоренен в мыслительных, жизненных импульсах репрезентирующих семантическую потенциальность.
12. Интерпретируемое бытие в мир-системе создается четырьмя типами смысловых ориентаций, выявляющих присутствие в системе современных обществ параметров глобализации. Соотнося смысловые ориентации с параметрами глобализации, возможно определить тип мыслительной деятельности (мыслесхему), которая может более оперативно привести параметр к осуществлению с опорой на герменевтический опыт постижения «высшей реальности» - «проблемы смысла» человеческих действий.

Глава 3. МАТЕРИАЛЬНО-СТРУКТУРНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ МИР-СИСТЕМЫ

3.1. Выражение герменевтического опыта в мир-системе (текст, стиль, пресса)

В данном разделе мир-система характеризуется с позиций объяснительного метода; создается материально-структурное объяснение мир-системы; текст, метаязык, картина мира и модель мира рассматриваются как измерения смысла в мир-системе и как результат обмена между мир-системой и мыслительной деятельностью индивида.

Оппозицию пониманию, лежащему в основе герменевтического опыта, по мнению П. Рикера, до XX века, когда произошла семиологическая революция, и началось интенсивное развитие структурализма, составляло объяснение. «Конфликт между пониманием и объяснением принимает форму истинной дихотомии с того момента, как начинают соотносить две противостоящие друг другу позиции с двумя различными сферами реальности: природой и духом» [Рикер, 1995:5]. Дихотомия «понимать – объяснять, восстанавливая противоположность природы и духа, представлена в так называемых науках о природе», имеющих дело с «наблюдаемыми фактами, которые, как и природа, подвергаются математизации, далее идут процедуры верификации, определяющиеся в основе своей фальсифицируемостью гипотез» [Рикер, 1995:6]. Таким образом, науки о природе основываются на мыслительном процессе объяснения, науки о духе – на мыслительном процессе понимания.

Исследования в области когнитивной психологии, теории систем искусственного интеллекта позволили сделать выводы о такой особой составляющей природы как мозг человека – живой биологической системе,

результатом функционирования которой является мысль, эксплицированная в соответствующем знаке системы языка – термине.

Эволюционирование этой системы определяется по языковым изменениям, фиксирующим модификации герменевтического бытия, и изменениям культурных форм социального бытия, являющихся результатом обработки накопленного герменевтического опыта. К последним относятся экономические трансформации системы обществ, одной из которых следует признать мир-систему.

Как отмечает П. Рикер, объяснение является родовым термином для трех различных процедур: генетического объяснения, материального объяснения, структурного объяснения [Рикер, 1995]. Генетическое объяснение опирается на предшествующее состояние; материальное – на лежащую в основании систему меньшей сложности; структурное объяснение осуществляется через синхронное расположение элементов или составляющих частей; как следствие выделяется три модели объяснения: генетическая, каузальная, структурная. Понимание основывается на приемах и процедурах, применяемых при необходимости установления соотношения целого и части или значения или его интерпретации; объяснение является методологическим по своей сути, то есть руководствуется методом. Объяснительный метод исторически связывается с конструктивным духом естествознания XVII века (Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц и их последователи); основное ядро объяснительного метода – испытание объяснительных гипотетических элементов на самих явлениях [Дильтей, 1996].

Гипотетическими объяснительными элементами для мир-системы мы признаем текст деловой прессы, метаязык, экономическую картину мира и экономическую модель мира (экономическая терминосистема – единица, способствующая пониманию ситуации мир-системы, «осуществляемого посредством проникновения в другое сознание через выражение» [Рикер, 1995:5]).

Нами создается материально-структурное объяснение мир-системы, которое основывается на процедурах материального, опирающихся на лежащую в основании мир-системы экономическую терминосистему, и структурное, синхронно располагающее элементы ситуации мир-системы (текст, метаязык, картина мира, модель мира), объяснение.

Текст, метаязык, картина мира, модель мира – это измерения смысла в мир-системе, формирующиеся в ней в результате обмена между мир-системой и системой современных обществ, и мыслительной деятельностью адаптирующегося к парадигмальным установкам историко-коммуникационного процесса индивида.

Текст являлся предметом исследования лингвистов на протяжении нескольких десятилетий. Изучение текста лингвистикой, стилистикой, прагматикой и философией дает полную картину специфики каждого текста, помогает определить закономерности функционирования текстовых категорий, проанализировать основные структуры процесса понимания и условия, способствующие этому, а также выявить коммуникативное предназначение текста и условия успешной коммуникации.

Анализ проблем текста начинался как герменевтика, которую разные исследователи рассматривают как «искусство и теорию истолкования текстов, как форму историзма, методологию гуманитарного познания, методологию научного познания вообще, философскую онтологию и способ философствования, вид социальной терапии и т.п.» [Антипов, 1989:23].

Рассматривая текст как свободную последовательность предложений, Э. Бенвенист и Р. Якобсон уделяли особое внимание анализу и описанию структуры предложения, которое выделялось как самая крупная языковая единица [Бенвенист, 1974; Якобсон, 1965; Кухаренко, 1988]. По мере развития лингвистики текста выделяют единицу, объединяющую несколько законченных предложений, для «выражения некоего логико-семантического единства» – сверхфразовое единство, прозаическую строфу или сложное синтаксическое

целое [Кухаренко, 1988:211]. А также приходит новое понимание текста как организованной совокупности текстовых комплексов, «упорядоченного определенным образом множества предложений, объединенных единством коммуникативного задания» [Золотова, 1979; Кацнельсон, 1972; Валгина, 1984; Николаева, 1987; Ейгер, 1974]. В дальнейшем лингвисты рассматривают текст как «высшую языковую единицу» [Гальперин, 1981]. Согласно И.Р. Гальперину текст – это «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 1981:14].

Формирование текста подчинено объективным, субъективным, а также личностным факторам. Формирование текста является своеобразным способом познания человеком окружающей его действительности.

Основными категориями текста являются его концептуальность, то есть наличие в тексте «социально-общественной, нравственной, эстетической идеи – концепта», и поиски средств его выражения; категория информативности также подчинена цели раскрытия концепта, категория модальности реализуется в выборе автором темы и проблемы, а также экстралингвистического и лингвистического материала, включаемого в текст, то есть отражает авторское понимание действительности [Кухаренко, 1988:78].

Рассматривая основополагающие категории текста нельзя не отметить его «прагматическую направленность – побуждение к ответной реакции читателя» [Кухаренко, 1988:78]. Текст, с прагматической точки зрения, является сложным языковым действием, посредством которого реализуются отношения между автором и читателем, в чем и заключается его коммуникативное

предназначение, являющееся конституирующим фактором текста [Лопырева, 2002]. Таким образом, текст – это «срединный элемент схемы коммуникативного акта, которую предельно упрощенно можно представить в виде трехэлементной структуры: автор (адресант) – текст – читатель (адресат)» [Кухаренко, 1988:8]. Среди основных свойств текста выделяют связность, целостность и информативность.

Рассмотрение текста с прагматической точки зрения предполагает использование в нем определенных языковых средств, ограниченных ситуацией общения, что обусловлено его стилем. Поскольку каждый текст является «продуктом какой-либо коммуникативной ситуации, а последняя отражена в составе и организации составляющих его языковых средств, внестилевых текстов не существует» [Кухаренко, 1988:84].

С коммуникативной точки зрения текст является «заданным нормативом существования смысла в сфере социальных коммуникаций», где под смыслом понимается «способ включения человеческого опыта в социальную коммуникацию» [Антипов, 1989:21]. Более широкое толкование текст получил в семиотике, где под текстом подразумевается любое сообщение, передающее художественную информацию [Лотман, 1970]. Таким образом, текст можно рассматривать и в коммуникативном, и в семиотическом аспектах. Согласно Ю.М. Лотману, «если семиотический механизм средствами языковой семантики кодирует в тексте сведения о внетекстовой действительности, то коммуникативный механизм связывает структуры языковой семантики с реальными условиями коммуникативного акта. Собственно говоря, только в результате этого соотношения та или иная языковая последовательность может выступать в качестве высказывания (текста). Действием семиотического механизма обуславливается семантическая структура текста, его внутренняя связность, действием коммуникативного механизма – его осмысленность» [Лотман, 1970:6].

Исследование текста, а именно научного текста, является актуальным на современном этапе развития научных дисциплин, и в результате появления огромного разнообразия научной литературы. А.С. Герд полагает, что «язык науки должен быть признан сегодня одним из основных полноправных и самостоятельных объектов исследования» [Герд, 1986:54]. А текстовая деятельность, согласно Т.М. Дридзе, вливается в «общий поток практической деятельности человека в обществе» [Дридзе, 1984:3]. Научная литература использует научный стиль, характеризующийся отвлеченно обобщенностью и терминологичностью речи и включает собственно научные, учебные и научно-популярные тексты. Под текстом понимается объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность [Николаева, 1998:507].

Результатом вербального мышления человека, исследующего научную проблему и использующего понятийный аппарат данной науки, является научный текст [Каменская, 1990:34]. Научный текст выступает средством кодирования и хранения научного знания и научной информации. Текст – «качественно новая форма существования научного знания», где «содержание знания функционирует уже как семантика текста, а само знание постепенно достигает статуса научной информации», которая возможна «только в системе общественных научных коммуникаций» [Будылева, 2001].

С лингвистической точки зрения научный текст репрезентирует в языковой форме знание о действительности, т.е. имеет знаковый характер, поэтому научный текст представляет собой знаковую модель некоторого мыслительного содержания и воспроизводит фрагмент концептуальной системы автора текста, являющегося познающим субъектом [Каменская, 1990:34].

В настоящее время наблюдается тенденция отхода от традиционного рассмотрения проблемы термина и текста, согласно которой терминология, а не речевая ситуация или текст является основным контекстом для термина

[Реформатский, 1986]. Все чаще современные исследователи обращаются к «динамической трактовке соотношения термина и текста», где, согласно Л.М. Алексеевой «под текстом понимается уже не фиксированный текст, а сам процесс создания текста» [Алексеева, 1998:19].

Рассмотрение термина в динамике подразумевает рассмотрение его в процессе функционирования, а именно в тексте, и позволяет показать «по-новому реальные взаимосвязи термина как средства фиксации знания (с его стереотипностью, устойчивостью) и как средства выражения результатов познания (с его вариантностью, субституциями, изменением формы и содержания)» [Лейчик, 2002:64]. По мнению Л.М. Алексеевой, «динамический аспект исследования позволяет также утверждать, что природа термина носит как текстовый, так и нетекстовый характер», основанием чего является «характеристика терминообразования как единства процессов производства и воспроизводства языковой единицы, причем, производство понимается как создание новых терминологических единиц в конкретном тексте, а воспроизводство – как использование готовой, уже созданной единицы» [Алексеева, 1998:19].

Различают тексты официально-делового, экономического, научно-технического, публицистического стилей [Лейчик, 2002]. В зависимости от стиля текста выделяют функции, которые термины выполняют, функционируя в данном тексте. Основными функциями являются: номинативная (обозначение научных или специальных понятий); коммуникативная; эвристическая; экспрессивная.

Заслуживает внимания классификация, приведенная В.М. Лейчиком, по которой тексты делятся на основе функционирования в них терминов на: 1) терминоиспользующие – тексты, использующие уже «готовую» терминологию, знакомую адресату. К ним автор относит: статьи обзорного характера, словари, экономические документы и тексты делового стиля; 2) терминофиксирующие – тексты, фиксирующие термины с целью отбора,

закрепления и рекомендации к использованию. К данным текстам относятся: толковые словари, справочники, терминологические стандарты и т.д.; 3) в терминопорождающих текстах фигурируют новые термины, появившиеся в результате возникновения новых идей, концепций, т.е. тексты, констатирующие открытия. Нельзя не согласиться с автором, что «наличие терминопорождающих текстов позволяет говорить о существовании, наряду со сферой фиксации и сферой функционирования, сферы теории, в которой термины только появляются и «кристаллизуются» [Лейчик, 2002:70].

В.М. Лейчик проводит взаимосвязь типов текстов и функций, которые выполняют в них термины. Так, в терминопорождающих текстах термины выполняют номинативную и экспрессивную функции. В терминофиксирующих текстах функцией терминов является фиксация и упорядочение специального знания. В терминопорождающих текстах термины «рождаются вместе с идеями, понятиями» и «могут выполнять эвристическую функцию, функцию открытия нового знания» [Лейчик, 2002:70].

Для расшифровки информации, заложенной автором в экономическом тексте, важным условием выступает знание современных экономических тенденций и процессов, социально – экономической и политической обстановки данного общества, экономической политики государства, т.е. знание о предмете коммуникации. Наличие общих фоновых знаний и сходной картины мира у адресанта и адресата, способствует лучшему восприятию текста, под которым понимается «широкое контекстно – конситуативное коммуникативное окружение – существующее, подразумеваемое или создаваемое автором при желании воздействовать на воспринимающего» [119:267]. По мнению Л.Б. Ткачевой, качество понимания научного текста «определяется знанием специальных терминов, поскольку именно они составляют основу информации» [Ткачева, 1987:159].

Информация, содержащаяся в научной литературе, «всегда соотносится с довольно строго ограниченным участком действительности и заданно

ориентирована на определенный круг адресатов», который ограничен образовательным, социальным, политическим, территориальным, национальным и другими признаками и «смена конкретных индивидуумов внутри этой группы к кардинальному изменению воспринимаемой информации не ведет» [Кухаренко, 1988:7].

По мнению Г.А. Антипова, О.А. Донских и др., в основе понимания лежит восприятие смысла – способа «включения человеческого опыта в социальную коммуникацию», который существует в тексте [Антипов, 1989:21]. Адресат, выделяя отдельные смысловые ядра текста, сопоставляет их друг с другом, активно анализирует и уточняет содержание текста, другими словами, «процесс понимания текста носит активный поисковый характер» [Лурия, 1998:305].

Понимание научного текста зависит от когнитивной картины мира и специальных знаний реципиента, временных параметров, жанра текста (гуманитарный он или из области точных наук), цели понимания (например, прагматическая: последующее изложение в лекциях, в обзоре, критика, принятие за основу для формулирования собственной позиции и т.п., или семантическая: установление правильности рассуждения и исходных посылок) [Васильев, 2002].

Трудность понимания текста зависит как от содержания, так и от структуры текста, в котором формируется научное знание. Язык науки в разных типах текстов подвержен влиянию (ограничению) языковой нормы. Тексты дают возможность моделирования терминосистем, которые являются знаковым выражением научного знания той или иной области знания [Будылева, 2001]. Закономерности процесса познания и формирования знания отражаются в композиции научного произведения, где «смысловая структура текста обычно представляет динамику этапов (фаз) познания, движения последнего от старого знания к новому по законам «отрицания отрицания» и преемственности знания, развития мысли по спирали» [Кожина, 1993:173].

Помимо значимой роли «научного знания и языка в формировании научного текста», выделяют и другие, не менее важные компоненты, действующие «императивно в основном еще на доязыковом уровне» – прагматику, коммуникативную среду, традиции текста, которые «проявляются в той или иной конкретной коммуникативной ситуации» [Будылева, 2001]. Прагматическая направленность предполагает определение цели и задач работы, где учитывается «объем профессиональных знаний, специализация и интересы тех, кому адресуется этот текст» [Будылева, 2001].

Строение текста, являющегося системой, «определяется его задачей, а именно – выразить некое определенное концептуально-тематическое содержание» [Адмони, 1985:64]. Содержанием научного текста является его содержательно-фактуальная и содержательно-концептуальная информация. Определение информативности текста состоит в оценке новизны представленного в нем знания, что и определяет его содержание. При восприятии научного текста «часто вообще не обязательно знакомство со всем целым, а вполне достаточно ознакомление с теми или иными его разделами», которые разрабатывают свои отдельные темы, то есть «обладают определенной формальной и содержательной самостоятельностью» [Адмони, 1985:64].

Содержанием научного текста является событие или явление уже существующее в окружающей действительности. По мнению В.А. Кухаренко, автор научного текста исходит от серии фактов, обобщает их, и в своих рассуждениях отвлекается от единичного и оперирует только обобщениями, абстракциями. Подтверждение этому мы находим, анализируя экономические научные тексты, посвященные проблемам малых предприятий, правовым основам валютной системы, рыночным долговым инструментам и т.д. Общие методы, принципы, тенденции и выводы, сделанные в процессе рассуждения, являются общими для применения «ко всем частным случаям, отвечающим выведенным обобщенным характеристикам» [Кухаренко, 1988:11].

Согласно Г.В. Колшанскому, смысловая структура научного текста

объединяет два конститутивных начала: с одной стороны, текст направлен на отображение событий денотативной сферы, и в этом случае его смысл опосредуется связями между отображаемыми событиями; с другой стороны, текст воплощает в себе мыслительно-коммуникативную деятельность автора текста, и его структура отражает логические взаимосвязи между коммуникативными действиями [Колшанский, 1984:124]. Смысловая структура реализуется «от экспликации в тексте проблемной ситуации, далее – проблемы, идеи, гипотезы – к доказательству последней и выводу (закону)» [Кожина, 1993:173].

Семантика научного текста, характеризуясь целостностью и структурностью, включает знания, полученные автором о событиях, объектах, явлениях и проблемах рассматриваемой научной области (в нашем случае экономики), отношение автора к изучаемому вопросу, а также обусловлена прагматикой текста, то есть его коммуникативным предназначением.

Так как научный текст представляет собой результат закрепления процесса познания, в нем широко реализуются интеллектуально-коммуникативная и информативная функция – сообщение информации о научной области знания.

Наиболее употребительными способами изложения в научном тексте являются: описание, характеризующейся простотой, последовательностью и четкой организацией; повествование, объектом которого является событие или процесс, имеющий временную протяженность и границы, и рассуждение, представляющее процесс получения нового знания путем его логического вывода [Колесникова, 2002:91]. О.А. Лаптева выделяет основным информативно-повествовательный способ изложения в научном тексте [Лаптева, 1968:128].

Мы в своей работе рассматриваем деловую прессу, относящуюся к научно-публицистическому стилю, сочетающему в себе признаки как научного, так и публицистического стилей, которые и составляют его сложность и

единство.

Главными чертами научно-публицистического стиля являются «логическая четкость синтаксических конструкций, тщательно продуманное словоупотребление» и объективность изложения, характерное для научного общения, целью которого является правильность и логичность выражения мысли, и «применение различных выразительных и изобразительных средств – тропов и синтаксических фигур речи», характерное для публицистического стиля [Кузнец, 1960:122]. М.Н. Кожина под выразительностью понимает точность употребления слов, логичность и убедительность изложения, т.е. «такие стилистические качества, благодаря которым, наилучшим образом реализуются задачи коммуникации в этой сфере, и которые тем самым способствуют эффективности общения», таким образом, «усиление выразительности связано с коммуникативной целесообразностью построения научной речи» [Кожина, 1993:167].

Согласно О.А. Лаптевой, «стремление к объективности, точности и лаконичности при построении научного текста» обусловлено как развитием точных методов исследования и ростом степени объективности познания, так и центростремительными тенденциями в науке (т.е. стремлением оградить ее от проникновения ненаучных методов познания), что ведет к закреплению «целого ряда языковых характеристик» и «к складыванию некоторой группы синтаксических и лексических особенностей» [Лаптева, 1968:136]. Другими словами, научно-публицистический стиль характеризуется своими структурными особенностями и особенностями использования языковых средств.

Исследование текстов научно-публицистического стиля показало использование в них терминов разной морфологической структуры, где существительные значительно преобладают над глаголами, прилагательными и наречиями. Иными словами, мы можем говорить об именном характере научно-публицистического текста.

Характерное для научно-публицистического стиля «стремление вместить в пределы одной фразы максимум необходимой информации ведет к насыщению конструкции субстантивами, обычно выстроенными в виде цепочки последовательно прикрепляющихся генитивов», которые поясняют и упрощают синтаксическую структуру предложения [Лаптева, 1968:127].

Согласно О.Н. Будылевой, тесная связь лексического и грамматического в слове находит выражение в «стандартных, нормативных морфологических» парадигмах, вследствие чего научный текст является «результатом контаминации терминосистемы с морфологической и синтаксической системами» [Будылева, 2001].

Для научно-популярного стиля характерно широкое употребление существительных с «препозитивными определительными группами», что объясняется необходимостью «полноты изложения (из-за отсутствия или ограниченности контакта с адресатом в статьях, докладах и т.д.)», а также связано с требованием «точного ограничения используемых понятий» [Арнольд, 1981:260]. Анализируемый материал, как на русском, так и на английском языке, подтверждает это многочисленными примерами: «денежно-кредитная и инвестиционная политика», «кластер – сообщество экономически тесно связанных и близко расположенных фирм смежного профиля», «...при активном деловом и информационном взаимодействии», «...обладающие устойчивыми конкурентными преимуществами», «повышенный экономический и инновационный потенциал кластеров» [Малое предприятие 2005, №11:14-15], “And, right now, with a relatively benign economic environment...”, “While most businesses agree that an imperfect single market...”, “...this creates the huge frustration of having to deal with local, pre-single market rules” [Management Today. January 1998:36, 56, 57].

Лексический состав научно-популярного текста характеризуется употреблением слов, прежде всего, в терминологических значениях, употреблением книжных слов (длинных, многосложных заимствованных слов,

часто имеющих в нейтральном стиле более простые и короткие синонимы), доминированием именного стиля, что «дает возможность большего обобщения, устраняя необходимость указывать время действия» [Арнольд, 1981:262].

Выбор терминологии обусловлен проблемами «передачи информации внутри научного коллектива и в более широких кругах научной общественности» [Квитко, 1976:4].

Рассматривая выбор термина в тексте, необходимо учитывать уместность его употребления. По мнению Е.С. Тихоновой, участники коммуникации, «производя обмен информацией в речевых ситуациях разных видов, неизбежно сталкиваются с понятием уместности», где часто уместность речи сводится к ее эффективности» [Тихонова, 1991:74]. Под эффективностью речи понимается, прежде всего, прогнозируемая реакция адресата, правильность выбора термина в соответствии с данной речевой ситуацией, где контекст ответственен за реализацию значения термина.

Известно, что лексика научно-публицистического стиля является определенным образом организованной системой, состоящей из общеупотребительной, общенаучной, являющейся частью особого метаязыка и терминологической лексики, а также профессионализмов и номенклатурных наименований. Изучение лексического состава экономической литературы позволяет говорить о доминировании терминов и терминологических словосочетаний, выраженных именем существительным (система страхования вкладов, пакет акций, структура эмиссий акций, вклад инвестиций), так как экономический текст, отражая фрагмент окружающей действительности, включает, прежде всего, те слова, которые называют описываемые объекты, явления факты [Арнольд, 1981]. То есть, широкое распространение терминов-существительных обусловлено их номинативной и атрибутивной функциями и определяет точность, «краткость и простоту синтаксической структуры» [Арнольд, 1981].

Частое использование заимствований, интернационализмов и аббревиатур, характерное для научно-публицистического текста, отражает общие тенденции языка и обусловлено вхождением российской экономики в общую мир-систему, в результате чего Россия заимствует не только новый экономический опыт хозяйствования, но и терминологию, отражающую его понятийный состав. Несмотря на негативное отношение ряда авторов к частому использованию заимствований, И.С. Квитко считает, что в научно-публицистическом литературе «краткие и точные иноязычные термины не препятствуют восприятию научной информации» [Квитко, 1976:69].

Широкое употребление лексических повторов, характерное для научно-публицистического стиля, обусловлено требованием «однозначности высказывания, уничтожения его возможной двусмысленности» [Лаптева, 1968:174].

Отличительной особенностью научно-публицистического стиля деловой прессы является его шаблонность и стандартность, что объясняется определенностью тематического круга деловой речи, ограниченностью и однотипностью ситуаций ее применения [Лаптева, 1968].

Наряду с важностью выбора соответствующего лексического материала, не менее значимым представляется роль автора в научно-публицистическом тексте и проявление его авторской индивидуальности [Разинкина, 1965]. Научно-публицистический текст передает информацию о внешнем мире и несет на себе «печать» личности автора, другими словами, «интерпретирующие планы текста несут информацию об особенностях проявления сознания автора, т.е. в конечном счете, о самом авторе» [Лапп, 1987:77]. Индивидуальность автора проявляется, например, в авторских терминах – в результате нового взгляда, индивидуальной точки зрения или особого восприятия существующих экономических явлений и процессов. Познавая окружающую действительность, автор «пропускает его через призму собственного мироощущения, результатом чего и является сплав объективной реальности и ее личностного восприятия

автором», «выбор автором «участка действительности» и отражение индивидуального процесса его познания» [Кухаренко, 1988:5]. На характер авторского изложения и структуру текста немалое влияние оказывает и история науки, а также состояние разработки той или иной проблемы, которое и формирует научное знание [Будылева, 2001].

Выбор автором объекта познания «в определенной мере подчинен действию каких-то направляющих сил. Ими являются основные конфликты эпохи», например экономические [Кухаренко, 1988:5].

Таким образом, в научно-публицистическом тексте главным является не простое использование «отобранных языковых средств», но особый тип мышления и общения, так как научный текст – это «в первую очередь особым образом организованное изложение, главную роль в котором играет его автор – субъект знания и познания» [Кожина, 1993].

В нашей работе мы уделим особое внимание терминоиспользующим текстам, а именно деловой прессе, целью которой является «формирование информационной инфраструктуры, обеспечивающей потребность предпринимателей, пропаганда идей и принципов рыночной экономики, распространение законодательной и нормативной информации», а также «широкое информирование читателей о мире бизнеса», т.е. передача научной информации, научного знания о последних достижениях в области экономики [Грабельников, 2001:35].

Несмотря на то, что научно-популярному тексту присущи все ведущие признаки текста: завершенность, наличие заголовков, объединение лексической, грамматической, логической, стилистической связями, а также наличие определенной направленности и основных лингвистических параметров: темы, фокуса, связи, некоторые авторы относят его к «вторичным сферам функционирования терминов», основная цель которых - выделение самого главного и превращение научного знания в научную информацию, удобную для применения [Лейчик, 1990:82].

Деловая пресса завоевала широкое признание читателей России в связи с переходом нашей страны к рыночной экономике. Согласно А.А. Грабельникову, распространение делового опыта, информирование о международных новостях и формирование идеологии бизнеса, расширение делового кругозора, обеспечение оперативной коммерческой информацией – вот только несколько функций, которые несет на себе деловая пресса [Грабельников, 2000].

Передача информации широкой аудитории читателей требует тщательного выбора терминологии, так как точно выбранный и уместно использованный термин обладает высокой информативностью. Экономические термины, с одной стороны, являются единицами общелитературного языка, а с другой стороны, составляют систему понятий экономической науки, «т.е. их функционирование определяется принадлежностью к двум разным системам, законы которых часто противоречат друг другу – требования, предъявляемые к термину, значительно отличаются от требований, предъявляемых к другим единицам языка» [Сенкевич, 1976:84]. К терминам, используемым в научно-популярной литературе, предъявляют требования связанные с критериями их отбора: «качественным (по содержанию понятий) и количественным (по числу их в тексте)» [Квитко, 1976:104]. К ним относятся: соблюдение терминологической точности, введение термина в текст с учетом круга читателей, соотношение терминологической насыщенности с восприятием читателя, не использование при объяснении термина других терминов, неизвестных читателю, введение в текст терминов одного классификационного уровня по одному принципу и т.д. [Квитко, 1976]. Деловая пресса, в зависимости от ее тематики и аудитории, делится на «качественные издания для элитных групп, корпоративные и ведомственные издания, популярные издания для широкого читателя и отраслевые аналитические издания» и, в зависимости от специфики издания, варьируются способы подачи информации, а, следовательно, и использование терминологии [Грабельников, 2001:35].

В деловой прессе публикуется «экономическая и финансовая информация для принятия самостоятельных управленческих решений со стороны читателя» [Грабельников, 2001:37]. Данные издания «обслуживают бизнес», публикуют мнения ведущих специалистов. Тексты таких изданий изобилуют специальной экономической терминологией: *холдинг, синдицированный кредит ЕБРР, активы, эмитенты, торги в РТС, инвестор, рентабельность, корпорация, фондовый рынок, кластер, бренд, капитализация, поглощение* и т.д. Термин, обладая высокой информативностью, «позволяет с большой точностью передать содержание существа научной и технической идеи автора, способствует краткости и лаконичности изложения» [Никитин, 1979:68].

Основными способами представления текста в деловой прессе являются: обобщенно-личный, авторская речь построена в первом лице множественного числа (*мы выделяем, полагаем, на наш взгляд, авторы данной статьи...были свидетелями, мы наблюдаем*) и безличный способы, например: «*Наконец определен валютно-правовой статус...*», «*В категорию уполномоченных банков...включены*», «*При определении внешних ценных бумаг...применен остаточный принцип*» [Деньги и кредит. 2004, №12:32]. “*We expect nothing else*” [Management today. January 1998:43]. “*Two problems attracted our attention ...*” [The Economist. December 1999:17].

Данные тексты характеризуются наличием большого количества «нефотографических иллюстраций»: таблиц, графиков и диаграмм, которые несут большую информацию, а также «облегчают понимание важных цифровых данных» [Гуревич, 2001:153]. Тексты обладают высокой насыщенностью научной терминологией с учетом своей аудитории, их читателями являются финансисты, бизнесмены и промышленники.

Деловые издания коммерческих организаций занимаются «публикацией официальных докладов, сугубо деловой информации», их целью является обеспечение сферы бизнеса «необходимой производственной информацией» [Грабельников, 2001:39]. Тексты данных изданий отличаются высокой

степенью терминологичности, как в английском, так и в русском языках, например, «Долгосрочная макроэкономическая стабильность требует полной конвертируемости национальной валюты, отказа от систематической поддержки обменного курса и предполагает, что регулирование и редкие инвестиции направлены главным образом на сглаживание пиковых колебаний вокруг «равновесного» уровня и предотвращения спекулятивных атак» [Рынок ценных бумаг. 2005, №1:16]. “Funds dedicated to emerging markets have enjoyed large inflows of money, even as their traditional rivals – junk-bond funds – have suffered heavy outflows”. “However, there is also a demand for income-generating assets – fishing-nets, tools, bicycles, stocks for a small shop, and so on – and hence for microcredit to finance them” [The Economist. 2005, December 17-23:76].

Анализ материала показал, что деловые издания коммерческих организаций используют узкоспециальные и общенаучные термины, так как в них нет журналистских статей, а информация поступает из официальных источников. Тексты данных изданий ориентированы на интеллектуально подготовленных, хорошо разбирающихся в экономике читателей.

Задачей популярных информационно-коммерческих изданий является популяризация в массах тех или иных сторон предпринимательства, экономики, которые затрагивают жизнь каждого человека, развитие его рыночного сознания и широкое информирование о мире коммерции [Грабельников, 2001:39]. Данные издания характеризуются минимальным использованием терминов, наряду с общеупотребительной лексикой используются общенаучные термины.

К аналитическим отраслевым изданиям относят широкий спектр журналов и газет по экономике и финансам, задача которых «приносить постоянную практическую пользу» [Грабельников, 2001:41]. Количество узкоспециальных терминов минимально, наряду с общелитературной лексикой используется общенаучная лексика.

В деловой прессе русского языка представлены следующие способы введения терминов в текст: прямое определение термина, например: «*под «точкой безубыточности» понимается такой уровень минимальных затрат, при которых бизнес еще не становится убыточным...*» [Кузбасский бизнес журнал. 2004, № 25:48].; синонимизация, например, «*производственные финансовые инструменты (деривативы) – один из наиболее быстро развивающихся в мире инструментов управления финансовыми рисками*» [Рынок ценных бумаг. 2005, № 2:60]; «*Нельзя формировать уставный капитал за счет заемных средств – кредитов*», «*Для краткосрочных инвестиций (вкладов) освобождение от налогообложения применялось редко...*» [Рынок ценных бумаг. 2005, № 14:37]; расшифровка термина и историческая справка, например, «*ИМК – В России термин интегрированные маркетинговые коммуникации стал известен в конце 90-х годов...*» [БОСС. Бизнес: организация, стратегии, системы. 2003, №12].

В деловой прессе английского языка основным способом введения термина в текст является прямое определение термина: “*Around 4m South Koreans have been captivated by products called installment funds, a class of investment that grew by 56% ...*” [The Economist, 2005, December 3-9:78]. “*But the detailed scores in the EBRD’s annual transition survey of the region’s progress show that even the best are only inching forward on, what is called “economic governance” – customs and labour codes, tax and judicial systems, and so on*”, “*Reinsurance – the business of covering primary insurers’ risks – requires a certain size to take on the financial costs of natural catastrophes, terrorist attacks and so forth,...*” [The Economist. 2005, November 26 - December 2:33]

Анализируя научно-популярные издания, следует обратить внимание на роль термина в заглавии текста. Нельзя не согласиться с И.С. Квитко, который считает, что «поскольку термины – основные носители научной информации, они должны входить в заголовок» и предлагает обращать внимание на «образность терминов» в заголовках, где «должна быть соблюдена мера в

сочетании экспрессивности, необходимой для привлечения внимания, и информативности термина» [Квитко, 1976:115].

Термины, используемые в заголовках, не являются узкоспециальными и доступны широкой аудитории читателей, они отражают основное содержание текста, например: «*Особенности национальных рисков на рынке ценных бумаг*», «*Программная торговля: миф или реальность*», «*Как создать капитал*», «*Как «потрогать» рынок капитала*», «*Менеджмент в царстве нищих духом*», “*Tax Changes*”, “*Western Investors in Russia*”, “*Tax Reform Goes Ahead*”, “*Central banks’ transparency: the end of surprises*”. Однако, анализируемый материал показал невысокую степень использования терминологии в заголовках двух языков, что, прежде всего, объясняется широким характером научно-популярных изданий в разных странах, которые рассчитаны на широкого потребителя. Следовательно, заголовок в научно-популярных текстах, прежде всего, выполняет функцию привлечения внимания: «*Копилка на старость*», «*Считаем по-новому*», «*Рубль слабеет*», “*Ruble’s Chicago Comeback*”, “*Avtoframos Giving Moskvich a Boost*”. Таким образом, заголовок несет на себе не только информационную нагрузку, но и вызывает интерес читателя.

Текст деловой прессы стремится, с одной стороны, к простоте и доступности изложения научного материала, что достигается толкованием терминов, использованием общезыковой, общенаучной лексики, схем, таблиц и графиков, а с другой стороны, к системному и глубокому анализу рассматриваемых экономических проблем.

Научно-публицистический текст характеризуется своими структурными особенностями и особенностями использования языковых средств. Главными чертами рассматриваемой нами деловой прессы русского и английского языка являются логическая четкость синтаксических конструкций, использование кратких и точных терминов, объективность изложения, характерная для научного общения, правильность и логичность выражения мысли, высокая степень аналитизма и обобщенности.

Основными компонентами структуры научного текста являются макроструктура, лексический состав, морфологические и словообразовательные средства, семантика и синтаксис.

Выражение герменевтического опыта, адекватное смысловому измерению мир-системы «тут-бытие» (М. Хайдеггер): «это бытийствование, каким мы сами являемся и которое, благодаря своему бытию, обладает, наряду со всеми другими возможностями, возможностью ставить вопросы, будет обозначено как тут-бытие» [Рикер, 1995:355].

3.2. Мир-ситуативная рефлексия над процессуальностью языка (метаязык)

В данном разделе рассматривается экономическая терминосистема как метаязык науки в мир-системе, представляющий бытие в его совокупности – экзистенциальности (existential – М. Хайдеггер), он есть экзистенциальная характеристика существования как такового в мир-системе, где экзистенциальность выступает как «совокупность структур бытия» [Рикер, 1995:335]; характеризуется дефиниция как единица метаречи.

Метаязык является предметом изучения металингвистики (науки о языках «второго порядка»), строительным материалом для метаязыка являются единицы языка-объекта, с которым он имеет единую (тождественную) субстанцию» [Гвишиани, 1998:297].

Экономическая терминосистема выступает метаязыком, «служащим для описания познавательной деятельности общества и является средством научной коммуникации, в котором язык реализует свою интеллектуально-коммуникативную функцию, и выступает как язык второго порядка» [Гвишиани, 1998:297]. Функционирование метаязыка приводит к выработке и закреплению норм и правил его употребления. Метаязык экономической науки

функционирует в официально-деловом, научном и публицистическом стилях. По мнению О.А. Лаптевой, «развитие научного стиля есть развитие некоего метаязыка, сопровождающее развитие науки», становление которого «осуществляется не за счет языковых изменений структурного характера, а, прежде всего, за счет некоторых перемещений, перераспределений языковых средств, определяемых внутрстилевым узусом», а «результаты формирования метаязыка науки лежат в области реальной употребляемости языковых средств» [Лаптева, 1968:136].

Таким образом, терминосистема, являясь метаязыком науки, отражает специфику развития самой науки, ее современное состояние. Метаязык рассматривается в качестве семиологической системы, которая включает как общенаучную лексику – термины, являющиеся базой терминологических систем любых областей знания, так и терминологии отдельных областей знания, и употребляется «когда надо говорить о языке же, выступающем в качестве «языка-объекта» [Куликова, 2002:103].

Однако, согласно И.С. Квитко, деление терминов на общенаучные, межотраслевые, проводимое по объему и содержанию соотносимых с ними понятий, весьма условно и отражает диалектическую взаимосвязь предметов и явлений материального мира. Различаясь объемом и содержанием понятий, с которыми соотносятся группы терминов, они не одинаковы и по сфере использования, «если общенаучные и многие межотраслевые термины известны и в основном понятны довольно широкому кругу читателей, то отраслевые, вследствие узости объема соотносимых с ними понятий, имеют весьма четкое, точное содержание, они понятны лишь специалистам» [Квитко, 1976:23].

О.Н. Будылева считает, что «будучи составной частью метаязыка, терминология представляет особую сложность для изучения вследствие того, что язык-объект и метаязык полностью совпадают в плане выражения, внешне являются одним и тем же языком» [Будылева, 2001].

Метаязык экономики, как семиологическая система, состоит из базовых общенаучных терминов, составляющих его основу, специальных (межотраслевых), заимствованных, возвращающихся терминов, профессионализмов и номенклатурных наименований.

Метаязык экономической терминологии в большей степени представлен существительными, которыми выражены объекты, инструменты экономической деятельности, проблемы, участники экономических отношений, явления и предметы экономики. Меньшую часть метаязыка экономики составляют глаголы, выражающие «разные типы экономических отношений, (и соответствующие им «имена действия»): производить (производство), потреблять (потребление), покупать – продавать (купля-продажа), менять (мена), торговать (торговля), поставлять (поставка), перевозить (перевозка), дарить (дарение) и т.д.»; а также, глаголы, фиксирующие «основные процессы в сфере экономики (расти, увеличиваться, повышаться, уменьшаться, понижаться, падать, колебаться и т.п.);», так называемые «экономические предикаты» [Китайгородская, 2000:180].

В английском языке типы экономических отношений выражены следующими терминами: *produce (production), loan (borrow), credit (crediting), employ (employment), compete (competition), invest (investment), import (import), license (licensing)* и т.д.; экономические процессы выражены терминами – глаголами: *grow, increase, rise, decrease, decline, depreciate, fluctuate, improve* – *повышаться (о спросе), move up - повышаться (об издержках), flag* – *уменьшаться (об интересе, о спросе)* и т.д.

Одним из признаков, свойственных современному метаязыку науки, является «ослабление семантики глагола, его роли в передаче информативной нагрузки фразы (словосочетания) и вызванной в конечной счете стремлением к точности номинации, а также попытками уместить необходимую информацию в рамки возможно более простой синтаксической структуры» [Лаптева, 1968:169]. М.Н. Кожина отмечает использование глаголов «не в своих

основных и конкретных значениях, но в производных обобщенно-отвлеченной семантики [Кожина, 1993:162].

Метаязыку экономики, как русского, так и английского языков свойственно образование новых грамматических форм и терминов: *преддефолтный, инициализация процесса, ритейловые банки (услуги), аффилированный, инвестиционная составляющая; outsourcing, joblessness, economic policy-makers, relational capital, person-to-person job.*

Каждая понятийная область, «стоящая за той или иной терминосферой, имеет свои специфические особенности, свои номинативные доминанты, обусловленные самой природой обозначаемого объекта. Широта охватываемых экономической терминологией понятий находит отражение в семантической структуре, многозначности самого слова *экономика*» [Китайгородская, 2000:177]. Экономика выступает, как совокупность производственных отношений, соответствующих данной ступени развития производительных сил, господствующий способ производства в обществе, как организация, структура и состояние хозяйственной жизни, как научная дисциплина, изучающая какую-нибудь отрасль производственной, хозяйственной деятельности, таким образом, широкое понимание экономики обуславливает неоднородность экономической терминосистемы, которая включает «наряду с базовыми абстрактными в своей сути терминами (производственные отношения, способ производства, производительные силы, средства производства и др.) обозначения достаточно конкретных областей экономических знаний» [Китайгородская, 2000:177].

В нашей работе, исследуя метаязык описания системы организации производственной деятельности, где совокупность производственных отношений и изучение производственных отраслей являются составляющими понятия «экономика», мы определяем состав и организацию экономической терминосистемы «описываемым типом экономической структуры и соответствующей модели управления экономикой» – рыночной экономикой

[Китайгородская, 2000:177]. Включение России в мир-систему – систему мирового капитализма, предполагает ее переход к рыночным отношениям и системе ценообразования. Понятие «рынок» мы рассматриваем как «экономический процесс, который путем столкновения интересов продавцов и покупателей (спроса и предложения) приводит к образованию цены», где «ценообразование, являясь одним из основных звеньев рыночной экономики, выступает не только гибким инструментом, но и важным рычагом управления» [Макконнелл, 1996:9]. Таким образом, базовыми понятиями рыночной экономики выступают понятия *рынка* и *цены*, и их системные отношения являются основной организующей силой. Рыночная система представляет собой «многосложную систему связей», через которые «капиталистическое общество выносит свои решения о том, что экономика должна производить, как эффективно организовывать производство и как следует распределять плоды производительного труда между экономическими единицами» [Макконнелл, 1996:53]. Эти решения общество выносит посредством рыночной экономики и с ее же помощью практически их реализует [Макконнелл, 1996].

Рынок – «просто механизм или приспособление, осуществляющее контакт между покупателями, или предъявителями спроса, и продавцами или поставщиками товара» [Макконнелл, 1996:53]. Эти контакты или отношения осуществляются через систему рынков в характерных экономических ситуациях. Понятие рынок, являясь системой, включает в свое тематическое окружение классификацию рынков по следующим характеристикам: 1. объект товарного обмена, 2. границы охвата товарного обмена, 3. экономические отношения между участниками обмена, которые отражаются соответствующими терминами и терминологическими словосочетаниями, например: *рынки капитала, рынки ценных бумаг, рынки ресурсов и продуктов, мировые рынки, индивидуальные рынки, внутренний рынок, регулируемый рынок* [Китайгородская, 2000]. Данные характеристики могут совмещаться внутри системы, «образуя следующие виды рынков: *рынок обуви Италии, рынок*

автомобилей западно-европейских стран, мировой рынок зерна, внутренний рынок России и т.д.» [Китайгородская, 2000].

Тематическое поле понятия «цена» зафиксировано посредством терминологических словосочетаний, отражающих классификацию цен, в зависимости от ряда экономических признаков и образующих системные отношения. Так, классификация на основе дифференциации в соответствии с обслуживаемой сферой товарного обращения выделяет: 1) *оптовые цены* на продукцию промышленности, которые в свою очередь подразделяются на: *оптовую цену предприятия (отпускная цена)* и *оптовую цену промышленности*, разновидностью которой является *трансфертная цена*; 2) *закупочные цены*; 3) *розничные цены*, разновидностью которых является *аукционная цена*; 4) *цены на бытовые и коммунальные услуги*; 5) *цены на строительную продукцию* делятся на: *сметную стоимость*, *прейскурантную цену* и *договорную цену*. В современной экономической ситуации тематическое сфера действия понятия «договорная цена» с развитием рыночной экономики все больше расширяется, тогда как понятия «сметная стоимость» и «прейскурантная цена» становятся наименее употребительными в результате сужения «сферы действия других видов цен на строительную продукцию» [Салимжанова, 1999:33].

Также цены классифицируют в зависимости от территории действия на: *цены единые* или *поясные* и *цены региональные (зональные или местные)*, в зависимости от порядка возмещения потребителем транспортных расходов по доставке грузов, по степени свободы от воздействия государства, в зависимости от степени новизны товара и т.д. В процессе классификации человек относит предмет в ту или иную группу согласно выделенному существенному признаку, и в этом состоит его деятельность по систематизации и кодированию информации, полученной в результате восприятия окружающего мира.

Представленное терминологическое поле объединяет единицы – термины «на основе их смысловых отношений, по наличию общих компонентов в плане

содержания», что непосредственно связано с «понятийной системой соответствующей системы знаний» [Богомолова, 1999:53]. Классификация цен на основе дифференциации в соответствии с обслуживаемой сферой товарного обращения является наиболее полной и иерархично представленной, и система понятий, представляющих эту составляющую рыночной экономики, отражает существующую зависимость процессов ценообразования от различных факторов, бытующих в объективной действительности.

Иначе говоря, помимо терминов, составляющих «словарь» метаязыка, метаязык имеет и «метаграмматику» – «систему связей между элементами научного знания, стоящую за данным текстом, или структурой знания» [Бокадорова, 1986]. Экономическая терминосистема выступает средством исследования и описания экономической деятельности общества в терминах самой экономической теории, в чем и заключается ее метаязыковая функция [Слюсарева, 1998:564].

Таким образом, системе понятий каждой науки соответствует система терминов, в которой термины имеют вполне определенные места, зависящие от места соответствующего понятия во всей данной системе понятий» [Квитко, 1976:37-38]. Л.Л. Кутина также обращает внимание на понятийный каркас терминосистемы, так как «связи, организующие ее, есть связи понятий» [Кутина, 1966].

Необходимость установления точных отношений между многообразием понятий внутри понятийной системы и правильность использования соотносимых с ними терминов «облегчает изучение предметов и явлений объективного мира, позволяет выявлять внутренние закономерности, которые определяют особенности развития и изменения данных предметов и явлений», а также способствует более полному пониманию информации и ее точной передаче [Квитко, 1976:37-38].

Метаязык функционирует в метаречи, и их взаимодействие «находит отражение в принципах построения лексикографических пособий, когда в

словарные статьи включаются отрывки (или сегменты) метаречи, иллюстрирующие употребление того или иного термина» [138:297]. Другими словами, в метаречи выявляется содержание термина, основная функция которого номинативно-дефинитивная, функция «наименования и выражения специального понятия, регламентированного в своих границах дефиниций» [Даниленко, 1977:8].

Основной единицей метаречи называют словарную статью, которая «рассматривается не только как речевая объективация объектов познания и взаимоотношения коммуникантов, но и обнаруживает активность фактора «субъект речемыслительного процесса», «обуславливающего особенности рефлексивно-личностного функционально-коммуникативного компонента дефиниции» [Комарова, 1997:56].

Необходимость ориентирования на дефиницию возникает при выборе термина, т.к. ее функция состоит в том, чтобы выделить данное понятие среди других (пограничных с ним), функционирующих в данной терминосистеме, т.е. «из двух или более определений лучше то, которое указывает на место термина в системе (наличие родового признака, соотнесение с дихотомическим понятием)», иначе говоря, при выборе термина учитывается системность, «т.е. парадигматическая соотнесенность с другими уже существующими или создаваемыми автором единицами метаязыка» как одна из его основных характеристик [Гвишиани, 1998:297].

Научные определения обладают системностью, «научная терминология по природе своей «дефинитивна», и вне системы определений нет и системы терминов» [Ахманова, 1976:58]. На дефинитивность как непрменный критерий термина указывали и В.П. Даниленко и Т.Л. Канделаки [Даниленко, 1977; Канделаки, 1977]. Термин выражает научное понятие, являющееся логической категорией, поэтому «границы понятий строго очерчены их содержанием и объемом и устанавливаются путем логического определения (дефиниции), то есть перечисления входящих в состав понятия существенных признаков.

Значение термина, соотносимого с понятием и являющегося названием понятия в речи, также раскрывается дефиницией» [Квитко, 1976:10]. В.Н. Карпович, изучая проблему определения, выделяет его двоякую роль: оно «может служить для введения нового термина в некоторую научную теорию, расширяя тем самым ее понятия и терминологию», а также может «выявлять значение некоторого термина теории, описывая его через другие термины этой же теории» [Карпович, 1978:4].

Отсутствие дефиниции у термина при употреблении является формальным, «но она присутствует в сознании автора и в норме – в сознании читателя как «сверток» (сгусток) информации» т.к. «между термином (понятием) и его дефиницией (суждением) существует полное смысловое тождество и полная взаимосвязь» [Куликова, 2002:136].

В современной литературе изучается построение дефиниций и их функционирование в естественной среде – научной литературе. В тексте терминологические дефиниции реализуют следующие функции: введения в тему, раскрытия темы, дифференциации понятий, аргументации, введения термина в текст, моделирующую и инструментальную, состоящую из функции представления предшествующего знания, введения или фиксации нового знания, связи старого и нового знания [Шилова, 2005].

Рассматривая дефиницию как единицу метаречи, функционирующую в тексте и являющуюся метатекстом, выделяют три основные части ее структуры, «лексическое наполнение которой отражает некоторый фрагмент общей содержательной картины представляемой отрасли (фрагменты научной картины мира)» [Шилова, 2005:8]. Согласно концепции автора, структура метатекста дефиниции состоит из «термина, представляющего языковой факт определенной отрасли знаний, связующей части и собственно определения, интерпретирующего языковой факт, представленный термином», где термин является «семантическим ядром метатекста» [Шилова, 2005:11]. З.И. Комарова выделяет двухчастность дефиниции в линейном развертывании, с логической

точки зрения, где «1) S – дефиниендум (определяемое понятие) и 2) R – дефиниенс (определяющее понятие), что «поддерживается коммуникативным, тема-ремным членением» [Комарова, 1997:58].

Существует две точки зрения на термин и его определение в плане содержания. Согласно одной из них, в плане содержания, дефиниция не равняется научному понятию, которое дефинировано ею [Комарова, 1997]. Согласно другой точке зрения, термин и определение тождественны и различаются лишь способами выражения. Понятие может выражаться «как аналитически – развернутым языковым выражением – определением, так и синтетически – термином» [Квитко, 1976:10].

По мнению И.С. Квитко, для определения научного понятия, нужно «установить его существенные признаки, которые позволяют выделить это понятие из множества однородных, сходных» [Квитко, 1976:27]. Среди основных требований к определению выделяют: соразмерность содержания и объемов определяемого и определяющего; наличие признака как видового отличия, «свойственного только данному понятию и отсутствующего в других, относящихся к тому же роду»; отсутствие двусмысленностей, то есть четкость и ясность; позитивность; системность; соответствие нормам русского языка [Квитко, 1976:28; Волкова, 1986]. Определение – «единство противоположностей, представляющее собой не только анализ, деление, но и синтез, единство» [Бабушкин, 1996:32].

В основе метаязыка дефиниций, «с одной стороны, лежат системные отношения между терминами, с другой – общенаучная лексика, то есть те слова и словосочетания, которые используются при описании различных аспектов лингвистического исследования» [Будылева, 2001].

Дефиниция рассматривается как способ описания понятия. Дефиниция «осуществляет связь между понятиями и терминами посредством понятийного приравнивания языкового выражения к определяемому. Терминологическая дефиниция осуществляет такое приравнивание только в пределах

соответствующей тематической области и, следовательно, задает классификационное место понятия только в пределах данной области. Дефиниция фиксирует интенционал определяемого: по своей точности она варьирует от чрезвычайно жесткого и четкого таксономического высказывания до гибкой дефиниции в новейших технологических областях использующих, как правило, функциональные характеристики определяемого» [Ивашкова, Шеллов, 1992]. Гибкость или «мягкость» дефиниции основана на повышении уровня абстрактности современной науки, а также подвижности и противоречивости научного пространства, что отражается «в характере единиц, означающих концепты данного пространства, т.е. терминов [Алексеева, 1998:13].

При создании дефиниции автор должен прогнозировать степень и «версии» понимания текста дефиниции, которую определяет «интер-субъективная нормативная принятость системы научного знания данным научным сообществом, статус которого изменяется в процессе исторического развития и трансформирует сферу возникновения успешной научно-речевой коммуникации. К этому необходимо добавить единство закономерностей научного мышления, типа речи (теоретико-описательного), формы мысли (понятийно-логической)» [Комарова, 1997:56]. Таким образом, метаязык дефиниций характеризуется строгой нормативностью, жесткой синтаксической логичностью и высокой степенью информативности.

Грамматический состав метаязыка дефиниций представляет «все основные знаменательные и служебные части речи», где наибольший удельный вес занимают существительные, наименьший – глаголы, что объясняется «заменой их отглагольными существительными» [Комарова, 1997:63].

В деловой прессе, анализируемой нами в пределах данной работы на материале русского и английского языков, новое понятие вводится в текст посредством дефиниции, ограничивающей объем его содержания, т.е. термин, представлен как толкование в научно-публицистических текстах [Квитко,

1976:84]. Например: «В ипотечном бизнесе есть такое понятие как *коэффициент доступности жилья* – время, в течение которого среднестатистическая семья должна откладывать все свои доходы, чтобы купить однокомнатную квартиру» [РЦБ, 2005, № 12:61]; «*Консолидация* – конвертация акций в акции с большей номинальной стоимостью» [РЦБ, 2005, № 14:36]; «В основном под *инвестициями* понимают вклад или капиталовложение. *Инвестиции* – денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) иного полезного эффекта»; «*Инвестиционная деятельность* – вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) иного полезного эффекта»; «*Капитальные вложения* – инвестиции в основной капитал (основные средства), в том числе затраты на новое строительство, расширение, реконструкцию и т.д.» [РЦБ, 2005, № 12:61]. «*Кластер* – это сообщество экономически тесно связанных и близко расположенных фирм смежного профиля, взаимно способствующих общему развитию и росту конкурентности друг друга» [Малое предприятие, 2005, № 11:14]. «*Потенциальные кластеры*» представляют собой интенсивно развивающиеся фрагменты производственной и технологической общности различных предприятий» [Малое предприятие, 2005, № 11:14]. «Так, в частности, *валютной операцией* признается приобретение резидентом у резидента и отчуждение резидентом в пользу резидента валютных ценностей на законных основаниях, а также использование валютных ценностей в качестве средства платежа» [Деньги и кредит, 2004, № 12:35]. «*Маневрирование*» между различными видами финансирования в терминологии кредитного анализа носит название «финансовая гибкость» [РЦБ, 2005, № 19:46].

“The most popular measure of inflation is the *consumer price index (CPI)*” [Moscow News, 2003, № 2-3]. “*Interest* – the price that individuals or business pay to borrow money. A restriction on supply occurs when a market is monopolized by a

single firm” [Moscow News, 2004, № 6]. “In a *pure* command economy all businesses are state owned, the rationale being that the government can then direct them to make investments that are in the best interests of the nation as a whole, rather than in the interests of private individuals” [Management Today, 2001, № 20]. “Reinsurance – the business of covering primary insurers’ risk ...” [The Economist, December 3rd – 9th 2005].

В рассматриваемой нами деловой прессе «отмечается усиление метаязыковой деятельности», которая включает не только использование метаязыка, но и «позицию отражающего субъекта» (президенты, вице-президенты и дилеры банков, кредитные аналитики и управляющие компаниями), «его отношение к этим объектам, причем позиция субъекта – такая же реальность, как и сами объекты» [Маслова, 2001:67]. Отношение субъекта к явлениям и процессам действительности проявляется в оценках, прогнозах, выводах и перспективах, которые он делает, в так называемых «метаязыковых высказываниях». Усиление метаязыковой деятельности зависит и от смены речевого поведения индивидов, которое происходит, по мнению И.Т. Вепревой, «в условиях кардинальной смены социально-экономических устоев государства, когда интенсифицируется психическая и интеллектуальная деятельность языковой личности по обновлению и перестройке концептуального мира, языковой картины мира, наблюдается и смена речевого поведения индивида» [Вепрева, 2002]. Исследуя современную публицистическую речь, автор отмечает «обострение языковой рефлексии носителя языка, которая проявляется в актах вербализации метаязыкового сознания, и языковая личность в речемыслительной деятельности, направленной на «ословливание» мира, эксплицитно выражает свое отношение к употребляемому слову или выражению», где данные метаязыковые высказывания комментируют возможность употребления термина, т.е. «погружены в определенный общекультурный, конкретно-ситуативный,

собственно лингвистический контекст и описывают некоторое положение вещей» [Вепрева, 2002].

Исследование деловой прессы показало наличие в статьях метавысказываний, комментирующих изменения в содержании некоторых понятий и их употребление в речи. Данные метавысказывания характерны только для деловой прессы русского языка, что объясняется несформированностью терминосистемы российской экономики, ее продолжающимся развитием и «реагированием» на меняющиеся условия экономических ситуаций. Например: «Теперь же средства во вкладах включены в понятия *«валюта Российской Федерации»* и *«иностранная валюта»*, «При определении *внешних ценных бумаг*, так же, как и в случае с нерезидентами, применен остаточный принцип – к ним отнесены любые бумаги, не входящие в категорию внутренних», «К сожалению, в Законе так и не нашли закрепления основополагающие понятия валютного законодательства, широко используемые в тексте Закона, – *«валютное регулирование»* и *«валютный контроль»* [Деньги и кредит, 2004, № 12:32-33]; «Дополнительные трудности для анализа создает то, что *«инвестиции»* - термин общеупотребительный, но не всегда однозначно трактуемый. В основном под инвестициями понимают вклад или капиталовложение» [РЦБ, 2005, № 14:36].

В газетных и журнальных статьях автор (адресант) может акцентировать свою точку зрения, предпочтения, оценку, эмоции по отношению к действительности и адресату «в виде авторского попутного замечания, словесной реплики, ремарки, комментирующих основной текст», что позволяет «говорить о дискурсивной природе метаязыковой деятельности» [Вепрева, 2002].

Таким образом, с помощью метаязыковых комментариев читатель только получает информацию об использовании того или иного термина в различных контекстах, пополняет свой информационный фонд, а также получает

определенные сведения об авторе, то есть в метаязыковых комментариях проявляется индивидуальность адресанта [Вепрева, 2002].

Другими словами, текст выступает формой реализации личности субъекта, и умение толковать метаязыковые высказывания в научно-публицистическом тексте позволяет создать «лингвоментальный «автопортрет» россиян», выраженный в когнитивной и коммуникативной стратегиях говорящего [Хлебда, 1999]. Согласно И.Т. Вепревой, «метаязыковой дискурс дает материал для осмысления речевого портрета *homo reflectens* – человека рефлексирующего, языковой личности эпохи общественных и языковых перемен», то есть метаязыковые высказывания являются «исследовательской базой для выявления мировоззренческих установок языковой личности, социокультурных умонастроений, психологического состояния человека и общества в целом. В данном случае «язык является средством выхода на образ мира» [Вепрева, 2002].

По мнению С.Е. Никитиной, коммуникативное намерение говорящего определяется «коммуникативной ситуацией, языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности» [Никитина, 1989:34]. И.Т. Вепрева выделяет следующие характеристики языковой личности: «профессиональный и социальный статусы, а также связанная с профессиональным статусом языковая и культурная компетенции» [Вепрева, 2002]. В метаязыке проявляются особенности речевой деятельности человека и его языкового сознания.

Терминосистема экономики является метаязыком науки и выступает как средство профессионального общения. Метаязык экономики отражает специфику развития самой науки, ее современное состояние, особенности данной научной области, фиксирует результаты производственной и познавательной деятельности человека в мир-системе.

Метаязык экономики, как семиологическая система, состоит из базовых общенаучных терминов, составляющих его основу, специальных, заимствованных, возвращающихся терминов, профессионализмов и номенклатурных наименований.

Функционирование метаязыка приводит к выработке и закреплению норм и правил его употребления. Метаязык экономической науки функционирует в официально-деловом, научном и публицистическом стилях.

Метаязык в мир-системе осуществляет презентацию бытия в его совокупности – экзистенциальности (existential – М. Хайдеггер), он есть экзистенциальная характеристика существования (existence) как такового в мир-системе. «...Экзистенциальность, – утверждает П. Рикер, – есть не что иное, как совокупность структур бытия, которая существует лишь благодаря возобновлению своих возможностей или их утрате; если такое решение можно назвать экзистенциальным, то сам факт, что мы приняли решение, можно назвать экзистенциальной (existential) характеристикой существования (existence) как такового» [Рикер, 1995:335].

3.3. Модусы жизни в мир-системе (экономическая картина мира, экономическая модель мира)

В разделе рассматриваются экономическая терминосистема английского языка как языковая картина мира и экономическая терминосистема русского языка как языковая модель экономической мир-системы, представляющие собой системы принципов толкования мира.

В настоящее время происходят большие изменения в области экономики, выражающиеся в «столкновение стилей и форм хозяйствования», и в результате этих «социоэкономических коллизий» в мире «шаг за шагом складывается новая социальная реальность, другое мироустройство» [Неклесса, 2000:78].

Современный мир «из совокупности национальных хозяйственных территорий превращается в единый экономический комплекс» в результате глобализации экономических процессов [Андреев, 2000:73]. Занимаясь общей теорией социально-экономического развития, американский мыслитель И. Валлерстайн вводит понятия «мир-экономики», имея в виду «часть мира или весь мир, являющиеся единым экономическим целым» и «мироэкономики» – «мир-экономика, распространившаяся географически на весь земной шар» [Валлерстайн, 2001:11]. Россия, вливаясь в мировую экономику, начинает пересматривать существующие экономические теории и схемы, применение которых, стало невозможным для объяснения новых экономических процессов в связи с изменениями человеческих потребностей и интересов в результате построения новой модели мира. Таким образом, новая картина мира требует пересмотра и «дополнения» прежнего опыта путем нового взгляда на экономику в результате «других измерений и другой системы координат в экономических изысканиях», так как стало возможным рассматривать экономику «в контексте образа», где мир представлен «в виде постоянного потока изменений» [Румянцев, 2000:92-93].

Пересмотр и дополнение прежней картины мира, (т.е. представлений о мире, образующих систему), осуществляется в познавательной деятельности человека, которая, согласно философии интерпретации, реализуется в процессах схематизации, конструирования, формирования, проецирования и отбора, в результате чего строятся отношения человека с миром и друг с другом, которые являются исходными в интерпретации мира [Марков, 2001]. Воспринимая, осознавая и организуя окружающую его действительность, человек на основе этих представлений строит свою картину мира, которая объединяет в себе представления о мире и человеке в нем, заключенные в «систему образов», а также «связи между ними и порождаемые ими жизненные позиции людей, их ценностные ориентации, принципы различных сфер

деятельности» [Андреев, 1998]. С.Г. Тер-Минасова выделяет три формы, в которых представлен окружающий мир человека:

- реальная картина мира – объективная внечеловеческая данность;

- культурная (понятийная) картина мира – отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное;

- языковая картина мира – отражает реальность через культурную картину мира, т.к. она является ее существенной частью [Тер-Минасова, 2000].

Картина мира представляет собой «систему образов», где образ экономики – «исходный пункт изучения экономических эпох и исторических типов хозяйства. В картине мира задана базовая аксиоматика экономических цивилизаций: обоснование выбора потребностей, средств их реализации и критерии оптимума в производстве и потреблении. Иными словами, экономика предстает перед нами как воплощение «мировоззренческих универсалий» и этических установок, определяющих ее институциональную структуру, динамику и траекторию развития» [Тер-Минасова, 2000]. Таким образом, рассмотрение экономики в общей картине мира вызвано необходимостью понимания и прогнозирования путей ее дальнейшего формирования.

Несостоятельность прежних экономических теорий предполагает их пересмотр и признание их абстракциями, так как они «не отражают всех красок реальной действительности... и предполагают абстрагирование от реальности» [Макконнелл, 1996:22]. Подчеркивая хаотичность и динамику реального мира, К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю утверждают, что «мир реальности слишком сложен и запутан, чтобы его можно было представить строго упорядоченным», и именно в абстрактности экономических теорий авторы видят их практичность, так как они строятся «с целью обнаружить смысл в хаотическом наборе фактов, который в противном случае вводил бы в заблуждение и не

приносил бы никакой пользы, то есть с целью привести факты в более пригодную, рациональную форму» [Макконнелл, 1996:22].

В современном мире экономика «начинает проявлять себя не только как способ хозяйствования, но и как доминирующая система управления обществом» [Неклесса, 2000:78]. Существующая взаимосвязь экономической и социокультурной сторон общества нашла отражение в трудах М. Вебера и Т. Парсонса. Образ экономики является составной частью общей картины мира и отражает мировоззрение общества, которое, согласно М. Веберу, разделено на социальные страты, характеризующиеся «монополистической практикой в экономической и социальной жизни, специфическим образом жизни и особым, более или менее выраженным взглядом на мир» [Кравченко, 1997:567]. Определение общества как «типа социальной системы, которая обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы», мы встречаем у Т. Парсонса, который делит его на социетальное сообщество, фидуциарную, политическую подсистемы и экономическую, «касающуюся отношений с поведенческим организмом и через него с материальным миром» [Парсонс, 1998:20-23].

Каждая социальная группа общества обладает своим мировоззрением, своей экономической картиной мира, содержание которой складывается из «образов идеального экономического порядка, нормативов и правил хозяйственного поведения, оценки субъектом всей экономической деятельности, его установки по отношению к труду и собственности, богатству и бедности, потреблению и накоплению, традициям и инновациям» [Румянцев, 2000:94]. Так, проводя отличную от Запада экономическую политику, наша страна имела свою специфическую экономическую картину мира, и ряд экономических терминов, «нейтральных по своей семантической структуре, употреблялся в советское время в качестве атрибутов и реалий капиталистической экономики: *безработица, инфляция, индексация, картель, концерн, биржа, банкир* и мн. др.» [Китайгородская, 2000:172].

Однако существуют некоторые вопросы, взгляды на которые совпадают во многих обществах, например: экономический рост, полная занятость, экономическая эффективность, стабильный уровень цен, справедливое распределение доходов, экономическая обеспеченность и торговый баланс [Макконнелл, 1996:24].

Согласно Б.В. Маркову, в основе нашего мировоззрения лежит интерпретация. Мы определяем картину мира через "логический синтаксис" базисной языковой системы. Интерпретация, которая выступает как совокупность творчески-конструктивных схем, служит для производства картины мира [Марков, 2001]. Г. Абель различает три ступени интерпретации: 1 – истолкование и прояснение в процессе формирования, объяснения и обоснования гипотез и теорий; 2 – выявление предварительных допущений (конвенции, культурно-исторические нормы и традиции), образующих базис общезначимых понятий интерпретации; 3 – использование логических понятий и категорий, а также принципов индивидуализации [Abel, 1994:17-18]. По мнению Б.В. Маркова, человек в процессе интерпретации может использовать индивидуальные и категориальные средства по-разному, однако, не осознавая данную возможность, человек считает "естественным" мир, интерпретированный посредством обиходного языка. Таким образом, в основе любой интерпретации лежит общее понимание мира [Марков, 2001].

Согласно В.А. Масловой, «понятие картины мира (в том числе и языковой) строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке. Таким образом, представители когнитивной лингвистики справедливо утверждают, что наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним» [Маслова, 2001:64]. Картина мира, выраженная экономической терминосистемой, будет отличаться у представителей разных социальных групп, в силу существующих различий в

их социально-экономической жизни и особенностями национального языка. И если картина мира является «стабильной системой», то ее системообразующие образы, содержащие «присущие данной цивилизации набор культурных, религиозных, экономических и политических стереотипов и нормативов поведения», будут являться отличительной чертой людей, принадлежащих к этим группам [Румянцев, 2000:95].

Нельзя не согласиться с В.А. Масловой, что «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Таким образом, роль языка состоит не только в передаче сообщения, но в первую очередь, во внутренней организации того, что подлежит сообщению» [Маслова, 2001:65].

Человек, являясь центральным звеном в коммуникации между реальным миром и профессиональным языком, отражает реальную картину экономического мира через призму понятий, сформированных на основе его представлений, и фиксирует в терминах, которые, «выступая в качестве названия повторяющегося, константного элемента представлений и тем самым, ограничивая разнообразие мира, ... превращаются в инструмент познания» [Володина, 1998:11].

Согласно В. И. Заботкиной, «между картиной мира, как отражением, образом реального мира, и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения, существует сложная диалектическая связь» [Заботкина, 1989:50].

Языковая картина мира создается человеком, который переводит свои представления о реальном мире в языковые средства, где выбор языка является выбором интерпретации мира [Марков, 2001]. Экономическая терминосистема английского языка является языковой картиной мира, отражающей принципы, законы, модели и теории экономики, в которой человек систематизирует,

кодирует и хранит свои знания о социально-экономическом развитии общества. Другими словами, «в языке и средствами языка вырабатывается и фиксируется картина мира, как она складывается у данного языкового коллектива на некотором этапе его развития» [Касевич, 1988:15].

Экономика, «из всех наук о человеческом поведении (социальном действии), первая выработала хорошо интегрированную схему понятий и до сего дня поддерживает этот аспект своей науки на более высоком формальном и логическом уровне», что подтверждается устойчивой, сформированной терминологической системой английского языка, в которой отражены: реалии и процессы экономического развития общества; тенденции рынка; кредитно-денежные отношения; работа биржи и т.д. [Парсонс, 2000:330]. Таким образом, экономическая терминосистема представляет собой «своеобразную информационную запись, которая выражается в определенной знаковой системе, отличается спецификой культурно-исторического отражения и является одной из основных форм познавательной активности человека» [Володина, 1998:11]. Термины фиксируют и упорядочивают знания об экономических отношениях и их взаимодействиях и несут информацию о накопленных человеком знаниях и опыте.

По мнению В.Я. Мыркина, «язык (языковая система), и в частности, его лексический строй, очень схематично, очень приблизительно отражает внешний мир», так как отражение «непрерывно предполагает сходство, адекватность, воспроизведение черт оригинала в отражающем объекте, короче, – образ отражаемого объекта. При этом концептуальный образ (понятие) отличается, конечно, от чувственного образа по ряду параметров, одним из которых является обобщенность, абстрактность первого» [Мыркин, 1978:54]. Согласно В.Я. Мыркину, мир не отражается «в знаках языка или в предложениях как материальных (звуковых или графических образованиях) мир отражается в сознании, а сознание закрепляет, фиксирует, кодирует это отражение – знание в конвенциональных знаках» [Мыркин, 1978:55]. Таким

образом, полученные представления являются результатом работы органов человеческих чувств, сознания и мышления, т.е. как справедливо отмечает С.Г. Тер-Минасова, «язык отражает действительность не прямо, а через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку» [Тер-Минасова, 2000].

Современное языкознание изучает язык не как самостоятельную систему, а во взаимодействии с человеческим фактором, языковой картиной мира и в конкретных речевых ситуациях, т.е. как средство общения. Р.И. Павиленис выделяет «мыслящего и говорящего индивида (и его партнера по коммуникации), мышление и его законы, мир и языковые средства, отображающие и свой собственный системно-организованный код, и логику мышления (законы отражения мира и формирования понятий), а через него – мир», как основных взаимодействующих в языковой знаковой системе. [Павиленис, 1983:103].

Человек, познавая мир в результате своей деятельности, преломляет его через сознание, и полученный результат фиксирует на языковой карте мира. Другими словами, именно связь языка и сознания позволяет человеку воспроизводить картину мира в языковых формах. Поэтому экономическая терминосистема английского языка как языковая картина мира является знанием, отраженным в языке.

Являясь орудием познания, язык «позволяет выйти за пределы эмпирического опыта благодаря релятивизации системы значений его единиц (или их смысла, реализуемого в речи, а тем самым – «личностного», по Выготскому) к системе знания – концептуальной системе» [Павиленис, 1983:113-117]. Познание сопровождается категоризацией и ассоциированием. В результате категоризации человек включает фиксируемую понятием реалию в ту или иную категорию на основе ее основных признаков, то есть вводит ее в систему языка. Установление связей понятий в системе языка происходит посредством ассоциирования, где термин может выступать не только как средство фиксации, но получения нового знания. Терминосистема отражает не

только специальное знание, но и «информационно-языковое видение мира» о социально-экономическом развитии, происходящем в обществе в определенные периоды его развития, а также выражает в языке результаты познавательной деятельности человека и является средством для отыскания новой «терминологической информации на основе имеющегося языкового опыта» [Володина, 1998:3].

Терминосистема, содержащая профессиональную информацию, является средством научной коммуникации, которая обеспечивает функционирование и развитие экономики как научной области знания. Исследуя экономическую терминосистему, мы имеем дело с научным познанием. А.С. Майданов рассматривает научное познание как «кооперативный процесс», состоящий из эмпирического и теоретического знания, рациональных и иррациональных моментов познавательной деятельности, социального, психологического, логического и методологического измерения познавательного процесса, интуитивного и дискурсивного мышления и т.д. Выполняя различные функции в совместном процессе познавательной деятельности, вышеперечисленные факторы «формируют более или менее полное и разностороннее знание об изучаемом явлении или предметной области» [Майданов, 2000:245].

Осуществляя познавательную деятельность в любой научной области, человек выходит за пределы чувственно воспринимаемой информации, в результате чего становится актуальным применение различного рода моделей.

Экономика является такой областью знания, где моделирование позволяет исследователю четко проследить механизм ее функционирования. Моделирование – это «исследование некоторых свойств объектов не непосредственно, а опосредованно, через другие более доступные для исследования модели этих объектов, сходные с объектами-оригиналами. Цель моделирования – воссоздание изучаемого явления и его закономерностей» [Ткачева, 1987:144]. В его основе «лежит единство законов природы и исторически сложившаяся познавательная способность абстрагировать сходное

в различных объектах и устанавливать их соответствие. Благодаря этому создается возможность исследовать объекты косвенным путем, а именно, путем изучения других объектов» [Зиновьев, 1960:82].

В своей работе мы рассматриваем экономическую терминосистему русского языка как языковую модель экономической мир-системы, отражающую реальную картину экономической системы общества. Под языковой моделью мира мы понимаем бытующее в сознании российского человека представление о мире, экономической ситуации и экономической политике государства, выраженное в языке, в нашем случае – экономической терминосистеме.

Экономическая терминосистема вербализует знания об экономических отношениях и ситуациях, экономических проблемах и политике. Терминосистема, представляющая «пространство значений» (термин А.Н. Леонтьева), в котором фиксируется опыт и знания определенного языкового коллектива об экономической мир-системе, создает ее модель. Согласно О.Н. Будылевой «на этапе моделирования терминосистем, научное знание вплотную вырастает в систему того или иного конкретного естественного языка», в котором, чаще всего находят свое выражение терминосистемы [Будылева, 2001].

Терминосистема как модель в определенной степени отражает «правду», однако их по сравнению с языковой картиной мира может быть много, так как «каждая модель, будучи теоретическим конструктором, по определению» не является абсолютно адекватным отражением анализируемой области действительности» [Всеволодова, 2005:24]. Таким образом, под моделью понимается «динамическое» состояние терминосистемы, когда она находится в стадии формирования, происходит установление содержания ряда терминов. «Неустойчивость» экономической терминосистемы русского языка подтверждается наличием явлений синонимии, полисемии и активно действующего процесса заимствования. Экономическая терминосистема

русского языка является моделью открытого типа, так как заимствует способы образования и пополнения экономической терминосистемы, а также понятийный аппарат экономической науки других стран, который органично вписывается в нашу экономику.

Новый взгляд России на экономическую политику предполагает анализ различных экономических моделей, в результате чего наша страна получает возможность использовать опыт других стран в отдельных сферах хозяйства. Однако, «несмотря на то, что природа капиталистического общества одинакова и не зависит от «национальных мундиров», каждая страна развивается своим путем и имеет национальную специфику в экономическом развитии [Макконнелл 1996:13]. Так, например, кредитно-финансовые отношения являются специфической чертой рыночной экономики, и для России, только вступающей на этот путь, знания о финансах, ценных бумагах и банках, необходимые для данной сферы деятельности являются новыми, поэтому в русском языке не всегда можно найти термин, выражающий то или иное понятие. Таким образом, русская терминологическая система, как правило, заимствуют необходимые термины или используют терминологические описания существующих понятий.

Относительная новизна кредитно-финансовой терминосистемы в русском языке и ее продолжающееся становление является результатом постоянных дополнений или пересмотра содержания тех или иных понятий, выраженных терминами, которые четко не закреплены в Законе [Деньги и кредит, 2004, № 12]. Например, «Существенно изменилось в Законе основополагающее *понятие валютной операции*. Ранее основным видом *валютных операций* являлись операции, связанные с переходом права собственности и иных прав на валютные ценности, в том числе операции с использованием в качестве средства платежа иностранной валюты и платежных документов в иностранной валюте». «Изменение в Законе формулировки понятия «*валютная операция*», к сожалению, никак не способствовала внесению ясности в описанную проблему.

Так, в частности, валютной операцией признается приобретение резидентом у резидента и отчуждение резидентом в пользу резидента валютных ценностей на законных основаниях, а также использование валютных ценностей в качестве средства платежа» (пп. «а» п. 9 ч. 1 ст.1)». «Прежде всего, следует отметить, что в Законе устранено недоразумение, вследствие которого согласно прежнему закону денежные средства в иностранной валюте, размещенные во вклады, не являлись объектом регулирования валютного законодательства, что создавало необоснованное различие в правовом режиме договоров счета и вклада, применительно к иностранной валюте. Теперь же средства во вкладах включены в понятия «валюта Российской Федерации» и «иностранная валюта» [Деньги и кредит, 2004, № 12].

Отсутствие в Законе, но практическое употребление ряда терминов, приводит к разному толкованию и пониманию выраженных ими понятий, что неизбежно ведет к их неправильному использованию и потере информации. Например, «Однако, представляется принципиально некорректным использовать производные понятия («органы валютного регулирования», «агенты валютного контроля», «принципы валютного регулирования и валютного контроля» и т.п.) при отсутствии базовых определений». «К сожалению, в Закон так и не было включено понятие «валютное ограничение», хотя многими специалистами неоднократно отмечалось, что формальное отсутствие такого понятия приводит к расширительному толкованию понятия «валютный контроль» [Деньги и кредит, 2004, № 12].

Существует две точки зрения на модель, которую рассматривают как возможность для получения знания и как непосредственно знание об окружающей нас действительности [Пушкарева, 2004:58]. По нашему мнению, с одной стороны, экономическая терминосистема как модель экономической мир-системы несет в себе информацию о моделируемой системе, т.е. в какой-то мере является знанием. С другой стороны, модели являются средством получения нового знания об объекте исследования, так как изучение системы

терминов и терминологических словосочетаний устанавливает систему отношений, характерную для экономической области знания.

Экономика как область знания – является изучаемым объектом мира, информация о котором, полученная в результате познавательной деятельности человека, закрепляется и передается в терминах и терминологических словосочетаниях, т.е. с помощью терминосистемы. Экономическая терминосистема как модель экономической мир-системы общества моделирует: «а) схему добывания знания, характерную для социально-экономической формации; б) особенности ментальной деятельности; в) особенности «знаковой» деятельности: порождение знаков и маркирование ими информационных потоков» [Будылева, 2001].

Презентация экономической модели мира происходит в научно-публицистическом тексте, где терминосистема выступает средством получения знаний. Научно-публицистический текст, представляет экономическую систему или ее часть и является средством кодирования экономического научного знания, которое рассматривается как вид практической деятельности человека в современной мир-системе. Согласно О.Н. Будылевой, в результате исследования логико-понятийной структуры текста «могут быть выделены такие классы, компоненты, которые могут рассматриваться и как вполне самостоятельные аспекты направления данной отрасли знания» [Будылева, 2001].

На примере анализа статьи «Доходное дело» можно проследить, каким образом системные отношения внутри терминосистемы отражают реальные отношения, существующие в экономической системе [Рынок ценных бумаг, 2005, № 12:60]. Статья посвящена паевым инвестиционным фондам, их работе и законодательным проблемам, связанным с ними. В данной статье описана экономическая ситуация появления «нового для России института секьюритизации ипотечных кредитов», необходимость которого была вызвана «как поиском новых доходных и надежных инструментов инвестирования на

фондовом рынке, так и потребностью участников ипотечного рынка» [Рынок ценных бумаг, 2005, № 12:60]. Начало статьи «В настоящий момент основная масса проблем, связанных с ипотечными ПИФами, решена», «Противоречия и несоответствия, с которыми нам приходилось сталкиваться в предыдущей редакции документа, устранены практически полностью» сообщает читателю о ранее проделанной работе и отсылает читателя к ранее сообщенной информации.

Анализируемая статья обладает высокой степенью терминологичности, что говорит об ее ориентированности на экономически подготовленного читателя. В статье находят отражение общенаучные термины: *документ, положение, процедура, система*; общеэкономические термины: *процент, доход, убыток, банк, кредит, ценные бумаги, вкладчик, инвестор, инвестировать*; и узкопрофессиональные термины: *секьютеризация ипотечных доходов, инструменты инвестирования, пул закладных, эмитенты, ликвидные акции*.

Введение экономической терминологии стимулирует получение экономических знаний и формирует новый тип экономического поведения – получение кредита и покупка жилья в кредит.

Введение термина в текст в большинстве случаев дается без дефиниций, что предполагает наличие определенной экономической подготовленности читателей, и только в единичном случае сопровождается толкованием. Например, «В ипотечном бизнесе есть такое понятие как *коэффициент доступности жилья* – время, в течение которого среднестатистическая семья должна откладывать все свои доходы, чтобы купить стандартную однокомнатную квартиру» [РЦБ, 2005, № 12:61].

Для номинации описываемых процедур и экономических ситуаций в данном тексте наблюдается образование новых терминов: «*преддефолтный*», «*инициализация*», *денежный вакуум, секьютеризация ипотечных доходов*.

Существующие понятия в экономической терминосистеме актуализируются в терминах и терминах-словосочетаниях, отражающих их классификацию. Понятия *рынка* и *фонда* в тексте представлены следующими терминами и терминами-словосочетаниями: *фондовый рынок, ипотечный рынок, ипотечные фонды, паевые инвестиционные фонды (ПИФы), классические ПИФы, ипотечный ПИФ, стандартные паевые фонды*; понятия *ценные бумаги: ценные бумаги, закладная, дефолтная закладная, кредитный договор, ликвидные акции*.

Описываемая в тексте экономическая ситуация – покупка жилой площади в кредит включает оформление кредита, страхование жизни заемщика в пользу кредитора. Существующие экономические отношения предполагают наличие участников в определенных экономических ситуациях, так как «экономические отношения, соответствующие рыночной модели экономики, принципиально «диалогичны» по своей природе и предполагают всегда две стороны, партнеров» [Китайгородская, 2001:202]. Из текста выделяются экономические термины, называющие участников новой экономической деятельности по развитию ипотечных фондов: *заемщик, кредитор, страховая компания, банк, управляющий компаниями, пайщик, агентство по ипотечному жилищному кредитованию (АИЖК), региональный оператор, ПИФ, инвестор, вкладчик*.

Основными участниками данной экономической ситуации являются: *заемщик* и *кредитор*, в качестве которого выступает *ипотечный банк*, а существование статьи «о необходимости наличия внутри закладных страховки жизни заемщика» предполагает присутствие третьего участника данных отношений – *страховой компании*. В дальнейшей ипотечной деятельности возникают *агентства по ипотечному жилищному кредитованию (АИЖК)* и *региональные операторы* как участники данной экономической ситуации.

В деятельности по «получению и распределению по паям ипотечного ПИФа» участвуют *заемщик* и *банк*, а также «простота данной схемы позволяет участвовать в ней как *ипотечным банкам*, так и *региональным операторам*

АИЖК, да и самому агентству, с которым заключено соглашение о сотрудничестве» [РЦБ, 2005, № 12:61].

Экономическая деятельность *заемщика* включает в свое тематическое окружение следующие терминологические словосочетания: *получение кредита, оформление закладной, внесение установленных платежей* и т.д. Деятельность *ипотечных инвестиционных фондов* состоит из двух основных процедур: *инициализации, получения и распределения дохода по паям Ипотечного ПИФа. «Оформление страховки жизни заемщика», «страхование недвижимости и финансовых рисков»* - является деятельностью страховой компании.

Местом данной ситуации выступают *ипотечный рынок, фондовый рынок, ипотечный банк.*

В статье представлены рекомендуемые модели поведения в новых экономических ситуациях: *«Ипотечные ПИФы – достойная альтернатива вложения ПФР в государственные ценные бумаги», «Людям необходимо менять жилье», «Ипотечный кредит – разумный путь решения проблемы» [РЦБ, 2005, № 12:62].*

Отмечаемое в последнее время усиление метаязыковой активности проявляется в оценке автором сложившейся ситуации на рынке жилья, высказывании предложений и аргументации своей точки зрения, например, *«Мы предлагаем УК переориентироваться на ипотечные ПИФы – это неплохая доходность (12 – 15 % годовых), надежность (сравнимая с государственными бумагами), хорошая ликвидность и, наконец, долгосрочность (5 – 15 лет)», «Поскольку потенциальные покупатели будут собирать всю сумму на покупку квартиры очень долго, ипотечный кредит – разумный путь решения проблемы».*

Также в тексте встречаются суждения автора и его оценочные замечания: *«Ярким примером качественной переработки положения может служить принципиальное изменение статьи о необходимости наличия внутри закладных страховки жизни заемщика: «в пользу заемщика» изменено на «в пользу*

кредитора», что, безусловно, защищает интересы кредитора...», «К слову, прошлый год показал, что классические ПИФы в лучшем случае не потеряли средства своих пайщиков, а в худшем принесли убытки», «Людям необходимо менять жильё».

Таким образом, в анализируемом научно-публицистическом тексте реализуется схема деятельности ипотечных фондов в экономической ситуации «купля – продажа» жилья, предполагающая наличие определенных участников и их форм деятельности. Рассмотрение экономической терминологии в тексте, представляющем отрезок действительности, позволяет обнаружить системные отношения в данной лексической сфере, что позволяет наглядно представить экономическую ситуацию, существующую в мир-системе.

В статье “The new rich-rich gap”, опубликованной в журнале The Economist предпринимается попытка провести анализ богатого класса жителей, который делится на две элиты: *one national and threatened by outsourcing, the other international and profiting wildly from globalization*. В начале статьи автор отсылает читателя к своей работе пятнадцатилетней давности, в которой он выделил три основных рабочих класса в большинстве развитых экономиках: *workers who offer personal service, production workers in factories and “symbolic analysts” – the knowledge workers of the new economy* [The Economist, December 2005:44-46].

Метаязыковые высказывания автора находят выражение в прогнозировании дальнейших различий между данными классами, которые проявились в уровне дохода и возможностях данных классов, например: *“I predicted that advances in technology, and globalization, would widen the gaps in income and opportunity between these tiers. I was, sadly, prescient”, “What I didn’t predict was that three tiers would change shape so dramatically”* [The Economist, December 2005:44].

Далее в статье анализируется высший класс – *the symbolic analysts*, который в свою очередь разделяется на две группы: *national and global*.

Представители социального класса *National symbolic analysts* работают в национальной экономике по профессиям, включающим в себя следующий лексический ряд терминов: *accountants, engineers, lawyers, journalists and other university-trained professionals, software programmers and engineers, designers and researchers*.

Следующей совершенно новой социальной группой являются *global symbolic analysts*. Данное понятие включает в свое тематическое окружение следующие термины: *CEOs and CFOs of global corporations, partners and executives in global investment banks, law firms and consultancies*. Автором анализируются образование, рабочие условия, окружение, уровень жизни, увлечения, уровень дохода, а также причины и экономические предпосылки возникновения представителей данного класса.

Увеличение числа представителей *global symbolic analysts* способствует увеличению численности класса *the personal-service workers*. Среди причин увеличения представителей обслуживающего класса выделяют: *much discretionary income of the richest, flood of new immigrants and of workers no longer needed in routine production*, что характеризует современную экономическую ситуацию, существующую в мир-системе.

Автором анализируется современное состояние экономической ситуации в мире, которое актуализируется в следующих терминах: *higher productivity, modern market reforms, specialized software, telecom systems, free trade, open capital markets, globalization*.

В конце статьи автор делает логические выводы относительно дальнейших перспектив развитых экономик: *“Yet unless the advanced economies invest more in education and basis R&D, they could lose their global lead in science, engineering and high-value-added production within a few decades”*, *“At some point, national symbolic analysts in advanced economies will lose ground. Their global brethren, meanwhile, will continue to dominate global commerce”*.

Экономическая ситуация мир-системы, представленная в данном тексте, опирается на сравнительный анализ данной ситуации в разных странах в разный период времени. Рассмотрение экономической терминологии в тексте позволяет представить экономическую ситуацию, существующую в мир-системе, так как «человек воспринимает не столько текст, сколько смоделированный с помощью текста фрагмент действительности» или области знания, стоящий за ним [Касевич, 1989:18].

Поэтому «вопрос о форме представления модели знания или ее фрагмента — один из кардинальных в общей стратегии разработки моделей знания о мире» [Будылева, 2001]. Мы рассматриваем терминосистему как потенциальную форму представления такой модели, где модель экономического знания представлена в вербальном плане – в терминах и терминологических словосочетаниях. Мы полностью согласны с О.Н. Будылевой, что «моделирование знаний и построение терминосистем — это две стороны одного и того же процесса — разработки модели знания», где любое построение терминосистемы всегда есть моделирование знаний, и любое моделирование знаний невозможно без построения терминосистем» [Будылева, 2001].

Таким образом, экономическая терминосистема английского языка является языковой картиной мира, созданной человеком, который переводит свои представления о реальном мире в языковые средства. Экономическая терминосистема английского языка как языковая картина мира, отражает принципы, законы, модели и теории экономики, в которой человек систематизирует, кодирует и хранит свои знания о социально-экономическом развитии общества.

Экономическая терминосистема русского языка признается языковой моделью мира, где модель рассматривается как «динамическое» состояние терминосистемы, находящейся на стадии формирования. По сравнению с языковой картиной мира моделей может быть несколько.

Презентация экономической модели мира происходит в научно-публицистическом тексте, представляющем экономическую систему или ее часть и являющимся средством кодирования экономического научного знания, которое рассматривается как вид практической деятельности человека в современной мир-системе. Терминосистема в научно-публицистическом тексте выступает средством получения знаний.

Экономическая картина мира и экономическая модель мира, в контексте герменевтической философии М. Хайдеггера, представляют собой системы принципов толкования мира, основанного на этно-антропологическом понимании сущего. В мир-системе утверждается положение субъекта, представляющего сущее, в котором бытие наиболее достоверно и выступает в качестве основы истины и знания.

Выводы по третьей главе:

1. Наряду с применением к рассмотрению мир-системы герменевтических техник (герменевтического опыта) следует признать правомерным применение объяснительного метода, что обусловлено существованием в традиции толкования дихотомии «понимание – объяснение».
2. Ядро объяснительного метода – испытание гипотетических объяснительных элементов на самих явлениях в преломлении к мир-системе обретает вид сочетания объяснительных процедур материального и структурного типа, приложимых к гипотетически объяснительным элементам мир-системы – тексту, стилю, деловой прессе, метаязыку, экономической картине мира и экономической модели мира.
3. Выражение герменевтического опыта в мир-системе свидетельствует о смысловом измерении мир-системы «тут-бытие».
4. Мир-ситуативная рефлексия над процессуальностью языка или метаязык мир-системы представляет собой экзистенциальную характеристику существования как такового в мир-системе.

5. Модусы жизни в мир-системе – экономическая картина мира и экономическая модель мира – представляют собой варианты истолкования сущего, в котором бытие наиболее достоверно и выступает в качестве основы истины и знания.
6. В мир-системе смысл бытия отождествляется со смыслом языка, созидающим единственную реальность, которой обладает человек – мир повседневности – в деловой прессе.
7. Деловая пресса доводит до сведения экономическую и финансовую информацию, необходимую для принятия самостоятельных управленческих решений со стороны читателя.
8. Экономическая терминосистема выступает в качестве языка для описания познавательной деятельности общества по обнаружению им принадлежности к «тут - бытию». Экономическое терминотворчество и терминопредставление предстают процедурами раскрытия онтологической принадлежности субъекта, тождественными процессу установления истины.
9. Вопрос о форме представления модели знания – один из кардинальных в общей стратегии разработки модели знания о мире. Терминосистема рассматривается как потенциальная форма представления такой модели, где модель экономического знания представлена в терминах и терминологических словосочетаниях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании термин рассматривается как элемент системы языка, с помощью которого описываются элементарные структуры экономического объекта. Экономическая терминосистема признается языком, вырабатывающим операционные понятия описания экономического аспекта существования мир-системы, где мир-система или мироэкономика является новым состоянием системы современных обществ, интерпретируемым бытием, базирующимся на онтологии понимания, которая в контексте мир-системы включается в методологию интерпретации действительности, доминирующим аспектом существования при этом признается герменевтический.

Экономическая терминосистема предстает в виде среды функционирования системы языка, при этом термин обретает статус элемента смысла языка, основной функцией которого является экспликативная функция – экспликация мысли и мыслительной деятельности, свойственная интерпретированному бытию в мир-системе, основывающаяся на объяснительной силе термина относительно любых референциальных значений слов и предложений любых текстов, и обуславливающая другие его функции: коммуникативную, трансляционную, прагматическую, эвристическую.

Применяя герменевтический анализ при исследовании экономической терминосистемы, возможно выявить особенности мыслительной деятельности субъекта, ориентированного экономическим искусством, как деятельности «вживания», «вчувствования» во внутренние структуры мир-системы. Экономическое искусство, по определению Ю.В. Рождественского, обусловлено эффективностью организации труда, зависит от степени владения частными видами экономического искусства и разделяется по областям экономической деятельности на конкретные формы экономического искусства [Рождественский, 2002].

Герменевтическая техника анализа экономической терминосистемы открывает особенности этнической мыследеятельности, управляющей

экономическим искусством. Результаты анализа экономической терминосистемы посредством герменевтической техники позволяют утверждать, что экономическая терминосистема английского языка представляет собой дискурсивную ступень мир-системы, с помощью которой оформляется информативный смысл экономического аспекта существования системы современных обществ, смысловыми ориентирами которого являются финансовый, коммерческий, культурный и информационный виды деятельности.

Исследование экономической терминосистемы русского языка с применением герменевтической техники дает возможность утверждать, что данная система является преддискурсивной ступенью мир-системы и характеризуется сублогическими процессами отражения действительности – ассоциативными сублогическими комплексами, представляющими собой основания экономического искусства мир-системы и альтернативной системы принципов организации бытия, как бытия интерпретируемого, обретающего себя в герменевтическом опыте.

В настоящей работе экономическая терминосистема рассматривается как среда, структурирующая герменевтический опыт, в основе которого лежит экономическое искусство, определяемое эффективностью организации труда и правильностью выбора экономических методов организации труда [Рождественский, 2002:53]. Герменевтический опыт создает предпосылки для интерпретации бытия через систему понятий, отражающих научное мировоззрение, которое декларирует существование объекта (его свойств, закономерностей актуализации) независимо от субъекта. Терминосистема открывает механизмы использования системы организации знания в процессе формирования герменевтического опыта, целью которого является освоение экономического искусства – присвоение смысла выбора, реализации и соотношения видов и форм организации общественного труда.

Познавательная способность человека на современном этапе развития экономики и системы современных обществ определяется его герменевтическим опытом, формирующимся при исследовании присутствия слова в тексте на предмет выявления семантической потенциальности, эксплицированной в экономических текстах.

Предложенное в исследовании материально-структурное объяснение мир-системы позволяет составить представление о бытии этой мыслительно-экономической формации, очевидно сочетающей в себе и свойства культурных страт М. Вебера, и свойства общественно-экономической формации К. Маркса.

Бытие мир-системы обеспечивается текстом (научным), стилем, деловой прессой. Это те семиологические среды, в которых осуществляется понятийное (через терминосистему) закрепление системы современных обществ в состоянии мир-системы и переход мир-системы из фазы состояния в фазу особой конфигурации материально – знаковой – общественно – культурной формации.

Коммуникация мир-системы как самостоятельной знаковой системы с другими языковыми системами и внутри нее осуществляется с помощью метаязыка, который можно рассматривать как экзистенциальную характеристику существования как такового в мир-системе.

Экономическая картина мира и экономическая модель мира предстают деривационными структурами, сопрягающими бытие мир-системы и существование накапливающего герменевтический опыт субъекта. Это системы принципов толкования мира, основанного на этно-антропологическом понимании сущего.

Термин как элемент системы языка маркирует мыслительный процесс, сопровождающий адаптацию познающего индивида к теоретизированному миру. Процесс терминотворчества представляет собой социальное явление, органическую часть социального процесса, характерного для системы современных обществ.

Основными перспективными направлениями дальнейшего исследования являются: 1) исследование процесса терминовтврчества в экономическом научном тексте, представляющего собой процесс коммуникации, с помощью которого познающий индивид приспосабливается к современным условиям жизни в мир-системе; экономический текст рассматривается как комментарий к современному человечеству и познавательной способности человека; 2) рассмотрение терминологической системы в динамическом аспекте предполагает: а) выявление общих и специфических черт в процессе текстового терминообразования русского и английского языков; б) рассмотрение проблемы выбора термина как единицы смысла (с точки зрения реализации его экспликативной функции); в) исследование процесса научного текстообразования; 3) совершенствование методики герменевтического анализа экономической терминосистемы как интерпретации мир-системы; 4) изучение терминосистемы как отражения бытия с точки зрения прагматического аспекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В.Г. Грамматика и текст / В.Г. Адмони // Вопросы языкознания. – 1985. – №1. – С. 63 – 69.
2. Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова / Э.С. Азнаурова. – Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1988. – 121 с.
3. Алексеев Д.И. Аббревиация в условиях научно-технической революции / Д.И. Алексеев, В.В. Борисов // Научно-техническая революция и функционирование языков мира, М.: Наука, 1975.
4. Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования / Л.М. Алексеева. – Пермь: Перм. Ун-т., 1998. – 120 с.
5. Алексеева Л.М. Термин и метафора: семантическое обоснование метафоризации / Л.М. Алексеева. – Пермь, 1998. – 250 с.
6. Андреев А.Л. Очерки русской этнопсихологии / А.Л. Андреев. – СПб., 1998.
7. Андреев А.Л. Экономика и этнопрогнозирование: нации в контексте экономической цивилизации / А.Л. Андреев // Экономическая теория на пороге XXI века / Под. ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. – М.: Юристъ, 2000. – 664 с.
8. Антипов Г.А. Текст как явление культуры / Г.А. Антипов, О.А. Донских, И.Ю. Марковина [и др.]. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1989. – 197 с.
9. Антонова М.В. Типология формального аспекта отраслевой терминологии / М.В. Антонова // Отраслевая терминология и ее структурно-семантическое описание. Воронеж, 1988. – С. 100 – 107
10. Антонова М.В. Функции научно-технического термина и их применение в информационных процессах / М.В. Антонова, В.М. Лейчик // научно-техническая информация. – Сер. 2 – 1990. – №11. – С. 2 – 8.

11. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю.Д. Апресян. – М.: Просвещение, 1966. – 302 с.
12. Арнольд И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды / И.В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1991. – №3. – С. 118 – 127 .
13. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). Учеб. Пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. Яз.» / И.В. Арнольд. – Л.: Просвещение, 1981. – 295 с.
14. Арутюнова Н.Д. Метафора / Н.Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
15. Арутюнова Н.Д. Прагматика / Н.Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 389 с.
16. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. / Н.Д. Арутюнова. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
17. Ахманова О.С. Научное определение как лингвистическая и семиотическая проблема / О.С. Ахманова, С.А. Тер-Мкртчян. // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – М.: Наука, 1976. – 276 с.
18. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронежского госуд. Ун-та, 1996. – 104 с.
19. Бажанов В.А. К вопросу о структуре физической реальности (логико-алгеброические аспекты / В.А. Бажанов, А.И. Панченко // Наука в социальных, гносеологических и ценностных аспектах. М.: Наука, 1980. – С. 188 - 201.
20. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: УРСС, 2002. – 447 с.

21. Березин Ф.М. Общее языкознание / Ф.М. Березин, Б.Н. Головин – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
22. Бессонова О.М. Философско-методологический анализ теорий метафоры в обыденном языке и языке науки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / О.М. Бессонова – Новосибирск, 1990. – 16 с.
23. Благова Н.Г. К вопросу о семантических изменениях терминологической лексики / Н.Г. Благова // Вопросы семантики: Сб. науч. ст. Л., 1976. Вып.2. – С. 126.
24. Богомолова С.И. Проблема формирования многокомпонентных терминосистем / С.И. Богомолова // Лингвистические проблемы формирования и развития отраслевой терминологии: межвуз. Сб. – Саратов: СГАП. 1999. – 72 с.
25. Бокадорова Н.Ю. Проблема историологии науки о языке / Н.Ю. Бокадорова // Вопросы Языкознания. – 1986. – № 6. – С. 68 – 75.
26. Бондарко А.В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды / А.В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1985. – №1. С. 13 – 23.
27. Борисова Т.Л. Стилистические синонимы в терминологическом переводном словаре / Т.Л. Борисова, Я.Л. Донской // Актуальные проблемы научно-технической терминологии. – Пенза, 1985. – С. 18-20.
28. Брунер Дж. Психология познания / Дж. Брунер. – М.: Прогресс, 1977. – 413 с.
29. Будагов Р.А. Человек и его язык / Р.А. Будагов. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1976. – 262с.
30. Будько Н.С. Процессом формирования научных терминов надо управлять / Н.С. Будько // «Место терминологии в системе современных наук». Научный симпозиум. – М., 1970. – С. 17 – 22.

31. Булат Э.М. Вопросы синонимии научно-технических словосочетаний (на материале английской и американской литературы железнодорожного транспорта): автореф. дис. ... канд. филол. наук – Киев, 1970. – 19 с.
32. Бурт Э.М. Метафора как вид релятивной номинации и ее роль в развитии научной терминологии / Э.М. Бурт. – СПб., 1993. – 26 с.
33. Бурт Э.М. Научные понятия как системы и их описание в толковых терминологических словарях / Э.М. Бурт // Вопросы языкознания. – 1984. – №1. – С. 36 – 43.
34. Вайнштейн М.А. Сопоставительный анализ лексикографической терминологии в английском и русских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.А. Вайнштейн; Моск. пед. ин-т. – М., 2000. – 23 с.
35. Валгина Н.С. Современный русский язык / Н.С. Валгина, Д.Э.Розенталь, М.И. Фомина [и др.]. – М.: Высшая школа, 1984.
36. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб.: Изд-во «Университетская книга», 2001. – 416 с.
37. Васильев Л.Г. Особенности понимания естественно-языковых аргументов в научном тексте / Л.Г. Васильев. // Аргументация, интерпретация, риторика. Электронный журнал. Выпуск 2. – 2002.
38. Васильева Н.В. Термин / Н.В. Васильева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.- 508 с.
39. Васильева Н.В. Терминологическая модель: от классики к экзотике / Н.В. Васильева // Филология на рубеже тысячелетий. – Краснодар. 1996. – С. 18-20.
40. Вебер М. Социология религий / М. Вебер // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
41. Веселов П.В. Стандартизация технической терминологии в СССР / В.П. Веселов, Н.И. Сирота // Филологические Науки. – 1967. – №5. – С. 63-67.

42. Виндельбанд В. История философии / В. Виндельбанд. – М.: Ника-Центр, 1997. – 432 с.
43. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.; Л. 1947.
44. Власова О.Б. Проблемы синонимии в современной терминологии (На материале лингвистической терминологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук – Тверь, 1994. – 21 с.
45. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ / Е.К. Войшвилло. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 239 с.
46. Волкова И.Н. Моделирование определений в терминологических стандартах / И.Н. Волкова // Современные проблемы русской терминологии. М. – «Наука», 1986. – С. 140 – 163.
47. Волкова И.Н. Стандартизация научно-технической терминологии / И.Н. Волкова. – М.: Наука, 1984. – 200 с.
48. Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации) / М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2000 – 128 с.
49. Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Н. Володина; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М. 1998. – 57 с.
50. Володина М.Н. Теория терминологической номинации / М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 180 с.
51. Ворошилов В.В. Журналистика; базовый курс / 4-е издание. / В.В. Ворошилов. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 656 с.
52. Всеволодова М.В. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений): (статья первая) / М.В. Всеволодова.

- // Вестник Московского ун-та. Сер. 9, Филология. – 2005. – №1. – С. 22 – 49.
53. Гадамер Г.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г.Г. Гадамер. – М., 1998.
54. Гак В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи / В.Г. Гак // Иностранные языки в школе. – 1982. – №5. – С. 11 – 16.
55. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981.
56. Гвишиани Н.Б. Метаязык / Н.Б. Гвишиани // Языкознание. Большой энциклопедический словарь – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 297 с.
57. Гвишиани Н.Б. Язык научного общения. Вопросы методологии / Н.Б. Гвишиани. – М., 1986. – 280 с.
58. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка / В.И. Герасимов, В.В. Петров // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 5 – 11.
59. Герд А.С. Проблема становления и унификации научной терминологии / А.С. Герд // Вопросы языкознания. – 1971. – №1. – С. 14 – 22.
60. Герд А.С. Язык науки и техники как объект лингвистического изучения / А.С. Герд // Филологические Науки. – 1986. – №2. – С. 54 – 59.
61. Глумов В.И. Структурно-семантическое изучение англо-русских терминосочетаний / В.И. Глумов // Термин и слово. Межвузовский сборник. – Горький, изд. ГГУ им. Н.И. Лобачевского, 1980. – С. 39 – 46.
62. Глухов Б.А. Лингвистические характеристики термина и методика его презентации в учебном процессе / Б.А. Глухов. – М., 1980. – 169 с.
63. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие для филол. спец. Вузов / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: Высш. Шк., 1987. – 103 с.

64. Головин Б.Н. Термин и слово / Б.Н. Головин. – Межвузовский сборник. Горький, изд. ГГУ им. Н.И. Лобачевского, 1981. – С. 151.
65. Головин Б.Н. Типы терминосистем и основания их различия / Б.Н. Головин // Термин и слово. Межвуз.сб. – Горький, изд ГГУ им. Н.И. Лобачевского, 1981. – С. 151.
66. Грабельников А.А. Работа журналиста в прессе / А.А. Грабельников. – М.: Изд. РИП - холдинг, 2001. – 274 с.
67. Гринев В.С. К вопросу о синонимии терминов // Научно-техническая терминологии. – 1991. – Вып. 5. – С. 1 – 9.
68. Гринев С.В. Введение в терминоведение / С.В. Гринев. – М.: 1993. – 309 с.
69. Гуревич С.М. Номер газеты: учеб. пособие / С.М. Гуревич. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 191 с.
70. Даниленко В.П. Актуальные направления лингвистического исследования русской терминологии / В.П. Даниленко // Современные проблемы русской терминологии. – М.: Наука, 1986. – 199 с.
71. Даниленко В.П. Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии / В.П. Даниленко, Л.И. Скворцов // Вопросы языкознания. – 1981. – №1. – С. 7 – 16.
72. Даниленко В.П. Лингвистический аспект стандартизации терминологии / В.П. Даниленко, И.Н. Волкова. – М.: Наука, 1993. – 127 с.
73. Даниленко В.П. Нормативные основы унификации терминологии / В.П. Даниленко, Л.И. Скворцов // Культура речи в технической документации. – М.: Наука, 1982. – С. 5 – 35.
74. Даниленко В.П. О месте научной терминологии в лексической системе языка / В.П. Даниленко // Вопросы языкознания. – 1976. – №4. – С. 64 – 71.
75. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 246 с.

76. Дильтей В. Описательная психология / В. Дильтей.- СПб.: Амтей, 1996.
77. Добродомов И.Г. Заимствование / И.Г. Добродомов // Языкознание. БЭС. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 158 с.
78. Долинин К.А. ИмPLICITное содержание высказывания / К.А. Долинин // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 37 – 47.
79. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии / Т.М. Дридзе. – М.: Высш. школа, 1984.
80. Ейгер Г.В. К построению типологии текста / Г.В. Ейгер, В.Л. Юхт // Материалы научной конференции. Ч. 1. – М., 1974.
81. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка / В.И. Заботкина. – М., 1989. – 117 с.
82. Засорина Л.Н. О некоторых эмпирических принципах металингвистики / Л.Н. Засорина // вопросы металингвистики. – Л.: Изд-во Ленинг. ун-та, 1973.
83. Зернецкий П.В. Лингвистические аспекты теории речевой деятельности / П.В. Зернецкий // Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин, 1988. – С. 36-41.
84. Зиновьев А.А. Логическая модель как средство научного исследования / А.А. Зиновьев, И.И. Ревзин // Вопросы философии. – 1960. – №1, С. 82 – 90.
85. Золотова Г.А. Роль ремы в организации и типологии текста / Г.А. Золотова // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979.
86. Ивашкова Н.В. Актуальные проблемы терминологии: комплексный подход (когнитивные, лингвистические, коммуникативные аспекты) / Н.В. Ивашкова, С.Д. Шелов // НТИ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. – 1992. – № 6. – С. 31 – 34.
87. Казарина С.Г. Типологические характеристики отраслевых терминологий / С.Г. Казарина. – Краснодар, 1998. – 276 с.

88. Каменская О.Л. Текст и коммуникация / О.Л. Каменская. – М., 1990.
89. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов / Т.Л. Канделаки. – М.: Наука, 1977. – 160 с.
90. Карпович В.Н. Термины в структуре теорий. Логический анализ / В.Н. Карпович. – Новосибирск: «Наука», 1978.
91. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В.Б. Касевич. – М.: «Наука», 1988. – 309 с.
92. Касевич В.Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность / В.Б. Касевич // Язык и когнитивная деятельность. Сб. науч. статей. М., 1989.
93. Кацнельсон С.Д. Типология текста и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – М-Л.: Наука, 1972.
94. Квитко И.С. Термин в научном документе / И.С. Квитко. – Львов: Изд-во «Вища школа», – 1976. – 125с.
95. Киселева Л.А. Вопросы теории языкового воздействия / Л.А. Киселева. – Л.: ЛГУ, 1978. – 158 с.
96. Китайгородская М.В. Современная экономическая терминология / М.В. Китайгородская // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 2000. – 480с.
97. Клаус Г. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка / Г. Клаус. – М.: «Прогресс», 1967. – 215 с.
98. Климовицкий Я.А. Некоторые методологические вопросы работы над терминологией науки и техники / Я.А. Климовицкий // Современные проблемы терминологии в науке и технике. – М.: Наука, 1969.
99. Кожина М.Н., Стилистика русского языка: учебник для студентов по специальности № 2101. «русский язык и литература» / М.Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1993 – 224 с.
100. Колесникова Н.И. От конспекта к диссертации: учеб. пособие по развитию навыков письменной речи / Н.И. Колесникова. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 288 с.

101. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1984.
102. Колшанский Г.В. Прагматика языка / Г.В. Колшанский // Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. Тореца. Вып. 151. – М., 1980. – С. 4.
103. Комарова З.И. Метаязыковой текст словарной дефиниции в коммуникативном аспекте / З.И. Комарова // Сб. Художественный текст: Структура, семантика, прагматика. – Екатеринбург, 1997. – С. 51 – 65.
104. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание / З.И. Комарова. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 156 с.
105. Кондаков Н.И. Логический словарь / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1971. – 658 с.
106. Конецкая В.П. О системности лексики / В.П. Конецкая // Вопросы языкознания. – 1984. – №1. – С. 26 – 43.
107. Коновалова Е.А. Деривационный потенциал и парадигматические отношения современной русской экономической терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.А. Коновалова; Симферопольский гос. ун-т. – М., 1998. – 17 с.
108. Кравченко А.И. Социология М. Вебера: Труд и экономика / А.И. Кравченко. – М.: На Воробьевых, 1997. – 207 с.
109. Кузнец М.Д. Стилистика английского языка. Пособие для студентов пед. институтов / М.Д. Кузнец, Ю.М. Скебнев. – Ленинград, государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1960.
110. Кузьмин В.П. Системный подход в современном научном познании / В.П. Кузьмин // Вопросы Философии. – 1980. – №1. – С.
111. Кулиев Г.Г. Метафора и научное познание / Г.Г. Кулиев. – Баку, 1987.
112. Куликова И.С. Введение в металингвистику / И.С. Куликова., Д. Салмина. – СПб.: Сага 2002. – 351 с.

113. Кутина Л.Л. Формирование терминологии физики в России /Л.Л. Кутина. – М. – Л.: Наука, 1966.
114. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. Яз.» / В.А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
115. Кучерова Т.Н. Лингвистическая обусловленность формирования частных терминологических систем (на материале терминологии физической географии русского и немецкого языков): Дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.Н. Кучерова; Саратовский гос. ун-т, Саратов, 1986. – 18 с.
116. Лапп Л.М. Авторская интерпретация как способ отражения в научном тексте деятельности сознания ученого (к обоснованию гипотезы) / Л.М. Лапп // Стилистика текста в коммуникативном аспекте. – Пермь, 1987.
117. Лаптева О.А. Внутрителивая эволюция современной научной прозы / О.А. Лаптева // Развитие функциональных стилей современного русского языка. – М., Изд-во «Наука», 1968.
118. Левин Ю.И. Математика и языкознание / Ю.И. Левин. – М.: Знание, 1964, – 48 с.
119. Лейчик В.М. Особенности функционирования терминов в тексте / В.М. Лейчик // Филологические науки, 1990. – № 3. – С. 80 – 86.
120. Лейчик В.М. Элементы терминоведческой теории текста / В.М. Лейчик // сборник науч. трудов: Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2002. – С. 63 – 77.
121. Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина: дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / А.В. Лемов; Мордовский гос. ун-т. – Нижний Новгород, 2000. – 32 с.
122. Лингвистический аспект стандартизации терминологии. – М.: Наука, 1993. – 127с.

123. Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание / Т.П. Ломтев. – М.: «Наука». – 1976. – с. 60
124. Лопырева Т.В. Дифференциация понятия «текст» в лингвистике текста / Т.В. Лопырева // теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России. Вып. 4. – Калуга, Изд-во КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2002.
125. Лотман Ю.М. Двойственная природа текста / Ю.М. Лотман // Текст и культура: Общие и частные проблемы. – М., 1985.
126. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: «Искусство», 1970.
127. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики / Д.С. Лотте. – М.: Наука, 1961. – 84 с.
128. Лурия А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – Ростов н/Д.: «Феникс», 1998. – 416 с.
129. Майданов А.С. Рост научного знания: взаимодействие традиций и новаций / А.С. Майданов // Эволюция. Язык. Познание. – М., 2000. – 272с.
130. Майсак Т. А., Татевосов С. Г. Пространство говорящего, или Чего нельзя сказать о себе самом // Вопросы языкознания. – 2000. – № 5. – С. 68 – 80.
131. Макконнелл К.Р. Экономикс: Принципы, проблемы и политика / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. –М.: «Туран», 1996. – 400 с.
132. Маркелова Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке / Т.В. Маркелова // Филологические науки. – 1995. – № 3. – С. 67 – 79.
133. Марков Б.В. Знаки бытия / Б.В. Марков. – Сб.: Наука, 2001. – с. 561.
134. Марчук Ю.Н. Вычислительная лексикография / Ю.Н. Марчук. – М.: Знание, 1976.

135. Масалова М.В. Сопоставление характеристик линейного текста и гипертекста / М.В. Масалова // Проблемы прикладной лингвистики: Сб. материалов Всероссийского семинара. Ч. II. – Пенза. – 2000. – С. 17 – 19.
136. Маслов Ю.С. Какие знаковые единицы целесообразно считать знаками? / Ю.С. Маслов // Сб. «Язык и мышление». – М., 1967. – 286 с.
137. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для высш. учеб. Заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
138. Мауэр Л.В. Семантические корреляции терминов в лексической подсистеме / Л.В. Мауэр // Семантика и структура слова. Сб. науч. Трудов. Калинин. – 1985. – С. 88 – 94.
139. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 200 с.
140. Мыркин В.Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст / В.Я. Мыркин // Филологические науки. – 1978. – № 1. – С. 95 – 99.
141. Налчаджян А.А. Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания / А.А. Налчаджян. – М.: Мысль, 1972. – 271 с.
142. Неклесса А.И. Рах Economісана / А.И. Неклесса // Экономическая теория на пороге XXI века – 3 / Под. ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. – М.: Юристъ, 2000. – 664 с.
143. Никитин М.В. О семантике метафоры / М.В. Никитин // Вопросы языкознания. – 1979. – № 1. – С. 91 – 102.
144. Никитина В.В. Системное описание терминологии бизнеса современного русского языка: дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / В.В. Никитина; Российский ун-т. дружбы народов – М., 1995. – 17 с.
145. Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре / С.Е. Никитина // Язык и личность. М.: Мысль, 1989.
146. Никифоров В.А. О системности термина / В.А. Никифоров // Вопросы языкознания. – 1966. – №1. – С. 27 – 33.

147. Николаева Т.М. Единицы языка и теория текста / Т.М. Николаева // Исследования по структуре текста – М., 1987.
148. Николаева Т.М. Лингвистика текста // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева.- 2-е изд.- М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 269 с.
149. Николаева Т.М. Текст / Т.М. Николаева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
150. Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика / Л.Б. Никольский. – М., 1976.
151. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. –М.: 1983.
152. Овчаренко В.М. Термин, аналитическое наименование и номинативное определение / В.М. Овчаренко // Современные проблемы терминологии в науке и технике, М., 1969.
153. Павиленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М.: Мысль. 1983.
154. Панфилов В.З. Язык, мышление, культура / В.З. Панфилов // Вопросы Языкознания. – 1975. – №1. – С. 27 – 39.
155. Панько Т.И. Формирование русской политэкономической терминологии / Т.И. Панько // Современные проблемы русской терминологии. М.: «Наука», 1986. – 199 с.
156. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
157. Петров В.В. Семантика научных терминов / В.В. Петров. – Новосибирск: Наука, 1982 – 125 с.
158. Почепцов О.Г. Посткоммуникативная сила / О.Г. Почепцов // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Сб. научн. трудов Калининского ГУ. Калинин, 1985. – 142 с.

159. Прохорова В.Н. О некоторых явлениях в образовании специальной терминологии русского языка в XVII веке / В.Н. Прохорова // Сб. статей по языкознанию. М.: изд-во Московского ун-та, 1958. – С. 261 – 283.
160. Прохорова В.Н. О сходстве и различиях терминологической и жаргонной лексики / В.Н. Прохорова // Исследования по современному русскому языку. Сб. статей, М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. – С. 206 – 212.
161. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование) / В.Н. Прохорова. – М.: Филологический факультет, 1996. – 125 с.
162. Пушкарева И.А. Адекватность перевода термина в средствах микро- и макроконтекста / И.А. Пушкарева // Языковые и культурные контакты различных народов: Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции / Под ред. канд. филологических наук А.П. Тимониной. – Пенза, 2001. – С. 45 – 46.
163. Пушкарева И.А. К вопросу об изучении терминологии / И.А. Пушкарева // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России. Вып. 4 / Отв. ред. д-р филол. наук А.Л. Зеленецкий. – Калуга, 2002. – С. 14 – 16.
164. Пушкарева И.А. Особенности функционирования термина в деловой прессе / И.А. Пушкарева // Проблемы и перспективы языкового образования в XXI веке: Материалы II региональной научно-практической конференции / Под ред. И.Д. Лаптевой, А.В. Колмогоровой, А.А. Куриленко – Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2005. – С. 83 – 87.
165. Пушкарева И.А. Понятийная система терминологии / И.А. Пушкарева // Материалы региональной научно-практической конференции «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» / Отв. ред. М.М. Горбушина. – Новокузнецк: НГПИ, 2002. – С. 103 – 106.

166. Пушкарева И.А. Прагматический аспект функционирования терминологии / И.А. Пушкарева // Проблемы и перспективы языкового образования в XXI веке: Материалы региональной научно-практической конференции / Под ред. И.Д. Лаптевой, А.В. Колмогоровой, А.А. Куриленко – Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2004. – С. 109 – 114.
167. Пушкарева И.А. Функционирование термина в научно-популярной литературе / И.А. Пушкарева // Материалы международной научно-практической конференции «Коммуникативистика в современном мире: человек в мире коммуникаций». – Барнаул, 2005. – С. 219 – 220.
168. Пушкарева И.А. Экономическая терминология как средство фиксации результатов научно-профессионального познания / И.А. Пушкарева // Культура народов Причерноморья. Научный журнал №54 / Под ред. П.П. Толочко - Симферополь, октябрь 2004. – С. 55 – 58.
169. Пушкарева И.А. Экономическая терминология русского языка / И.А. Пушкарева // Филология и культура: Сборник статей. Вып.1 / Под ред. Л.М. Дмитриевой, А.И. Куляпина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 70 – 75.
170. Пушкарева И.А. Экономический вокабуляр русского языка / И.А. Пушкарева // Культура народов Причерноморья. Научный журнал № 69 / Под ред. П.П. Толочко - Симферополь, октябрь 2004. – С. 190 – 192.
171. Разинкина Н.М. О преломлении эмоциональных явлений в стиле научной прозы / Н.М. Разинкина // Особенности языка научной литературы. – М., 1965.
172. Рамоне И. Геополитика хаоса / И. Рамоне. – М.: ТЕИС, 2001. – 128 с.
173. Рассел Б. Человеческое познание: его сферы и границы / Б. Рассел. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2000. – 464 с.
174. Рейнгольд Е.А. Категория «инвестиции» в процессе смены экономической парадигмы / Е.А. Рейнгольд // Экономическая теория на

- пороге XXI века – 3/ Под. ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. – М.: Юристъ, 2000. – 664 с.
175. Реформатский А.А. Мысли о терминологии / А.А. Реформатский // современные проблемы русской терминологии: Сб. ст. М., 1986. – С. 163 – 198.
176. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика / П. Рикер. – м.: АО «КАМІ», Издательский центр «Academia», 1995. – 160 с.
177. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – М.: «Academia-Центр»: «Медиум», 1995. – 416 с.
178. Рогов Е.И. Психология познания / Е.И. Рогов. – М.: ВЛАДОС, 1998. – 174 с.
179. Рождественский Ю.В. Общество. Семиотика. Экономика. Культура. Образование / Ю.В. Рождественский. М.: Флинта: Наука, 2002. – 112 с.
180. Румянцев М.А. Экономика как система образов / М.А. Румянцев // Экономическая теория на пороге XXI века – 3 / Под. ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. – М.: Юристъ, 2000. – С. 92 – 103.
181. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под.ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. – 320 с.
182. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М., 1999. – 532с.
183. Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений / М.П. Сенкевич. – М., «Высш. школа», 1976. – 263 с.
184. Славин А.В. Наглядный образ в структуре познания / А.В. Славин. – М.: Политиздат, 1971. – 271 с.
185. Слюсарева Н.А. Функции языка / Н.А. Слюсарева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 564 с.

186. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Лит-ра на ин. яз., 1957. – 286 с.
187. Современные проблемы русской терминологии. М.: Наука, 1986.
188. Современные проблемы терминологии в науке и технике. М.: «Наука», 1969. – 190 с.
189. Солсо Р.Л. Когнитивная психология / Р.Л. Солсо. – М.: Тривола: Либерия, 2000. – 598 с.
190. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний / Сб. научно-аналитических обзоров., Москва, 1992. – 163 с.
191. Суперанская А.В. Общая терминология: Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М.: Наука, 1989. – 246 с.
192. Сусов И.П. Языковое общение и лингвистика / И.П. Сусов // прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Сб. научн. трудов Калининского ГУ. Калинин, 1985. С. 4.
193. Татаринов В.А. Теория терминоведения. Теория термина: история и современное состояние / В.А. Татаринов. – М., 1996. – с.
194. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М. 1986.
195. Теория и практика английской научной речи / под ред. М.М. Глушко. М.: Моск. ун-та., 1987.
196. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
197. Терминология лингвистическая / О.С. Ахманова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
198. Тимонина Т.М. Экономическая история России: учеб. пособие / Т.М. Тимонина. – М: ЗАО «Юридический Дом» Юстицинформ, 2003 – 416 с.

199. Тихонова Е.С. Уместность речи как риторическая категория / Е.С. Тихонова // Вопросы философии. 1991. – № 2. – С. 74 – 77.
200. Ткачева Л.Б. Основные закономерности английской терминологии / Л.Б. Ткачева. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. – 200 с.
201. Уорф Б.Л. Наука и языкознание / Б.Л. Уорф // сб. ст. «Новое в лингвистике», 1. М., 1960.
202. Уфимцева А.А. Лексическое значение. (принцип семиологического описания лексики) / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986.
203. Уфимцева А.А. Знак языковой / А.А. Уфимцева // Языкознание. БЭС. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
204. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
205. Хижняк С.Н. Специфика проявления терминологичности в языке / С.Н. Хижняк // Лингвистические проблемы формирования и развития отраслевой терминологии: Межвузовский сборник.- Саратов: СГАП. 1999. – 72 с.
206. Хлебда В. Шесть соображений по вопросу о языковом самосознании / В. Хлебда // Русистика. СПб., 1999.
207. Цены и ценообразование: Учебник для вузов / Под ред. И.К. Салимжанова. – М.: ЗАО «Финстатинформ», 1999. – 304 с.
208. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теории, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1976. – 175 с.
209. Шилова Е.В. Терминологическая дефиниция как метатекст в русскоязычной и англоязычной научно-технической литературе: дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.В.Шилова; – Екатеринбург, 2005. – 24 с.
210. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев. – М., Просвещение, 1964.
211. Шпет Г.Г. Введение в этическую психологию / Г.Г. Шпет. – М.: Правда, 1980. – 607 с.

212. Экономическая история зарубежных стран. М.: Экоперспектива, 1997. – 432 с.
213. Якобсон Р. Итоги IX конгресса лингвистов / Р. Якобсон // Новое в лингвистике. Вып. IV. – М., 1965.
214. Якобсон Р. О разработке целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами / Р. Якобсон // Новое в лингвистике. Вып. 4. М.: Прогресс, 1965.
215. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Республика, 1994. – 527 с.
216. Abel. G. Was ist Interpretationsphilosophie? / G. Abel // Zeichen und Interpretation. Frankfurt am Main. 1994.
217. Sager J.C. A Practical Course in Terminology Processing / J.C. Sager. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing House, 1990. – 254 p.
218. Simon J. Philosophie des Zeichen / J. Simon // New York, 1989.
219. Будылева О.Н. Эксплицитная подача метаязыка географии.
<http://cnit.ssau.ru/iatp/work/budileva/>
220. Вепрева И.Т. Что такое рефлексив? Кто он, homo reflectens? / Известия Уральского государственного университета №24 (2002) Гуманитарные науки_Выпуск 5 htm. (Интернет)
221. Пересесяк И.В. Семантическая структура научного текста.
<http://www.isuct.ru/konf/antropos/section/3/peres.htm>.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. Англо-русский русско-английский толковый словарь. М.: «Джон уайли энд санз», 1995, 224 с.
2. Аникин А.В. Англо-русский словарь по экономике и финансам / А.В. Аникин. – Экономическая школа, 1993. - 580 с.
3. Бернар И., Колли Ж. Толковый экономический и финансовый словарь., М.: Международные отношения, 1997 - 760 с.
4. Бобров В.Б. Англо-русский словарь по рекламе и маркетингу. М.: РУССО, 1998. - 704 с.
5. Бобылев Ю.А. Словарь банковско-биржевой лексики на шести языках, 1992.
6. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна.- 3-е изд. стереотип.- М.: Институт новой экономики, 1998 - 864 с.
7. Бурмистрова М., Котляр В. Английский язык для эффективного менеджмента .- М.: “Технологическая школа бизнеса”, 1994 - 264 с.
8. Дьяченко В.П. Финансово-кредитный словарь. М.: Госфиниздат, 1961
9. Жданова И.С. Русско-английский экономический словарь. М.: Рус. яз., 2002. – 880 с.
10. Загорская А. Большой англо-русский, русско-английский словарь по бизнесу, 1997.
11. Кавригина И.С., Сазонов М.А. Торгово-финансовый словарь, 1993.
12. Королькевич В.А., Королькевич В.Ф. Англо-русский бизнес-словарь. – М.: Юристь, 2000. – 549 с.
13. Крупнов В.Н. Русско-английский словарь активной деловой лексики. – М.: Дело, 1997. – 384 с.
14. Розенберг Дж.М. Бизнес и менеджмент. Терминологический словарь., 1997, с 463
15. Толковый англо-русский и русско-английский словарь биржевых терминов.,1993

16. Федоров Б.Г. Англо-русский толковый словарь валютно-кредитных терминов. - М.: Финансы и статистика, 1992 - 240 с.
17. Федоров Б.Г. Новый англо-русский банковский и экономический словарь. – СПб.: Лимбус Пресс, 2000. – 848 с.
18. Финансы и долги: Толковый словарь Всемирного банка: англо-французско-испанско-русский. 1997.
19. Тезаурус русской деловой лексики (The Thesaurus of Russian Business Words). АВВУУ. 1997 – 1999 – 2 изд. 16 тыс. статей